

**Нам дороги эти
позабывать нельзя**

Отправка комбайнов из Украины на Урал. 1941 год.

Преддверие трагедии

Вторая мировая война принесла беды огромному числу населения Европы, в том числе жителям Европейской части СССР, пожалуй и многим другим, живших далеко за пределами фронтовых действий, вдали от оккупированных территорий. В особой трагической роли оказалось еврейское население.

В 1939-1940 годах население страны Советов увеличилось за счет присоединения западных областей к Украине, Белоруссии, Прибалтике, Молдавии. Добавилось и количество евреев. В сборнике документов и материалов «Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944)» написано, что на период присоединения к Советскому Союзу, на этих землях проживало 2 млн. 150 тысяч евреев. Часть людей, в том числе перебежчики из Польши, Румынии, за какой-нибудь год до начала военных действий с Германией, были сосланы в Сибирь, Казахстан, Дальний Восток и т.д., всего 880 тысяч, из них евреев около 30% - 264 тысячи. Гитлеровская армия в первые же недели захватила большое пространство, фактически лишив людей этих мест возможности убежать от фашистской напасти.

Что представляли собой области Советского Союза, захваченные немецкой армией? Это были районы с большой концентрацией еврейского населения. Проследим на цифрах.

Украина, Винницкая область: города Бар – 35% евреев, Винница – 35,6%, Хмельник – 63,8%, поселки Литин – 27,7%, Томашполь – 62,86%, Чечельник – 66,1%.

Днепропетровская область: село Сталиндорф (Жовтневое) - 47,6%.

Житомирская область: города Бердичев -37,52%, Житомир – 31,03%, Любар – 70,26%, Новоград-Волынский – 28,8%, Овруч – 33%, поселки Олевск – 42,15%, Чоповичи – 44,69%, Чуднов – 46, 35%.

Ивано-Франковская область: город Станислав (Ивано-Франковск) – 41,4%, поселки Рогатин – 40,1%, Рожнятов – 41,8%, Яблонов – 46,7%.

Каменец-Подольская область: город Проскурров – 38,73%, поселок Ямполь – 32,2%, село Плужное – 93,5%, Фрамполь – 36,86%.

Киевская область: города Киев – 26,5%, Ракитное – 51,3%, Умань – 29,8%.

Николаевская область: поселок Калининдорф – 78,7%.

Ровенская область: поселок Дубровица – 43,4%, село Торговица – более 60%.

Сумская область: город Конотоп – 25%.

Хмельницкая область: город Новая Ушица – 55%, поселок Теофиполь – 36,86%, Ярмолинцы – 60%.

Черниговская область: город Стороженец – 75%.

Город Одесса – 33,26%.

Белоруссия, Гомельская область: города Калинковичи – 34,6%, Копаткевичи – 36,45%, поселки Ельск – 31,74%, Лельчицы – 29,2%, Ленин – 52,5%, Наровля – 29,8%, Паричи – 50,4%, Стрешин – 33%, Туров – 28%, Хойники – 47,83%, деревни Городец – 69,4%, Поддобрянка – большая часть еврей, Свержень – 50%.

Брестская область: города Береза – 52,2%, Лунинец – 24,5%, Пинск – около 60%, Столин – 51,6%, поселок Погорск-Загорский – 72,2%.

Витебская область: города Глубокое – около 75%, Ляды – 40%, Чашники – 31,64%, поселок Яновичи – 34,8%.

Гродненская область: города Гродно – 42,2%, Новогрудок – 63%, Ошмяны – более 50%, Слоним – 71,7%, Сморгонь – 39,2%, поселок Острино – 73%, деревня Пески – две трети.

Минская область: города Минск – 29,9%, Несвиж – 57%, Слуцк – 33,68%, поселок Узда – 39%, Свирь – более 50%, деревни Рубежичи – 60%, Селиба – основное население еврей.

Литва: города Паневежис – 38%, Плунге – 28%.

Латвия: город Даугавпилс – 24,6%.

Молдавия: города Кишинев – 35,7% (в 1930г.), Бельцы – две трети, Оргеев (Орхей) – 41,9%.

Это не полные данные за 1939 год. За последующие два года произошел естественный прирост населения, в том числе еврейского, при этом нужно учесть, что во многих городах, местечках количество детей было более трети от всего еврейского населения, а семьи растили пятерых и более ребят. Доля евреев была незавидной: одни с трудом успели эвакуироваться в дальние края, испытывая в дороге и на местах нужду в кусочке хлеба, холод, болезни; другие сумели спастись в схронах, лесах, включились в партизанскую борьбу; помогли местные жители, третьи стали жертвами нацизма.

Более шести миллионов погибших евреев. За что такая участь им, из века в век гонимым, презируемым, подвергаемым различным мукам, убийствам? Премьер-министр Англии Уинстон Черчилль ответил на вопрос, почему же стали жертвой столько людей, обвинив в этом Сталина, Советское правительство:

«Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на Восток германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах.

История вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда лениво выжидали надвигавшегося на Россию нападения, или были неспособны понять, что их ждет».

Действительно, еще 30 января, выступая в Рейхстаге, Гитлер заявил: «Коммунистическая идеология и исповедующий ее Советский Союз являются орудиями в руках евреев, добывающихся мирового господства. Уничтожение советских евреев позволило бы Германии добиться сразу двух целей: подрвать основу советской государственности и избавиться

от самого заклятого врага – евреев». Знали ведь об отношении фашистской Германии к евреям.

Профессор-историк Аркадий Лейзеров утверждает: «В 1941-1945гг. Не отмечено ни одного случая. Когда бы местные власти при организации эвакуации обратились к евреям с призывом уйти от приближающихся фашистских войск».

В некоторых местах к эвакуации населения отнеслись серьезно. Довольно много евреев покинуло такие города, как Рига, Даугавпилс, Гомель, Могилев, Речица, Олевск. Молниеносный захват западных земель СССР помешал возможности бегству в городах: Барановичи, Бобруйск, Витебск, Гродно, Минск, Винница, республик Прибалтики, Молдавии и т.д. Пассивным оказалась администрация городов Лубны, Любар, Херсона, Щорса, Новозыбкова, в Пинске задерживали желающих уехать. Не сумели преодолеть вторую эвакуацию евреи, оказавшиеся на железнодорожных вокзалах, территории городов Брянска, Нальчика, Ессентуков, Одессы, Ростова-на-Дону, станции Усть-Лабинская, других селений Северного Кавказа.

О малышах и подростках времен военного лихолетья, сумевших бежать из восточных районов страны, от стремительно наступавших фашистских частей, и пойдет дальше речь. Мы в долгу и перед теми, кто в годы Великой Отечественной войны трудился в тылу, создавал оружие, работал на полях и фермах, вносил посильный вклад в победу над фашизмом. Многие из молодежи эвакуировались, стали к станкам или включились в колхозные будни, а затем ушли защищать Родину.

Историки считают...

К цифрам, относящимся к Холокосту, в том числе, количеству эвакуированного населения нужно относиться с пониманием того, что особого учета, особенно тех, кто убежал самостоятельно, не велось. Очень многие ученые высказывают свои взгляды, беря за основу разные точки отсчета, и данные

очень отличаются. Кандидат исторических наук доцент Магнитогорского государственного университета М. Потемкина считает, что «в СССР не существовало детально разработанного плана эвакуации населения на случай вторжения противника на территорию страны, и механизм переброски в тыл производства и людских ресурсов формировался уже в ходе войны. Поэтому так огромны были потери в областях захваченных гитлеровской армией». А оставалось там довольно много. Историк Швейбиш говорит, что на оккупированной территории жило 4095 тысяч евреев, без учета беженцев из Польши и Румынии.

Страна нуждалась в экстренной перестройке народного хозяйства, ведь многие важные предприятия находились в районах, которые были захвачены в первый месяц войны, или была угроза оккупации войсками Вермахта.

По решению правительства СССР уже 24 июня был создан Совет по эвакуации, председателем был назначен Н. Шверник. Но в первые дни войны Совет практически бездействовал. Все же усилиями местных органов, большой работе транспортников, в первую очередь, железнодорожников, из опасных зон было вывезены сотни предприятий вместе с работниками, продовольствием, зерном, скотом. Демонтаж оборудования предприятий велся одновременно с продолжением выпуска продукции. Порою в надежде, что немецкие войска дальше не продвинутся, затягивали с эвакуацией, приостанавливали ее.

Ценнейшее оборудование завода «Запорожсталь», в том числе уникальный прокатный стан, грузили и отправляли, когда на правом берегу Днепра хозяйничала немецкая армия. Эвакуацию металлургического завода в Макеевке начали за пять дней до захвата города немцами. И.Тевосян, Нарком черной металлургии, сообщал: «По важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской области, фактически эвакуация была сорвана». Из Сталинской (Донецкой) и Ворошиловоградской

(Луганской) областей в тыл успели отправить лишь 11870 вагонов с людьми, оборудованием. Только напряженная, без сна и отдыха самоотверженная работа позволила отгрузить 8 тысяч вагонов из Днепропетровска в Магнитогорск. Не успев отправить на восток агрегаты Зуевской ГРЭС (Д о н б а с с) , и х з а м и н и р о в а л и . Выступление руководителя Советского Союза Иосифа Сталина последовало только 3 июля 1941 года, через 12 дней после начала войны. Он признал факт захвата немецко-фашистскими войсками Литвы, западных частей Белоруссии и Украины, говорил о бомбежках многих городов. И далее: «Он (то есть враг, гитлеровская Германия – Д.Ф.) ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов». Для евреев места в его речи не нашлось, хотя был уже Дахау, гибли тысячи людей в СССР. Наверное он причислил евреев в число других свободных, хотя вряд ли они были свободными от коммунистической идеологии, от антисемитизма, который с еще большей силой проявится во время и после окончания этой жестокой войны.

И. Сталин говорил, что нужно угонять вагоны, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, литра горючего, вывозить все ценное, в том числе цветные металлы. То, что нельзя вывезти, уничтожать. «Колхозники должны угонять весь скот»! Про людей забыл. А ведь можно было еще сотни тысяч евреев уберечь от уничтожения.

Доктор исторических наук Леонид Смиловицкий, исследуя события Холокоста, сообщает: «В первый месяц войны Германия захватила области, в которых проживало около половины еврейского населения СССР, а всего к 1942 году

оккупации подверглась территория, где было сосредоточено не менее 80% советского еврейства, в границах страны на 1941 год». К декабрю под сапогом фашистов оказалась земля, посевная площадь которой составляла 47% от всей в СССР, давала 38% всего валового сбора зерна в стране, 84% довоенного производства сахара, на ней содержалось 38% крупного рогатого скота. В итоге фашистской агрессии оказались захвачены индустриальные районы, удельный вес которых составлял: по производству станков – 83,5%, металлургического оборудования – 72,5%, магистральных паровозов – более 95%, автомобилей, шарикоподшипников – 100%, здесь производили большую часть боевой техники, вооружения, располагалось 31850 промышленных предприятий, добывалось 63% каменного угля. Здесь до войны проживало более 80 миллионов человек.

Из Латвии, согласно книги К. Варашинкаса «Деятельность эвакуированного населения Литовской СССР в советском тылу в годы Великой Отечественной войны», было отправлено более 40 тысяч человек, в том числе шесть литовских детских домов, из Эстонии - 25 тысяч человек, пять детских домов с 600 детьми.

Молдавия сумела отправить за пределы республики до 300 тысяч граждан, также 40760 вагонов с ценным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием. (Г.Куманев, д.и.н., профессор академии РАЕН, реферат-«Война и эвакуация в СССР»).

О положении в республике Белоруссия написали историки Е. Розенблом и И. Еленская: «Эвакуация проходила в спешке. Стремительное наступление противника помешало провести мобилизацию и эвакуацию в западных областях. Точные данные о том, сколько евреев успело покинуть республику до того, как ее оккупировали нацисты, отсутствуют. Приблизительные расчеты показывают, что из районов, захваченных до конца июня 1941 года, было эвакуировано всего около 11% евреев; из районов, оккупированных к

середине июля 1941 года 43-44%, и, наконец, из восточной части республики спаслось около 63-64%». Последняя цифра вызывает сомнение, вряд ли 2/3 еврейского населения этих областей покинули города и селения. Другие исторические материалы утверждают иное.

Из Западной Белоруссии удалось отправить лишь немногие эшелоны, в них в основном успевали вывезти первую очередь – это были партийные и советские работники, семьи командующего состава. Более массовая эвакуация началась в июле-августе 1941 года в основном из восточных районов республики. Число избежавших оккупации всего по Белоруссии от 11 до 17%, по восточной ее части – около 40%. Немного иные цифры, чем выше. В книге «Трудящиеся Белоруссии – фронту», написано, что из республики было вывезено 110 детских домов, 25 детсадов, 28 пионерских лагерей, 3 спецшколы, 3 детских санатория. Можно подумать, что эвакуировали всех детей. Но слышал рассказы многих, которые были в лагерях, лечебницах и т.д., и были предоставлены сами себе, администрации учреждений первыми уезжали, не задумываясь о судьбах малышей. Примеры впереди.

Большое количество предприятий Восточной Белоруссии были демонтированы и отправлены в тыл вместе со специалистами и их семьями: заводы «Гомсельмаш», станкозавод имени Кирова (выехало 425 рабочих и их семьи), Паровозо-ремонтный, «Двигатель революции», Могилевский автомобильный, Оршанский льнокомбинат и т.д., более ста предприятий по республике, 1,5 млн человек.

Добавим, что не только быстрое продвижение фашистской армии не позволило вывезти людей подальше от надвигающейся гитлеровской военной машины, а молчание правительственных органов СССР о планах Гитлера уничтожить еврейский народ, об издевательствах над ними в уже захваченных землях, бегство руководителей разных уровней из опасных мест, оставивших на произвол судьбы

людей. Многие жители эвакуировались самостоятельно. На их пути было всякое: атаки фашистских асов, окружение, голод – ведь далеко не всюду позаботились о том, чтобы таких беженцев кормили, помогали.

Первый секретарь Челябинского обкома партии ВКП(б) Н. Патоличев писал о первых прибывавших на Урал эшелонах: «Случалось, что в открытых вагонах или платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя. Иногда и этого не было. Здесь же станки, материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей. При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек, в них набивалось по 80-100. Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей, жилища которых были захвачены фашистами».

Все же в течение июля-ноября 1941 года в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и среднюю Азию эвакуировано 1523 предприятия, в том числе много крупных заводов, работавших на военную промышленность. Порядка полтора миллионов вагонов с важным оборудованием и работниками-специалистами были отправлены из опасной зоны в первые пять месяцев войны. За все время, пока гитлеровские полчища захватывали все новые территории, в глубокий тыл было перебазируется 2600 предприятий, которые до войны выпускали около трети всей промышленной продукции СССР, вывезено 11 тысяч тракторов и других сельскохозяйственных машин, значительное количество скота – более 2млн. 300 тысяч. В восточные районы страны сумело выехать более 10 миллионов человек в 1941 и 11 (бытует цифра 12) миллионов в 1942 годах.

Репрессии как спасение

Вряд ли можно говорить о массовой эвакуации из Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины,

занятых фашистами в первую неделю войны. Но, например, из Эстонии, которая была захвачена немецкими подразделениями немного позже ее соседей, эвакуировалась около двух тысяч евреев.

Действия советских властей в областях, присоединенных в 1939 – 1940 годах, стали предметом изучения многих историков. Отправляя сотни тысяч ни в чем неповинных людей на выселение на восток страны, они тем самым способствовали спасению ее большей части. Из Западной Польши в Восточную, то есть в Советский Союз, убежало 600 тысяч польских граждан, среди них около 350 тысяч евреев. В разных исследованиях историки приводят различные цифры. Так П. Полян в монографии «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР» говорит, что общее число депортированных из Западных областей Советского Союза достигало около 380-390 тысяч человек. Историк Евгений Беркович пишет, что в результате репрессий 1939-1941 годов пострадало около 500 тысяч людей, больше чем в оккупированной немцами за те же годы Польше. Причем 30% составляли евреи. Только в польской армии служило 25000 евреев, более 10%. Порядка ста тысяч репрессированных евреев выжило в очень тяжелых условиях. Нельзя не напомнить о 21 тысяче польских офицерах, расстрелянных органами НКВД в Катыни, Харькове, Твери и других местах. И среди них были евреи. Лишь почти через шестьдесят лет Россия согласилась признать свою вину.

Ученые приводят четыре периода основных депортаций из западных областей страны:

1. В феврале 1940 года репрессии коснулись более 110 тысяч бывших польских граждан, обвиненных в контрреволюционных преступлениях. Часть из них была расстреляна (7,3 - 11 тысяч человек).
2. Апрель 1940 года. Члены семей, у которых кто-либо был ранее репрессирован, последовали в Казахстан – 61 тысяча человек.

3. В конце июня выслано 78 тысяч спецпереселенцев-беженцев, из них более 80 процентов евреи. Большая часть оказалась в Сибири.

4. Лето 1941 года. Перед началом войны, депортации подверглись более 85 тысяч человек. Только за один день 14 июня из Прибалтики были отправлены в Сибирь 25 тысяч человек. За этот год были высланы: из Эстонии - 10, Латвии - 15,4 - 16,5, Литвы - 17,5 тысяч граждан.

12.08.1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому 389041 человек, бывших граждан Польши (депортированные из Западной Белоруссии и Западной Украины) были амнистированы, 341 человек остался в заключении. Но амнистия не намного улучшила положение людей, которые в большинстве своем не знали русского языка, находились в ужасных, почти рабских, условиях, в лютую стужу, при самом минимальном пайке, вынужденные тяжело работать.

Дадим слово одному из таких людей идишскому писателю Давиду Хаяту, живущему ныне в Иерусалиме. Его семье, другим из местечка Расейняй (Литва) дали двадцать минут, чтобы собраться. Одной девушке Нехаме разрешили остаться – ее мать была больна, парализована. «Не плачьте дорогие, вам еще лучше будет, чем нам», - сказала она. Как в воду глядела.

- Когда нас привели в сопровождении солдат к вагону, многие из тех, кто прибыл раньше нас, выглядели как после страшного потрясения. ...мы тронулись с места. Двери заколотили. Что дальше? Куда мы едем? Два маленьких окошечка были забиты досками и железными лентами, так что свет чуть проникал сверху. Мы с трудом могли отличать день от ночи. На полу набросано немного сена. Оно служило кроватью, креслом и столом, - пишет Давид в книге «Духом не павшие».

Их посадили на катер повезли дальше. От моряка узнали, что везут в Котлас.

- И еще этот матрос открыл нам второй секрет: придут какие-то люди покупать нас, как рабов, и тогда нас зашлют в разные места республики (Коми АССР – Д.Ф.), вплоть до берега Северного Ледовитого океана. Он пытался нас подбодрить:

- Если вы не потеряете веру и по возможности будете беречь остатки своего здоровья, тогда вы все преодолеете и всех переживете. Держитесь только всегда вместе и старайтесь помогать друг другу.

- Мы рыли затвердевшую мезлую землю, пилили многовековые деревья и ошкуривали их, грузили глину лопатами в тачки и вагонетки, тягали лес на себе, чистили снег и рубили лед, сплавливали лес, стоя по пояс в студенной воде. Как могли, спасались от кровожадных мошек и комаров. Мяли глину и формовали кирпичи, как некогда рабы в Египте при фараоне. Мы были голодными и оборванными...

Давиду Хаяту было 16 лет, его сестре Хане – 14, но жизнь заставила их не учиться в школе, а тяжело трудиться. Сила воли, закаленная в юности пригодится и в мирное время, когда его не хотели принимать на работу, когда он, инженер-строитель, сдавал объекты со знаком качества, несмотря на придирки, когда он, внештатный корреспондент областной газеты «Гомельская правда», критиковал начальство, не боясь последствий.

Вскоре после присоединения Бессарабии к СССР арестовали, конфисковали имущество – была своя столярная мастерская, посадили в товарный вагон и отправили в Казахстан семью Станиславских. Все трудились в колхозе, среди них дочь Сура. В «Трудовой книжке колхозника» на имя этой пятнадцатилетней девчонки указан перечень работ выполненных ею в 1942 году: очистка снега с крыши и подвала, чистка скотного двора, корчевание, чистка арыков, заготовка щебня, копка земли. В конце этого года участвовала в строительстве содового завода в районном центре. С начала 1943 года за хорошую стахановскую работу получала

дополнительный паек.

- Для меня война началась в 1939 году с разделом Польши между СССР и Германией, захватом восточных польских земель Советской Армией, - говорит Моше Гринштейн. - Наша семья жила в Луцке на Волыни, районах, присоединенных к Украине. Были довольно состоятельными гражданами, у моего отца Когоса была своя мануфактура, к тому же он был сионистом, а это все совсем не нравилось новой власти. В наш большой дом поселили семью, главой которой был руководитель НКВД в городе. Стали придирааться, требовать золото, денег. Хорошо, что отец успел до нападков распродать все склады с товарами. Однажды пришли и потребовали: «Плати налог - миллион рублей!»

- Да где же я возьму такие деньги?

- Тебе лучше знать.

...Когос Гринштейн откупился какой-то суммой, но вскоре его арестовали, посадили в тюрьму, часто допрашивали, пытаюсь вытянуть побольше. «Да у тебя золото мешками». Два месяца продержали, затем осудили на 10 лет и отправили на север в Печору.

- В июне 1940 года ночью пришли и за нами. Сказали: «Собирайтесь, мы подыскали для вас лучшее место». К поезду нагнали женщин, детей, среди нас также были жены польских офицеров. Два месяца вез эшелон, нас высадили в Кустанае (Казахская ССР), четыре семьи из Луцка попали в поселок Ново-Илиновка, довольно большой, правда, одна длинная улица. Мне было шестнадцать лет, когда началась война с Германией, почти всех мужчин, за исключением стариков, забрали в армию. Я оказался одним из наиболее грамотных, меня поставили учетчиком в машино-тракторную бригаду. Участок, четыре километра в длину, обрабатываемый ею, находился за 30 километров от поселка. Исходил его вдоль и поперек с саженом в руках. Кроме этой работы я должен был привозить на стан провиант. Поэтому мне предоставили лошадь с повозкой, мог ночевать дома. С вечера мне отпускали

продукты, а утром раненько я выезжал на участок. К завтраку, обеду нарезал хлеб на равные части, чтобы каждому хватило, чтобы никого не обидеть.

Отношение людей было неплохое. Поначалу трудности были с моим плохим знанием русского языка, но я справлялся. В Союзе была такая практика: вначале все зерно, другие выращиваемые культуры колхоз должен был сдать государству, только потом распределяли по трудодням крестьянам. Благо, что репрессированным семьям выделили участки земли, мы смогли посадить картофель, свеклу, разные овощи. Стало легче с питанием. Мне к тому же полагалось два трудодня за рабочий день, а на каждый давали три килограмма зерна. Так что хлеб у нас был. В 1942 году, когда начали создавать польскую армию Андерса, освободили отца, он присоединился к нам, тоже стал работать в колхозе.

Далее нашего поселка не разрешали выезжать – статья 58. Запрещали подходить к чеченцам и ингушам, которых привезли в поселок. Было очень холодно, а у них, привыкших к теплу, не было зимней одежды, многие из них умерли. В Ново-Илиновке прожили до 1945 года. Нам вернули польское гражданство и мы уехали в Польшу. В городе Вроцлаве семье выдали сертификат на выезд в Палестину, вполне легально в начале 1947 года нас доставили в Хайфу, здесь еще с двадцатых годов жили наши родственники. В Сохнуте нам выделили дом. С этой поры вся моя жизнь связана с этим городом.

...Отец Моше – Когос (здесь он возьмет другое имя – Хаим) устроился в ЦИМе (компания по морским перевозкам), Моше будет работать в Хеврат Хашмале. В детстве он учился в школе Тарбут и изучил иврит, это помогло ему в трудоустройстве. В рядах ЦАХАЛа Моше Гринштейн стал участником войн 1948, 1956, 1967 годов. Сейчас на пенсии, ведет активную работу на благо общества. Его сын Дан – профессор в Иоханнесбурге, дочь Рахель – физиотерапевт в Рамат-Гане.

Как молоды мы были

- Вернитесь домой! Скоро будет война, - написала своим детям их мама.

18-летний Ирше Душанский, пионервожатый лагеря в Паланге, держал письмо и вопросительно смотрел на четырнадцатилетнего брата Бориса, отдохавшего в этом же лагере, который был создан совсем недавно, выселив из симпатичных вил литовских буржуев.

- Какая война? Здесь так хорошо, спокойно, весело. В воскресенье будет открытие пионерского лагеря, приедет начальство из Вильнюса, будет оркестр. Как считаешь?

- Мы не так давно приехали, в лагере отлично. Можем на денек поехать к родителям, но после выходного.

В воскресенье рано утром они проснулись от страшных взрывов. Выскочили в трусиках, накинув поверх одеяла.

- Это маневры, - сказал кто-то из старших.

Но одна вилла запылала, из другой вырывалось пламя, оттуда из окон выпрыгивали дети. Пионервожатые догадались подставить натянутые одеяла. Крики, детский плач. Младших ребят посадили на автобус и вывезли. Старшие, семь человек, среди них и братья Душанские, сели на открытую машину, водитель отправился к латвийской границе до Жигареса. По дороге старший брат Ирше сказал, что будет сам добираться к родителям в Каунас.

- А ты поедешь со всеми, - приказал он Борису.

В Елгаве детей посадили в эшелон, в котором было много раненых. Младшие ребята испуганно смотрели на них, более старшие помогали как могли, были на подхвате у медицинского персонала. На Рижском вокзале паника, неразбериха. В последний вагон угодил снаряд. В поезде выявили немецкого разведчика, прикинувшегося раненым. Высадили учеников в городе Котельнич Кировской области.

- Оказался я в колхозе Ильинского сельсовета. Кормили нас в детском саду, спали в сельсовете, работали на полях, - сообщил Борис Душанский. - Однажды вызвали нас в

госбезопасность. Оказывается кто-то в клубе в журнале «Огонек» выколол на фотографиях глаза членам Политбюро. Я тогда толком не знал, что такое Политбюро. Поспрашивали нас, но выпустили, сказав, чтобы сообщили, если узнаем, кто посмел совершить такое преступление.

Зима, мороз, вместо ботинок дали нам лапти. Очень сложно было нам привыкать там. Договорились и все семь человек, что приехали из Паланги, удрали по Волге в Казань. По дороге поработали на заводе в Вотчинске, сбивали ящики для снарядов. В столице Татарии находилось литовское правительство. Нас одели, обули, и отправили в деревню Атнар–Большой Мингар. Выполняли все работы.

...Из Атнара Бориса отправляют в ремесленное училище No. 7, учился и работал одновременно на авиазаводе No. 35. Здесь изготавливали боевые самолеты. Детали к ним точил токарь Борис Душанский. В 1944 году был призван как доброволец в армию, участвовал в составе 365 пехотного полка в освобождении Литвы. Тогда и узнал о судьбе родных. Отца и двоюродного брата Иделке Плоткина забрали литовские националисты, убили. Погибли мать и брат Ирше. Дедушку Арона, тетю Басю, ее детей Рувеле, Авремеле – всех Плоткиных закрыли в павильоне и сожгли. С 1997 года Борис Душанский с дочерью живет в Израиле.

Израиль, Израиль, страна моя...

- Я 12 лет был в отказе, писал во все коммунистические партии мира петиции, отдавая их морякам, которые отправлялись в плавание за границу. Первое заявление на выезд подал в 1959 году. Если вы слышали была история с евреями, которые еще в 1948 году просили разрешения выехать в Израиль, чтобы оказать помощь борющемуся молодому еврейскому государству. Голда Меер, представитель страны в СССР, просила Полину Жемчужную, жену Вячеслава Молотова, с которой подружилась, посодействовать этим евреям. Сталин, когда до него дошла

эта просьба, сказал. чтобы дали ему списки желающих покинуть страну. Их всех тут же арестовали и посадили в тюрьмы.

В 1956 году заключенных выпустили. А через три года Никита Хрущев был с визитом в США. Его спросили, почему не пускают евреев сменить местожительство, выехать в другую страну. Он ответил, что таких заявлений нет. Все это я услышал по радиоприемнику - передачу Би-би-си. Вот я и подумал, что если их освободили и разрешили поменять гражданство, то может быть и меня отпустят восвояси. Не тут-то было.

Мое обращение в Президиум Верховного Совета СССР оставалось без ответа, но результаты я почувствовал – меня сняли с работы. Каждый год я подавал заявления, каждый раз меня вызывали в КГБ, каждый год приходилось искать новое место работы.

... Яков Залипский на несколько секунд прекращает нашу беседу. До войны семья, семь человек: родители, трое сестер, два брата, жила в Риге. Красная Армия, утверждает Яков, вторглась в пределы Прибалтики. Многие рижане попали в сталинские концлагеря. В сорок первом война пришла и в их дом. Жили они в старом городе в чудесной квартире недалеко от вокзала, но сесть на поезд не смогли. Удрали они буквально в последнюю минуту. Были разрушены мосты через Даугаву. Положили на велосипед чемодан с необходимыми вещами и пешочком в сторону Рогачева. Узнали, что поезд идет в Москву, встали в очередь в кассу за билетами, но ее закрыли, мест больше не было. Довольствовались площадкой между вагонами – тамбуром, иногда опускались на буфера, рискуя свалиться под колеса, или быть прижатыми этими буферами. Приходилось стоять, стоя спать. Эшелон ехал через Белоруссию, затем вместо Москвы повезли на север. Где-то высаживали, проверяли документы, а у них советского гражданства не было, не хотели пропускать.

Ивановская область, колхоз, но пробыли Залипские в нем недолго. По Волге спустились они до Астрахани. Возиться с «ненадежными» гражданами никто не хотел. Большую баржу заполнили беженцами до отказа, теснота невероятная, пройти было трудно, некоторые сумели устроиться на холодном жестяном полу. Вокруг, вместе с обычными людьми, ворье, жулье. Пересадили часть людей на кораблик, который чуть не опрокинулся. Паника. Наконец, кажется можно вздохнуть. Пароход бросил якорь в Красноводске.

- Эта вторая эвакуация была не менее тяжелой, чем первая, - говорит Яков, - у нас никакой зимней одежды, еды почти нет. Вши стряхивали на землю. И здесь мы не прижились. Снова в пути, на этот раз в вагонах, едем в Чкаловскую область. Разместили нас вдали от областного центра, от железной дороги в колхозе районного центра Беляевка. Ветхий дощатый домик не грел, обмазали мы его кизьяками, стало теплее. Старшие сестры, младшие братья - все трудились в колхозе. Чего только мне не поручали: был конюхом, возил воду, стоял за плугом, да и на тракторе работать научился. Мужчин в колхозе на перечет, почти все в армии, разве что старики остались.

В 18 лет я получил повестку в военкомат. Трудовая армия - где еще выходцам из Литвы, беспаспортным бродягам быть. Поставили нас долбить мерзлую землю, рыть ямы для установки столбов. Услышал, что формируется Литовская дивизия.. Стал проситься, чтобы меня направили в нее. Уговорил. Шел 1943 год. Я на 2-м Прибалтийском фронте, командующим был генерал Баграмян, в 43-ей гвардейской стрелковой дивизии.

...На войне, как на войне, всякое было. Окопы, команда «Вперед!», «Ложись!», атаки, контратаки противника. Заслужил Яков Залипский медали «За отвагу», «За трудовую доблесть», « За освобождение Риги». Но был дважды ранен, первый раз в бок, второй раз в марте 1944 недалеко от столицы Латвии в руку. Боялись, что рана загноится, хотели

ампутировать, но Яков не согласился, чему всю жизнь был несказанно рад. Госпиталя, лечение.

- Я – участник Великой Отечественной войны, при наградах, благодарностях, комсомолец, а советского гражданства не было. Каждые три месяца должен был отмечаться в отделении милиции. Кем я только не работал: был парикмахером и не плохим, занимался выделкой кожи, трудился в морском рыбном порту, на пожарном спасательном судне... В 1971 году все-таки ступил на родную землю Израиля. Работал здесь на военном заводе, собирал двигатели внутреннего сгорания для армии.

Спасение утопающих...

Иосиф Лузанский не мог забрать своего сына одиннадцатилетнего Мишу из пионерского лагеря «Василевичи», так как он, участник освобождения Западной Белоруссии, на второй день ушел на призывной пункт. В тот же день дети были разбужены мощными взрывами, немецкие самолеты бомбили аэродром, находившийся рядом с лагерем. Часть ребят родители увезли.

- Пойдем сами домой, 7-8 километров до Бобруйска – ерунда, - предложил Миша товарищу. Тот согласился.

Вот и знакомое деревянное строение, где, кроме Лузанских, жило еще три семьи. Напротив был сад, в нем люди вырыли щели, чтобы прятаться во время налетов. Мама не ждала сына, сказала:

- Миша, магазины почти все закрыты, а в остальных продукты расхватали. Есть-то особо нечего, вернись в лагерь, война долго не продлится.

24 июня утром воздушная тревога. Ребята возвращались к своим товарищам, встретили группу солдат в новенькой одежде. Кто-то вскрикнул, над ними пронесся истребитель. Они едва успели сойти с дороги, как услышали цоканье пуль по асфальту шоссе, пролетавшие прямо над головой. В лагере еще было много детей. Администрация собирала вещи.

Предупредили ребят, что ночевать будут они в лесу. Взяли одеяла.

- Назавтра, 26 июня, нас построили, сказали, что лагерь больше не работает и велели идти в Бобруйск, а сами на машине укатили, - рассказывает Михаил Лузанский. - Пришел, а дома никого. Соседи сказали, что они ушли к маминой сестре Соне. Нашел их, собрали кое-что в узелки и зашагали к лесу, решили переночуем среди сосен, а утром домой. Но обстоятельства заставили идти дальше. Вся дорога на Рогачев, по которой мы шли, была запружена людьми, многие бросали чемоданы, нехватало сил их тащить. На большой скорости проехали танки, кто не успевал сойти с дороги, давили. Один солдат с перевязанной ногой, может быть отставший от госпиталя, все время голосовал, пытаясь выбраться отсюда, но никто даже не притормозил. Мы прошли пешком 60 километров, сегодня я бы не преодолел такую дистанцию. Так прошел этот день, день рождения моей сестрички, которой исполнилось четыре года. Иногда ее на этом пути подсаживали на телегу.

...В Рогачеве они переночевали, пришли на вокзал, где стоял эшелон. Недавно из него выгрузилась конница. Люди атаковали вагоны-телятники, ступенек в них не было, забираться было довольно трудно. Михаил заметил, что с обратной стороны дверь немного приоткрыта, и он позвал своих. Перебрались под вагонами, залезли внутрь. Они находились более чем по щиколотку в навозе, сидеть было невозможно, все стояли. Жара, пары от навоза, скопище людей доводили до полуобмарочного состояния. Кое-как проскочили до Могилева, подвергаясь частым бомбардировкам. Пробыли в городе несколько дней, пока им выделили другой состав.

- Это был один из последних поездов с беженцами. Больше месяца мы ехали до города Троицка Челябинской области. В столовой дали нам покушать. Один мужчина подошел, и положил для нас на стол рубль и тут же удалился. Было

очень голодно, холодно, одеть особо нечего, я отморозил себе ноги. Почти сразу пошел работать в сапожную мастерскую, ремонтировал обувь, подшивал валенки, которые зачастую были в пятнах крови, пробиты пулями. Топливо добывали сами, шли за 20 километров на болото, где находился торф, утрамбовывали торфяную полужидкую массу в деревянные рамки, когда подсыхало, забирали домой.

Зимой 1942 - 1943 года несколько дней даже по карточкам ничего не давали. Использовали в еду шалупайки из картошки, была только одна мечта: съесть целую булку хлеба. Бабушка умерла, мать работала на военном заводе. Я успевал и учиться. В школе иногда давали маленькую булочку, но не всегда. Старался донести ее до дома, отдать сестренке, хотя у самого слюнки текли.

Я с мамой и сестрой вернулись в родной город, нам бывшие партизаны рассказали, что наш отец был ранен, попал после долгих мытарств в партизанский отряд, где за него поручился знакомый мужчина. Отряд Фурмана бригады Довидовича не раз вступал в схватку с врагом. Среди болота на острове Зислав было расчищено место под аэродром, куда прилетали самолеты с Большой Земли. В январе 1944 года партизанское соединение Козлова было блокировано в районе деревни Шепиловичи. Папа был тяжело ранен, но отстреливался, пока немецкая пуля не добила его. Был похоронен с почестями.

...Закончив институт Михаил работал, как и мечтал, на поприще образования, более 30 лет был директором школы в Минске. Приехал в Израиль в 1990 году.

Резкий поворот

По рассказу хайфовчанки Любовь Койчу

Я стояла на нашей Революционной улице у дома No. 6. Здесь в Минске я родилась. Двор был большим и дом казался таким же. Из нашей комнаты через окно открывался вид на лужайку, где играли дети, где женщины вешали белье.

Сколько лет я не была здесь, не видела все это? Пятнадцать-семнадцать, больше? Город совсем не узнать, много новых домов, выровняли проспект Ленина. Но есть еще и разрушенные. После войны уцелели единичные строения. Удивляюсь, как наше здание уцелело. Говорят, что во время войны в нем была немецкая комендатура. Почему-то мой бывший дом-трехэтажка показался мне маленьким, блеклым, невзрачным, двор небольшим, правда липы возле дома выросли. Мысленно вернулась в далекие годы детства.

“Снова бомбежка”.

Фотоиллюстрация Б. Ярославцева

Минск бомбили. Помню, несмотря на то, что была совсем малышкой, что прошло много, много лет, свист, грохот, крик, слезы. Наверное кто-то погиб. У нас ночевал мамин младший брат Давид. Он находился на действительной службе в действующей армии в

городе Ломжа (Недалеко от Белостока, присоединены вместе с Западной Белоруссией к СССР, затем возвращены Польше – Д.Ф.), а 22 июня оказался в увольнении и приехал в Минск. Пришлось прервать отпуск. Давид обнял маму, меня и ушел. Он погиб под Брестом.

Мой отец Семен, работник Министерства финансов БССР, 23 июня ушел в военкомат. Перед уходом сказал жене: «Рая, бери Любочку и пробирайтесь к моей маме в Гомель». Там жили не только родители отца, бабушка Лея и дедушка Гриша, а также их дочь, моя тетя Рива, которую распределили туда после учебы.

В тот же день пришел к нам жених Ривы, дядя Хаим Напах (мы все его звали Фимой). Он объяснил, что на заводе, где он работает, выделили машину, чтобы вывезти за город семьи

рабочих, так как здесь опасно, постоянно идут атаки немецких самолетов. Поэтому руководство завода решило отправить женщин с детьми на дневное время в зеленую зону. У молодого парня семьи еще не было, он и предложил нам утром следующего дня покинуть город вместе с работниками его коллектива.

Ранним утром следующего дня мама завязала в салфетку, которой был покрыт стол, документы, несколько фотографий, и мы вышли из дома. Светало. Вновь то в одном, то в другом месте слышны были раскаты взрывов, виден был густой черный дым. Мы побежали по улице, мимо дома, где располагался детский садик Министерства финансов БССР. На балконе стояла наша нянечка и сбрасывала вниз различные вещи, стулья, детские матрасы. Вдруг все вокруг затряслось от взрыва, загремело так, что уши заложило, поднялись клубы пыли, дыма. Когда все рассеялось, а мы в эти мгновения как бы ослепенели, не увидели ни балкона, ни нянечки. Нас спасло то, что были на другой стороне улицы.

Очнувшись от этого кошмарного видения, мы побежали дальше, а сердце просто выскакивает. Возле завода стояла группа женщин с детьми. Посадили всех собравшихся на грузовик и повезли за город. Высадили в лесу, водитель поехал за следующей партией. Все же надеялись на лучшее. Заночевали в лесу. Было холодно. Женщины делились вещами, чтобы согреть детей, кормили их тем, что догадались захватить, но ведь уезжали только на один день. Когда утром привезли еще группу, слышали рассказы о новых разрушениях, о гибели людей, о том, что гитлеровцы захватили ряд городов, стало понятно, что оставаться в Минске нельзя.

- Нужно пробиваться к железнодорожной станции, - посоветовал шофер.

Продрогшие, голодные, все едва поместились в кузове грузовика. Мама сидела у борта, а на ее руках, еще сонная, расположилась я. Только выехали на шоссе, как за нами

увязался «Мессер». Название немецкого самолета узнала в более старшем возрасте. Он на низкой высоте приблизился к машине, водитель резко затормозил, летчик проскочил мимо, только слышен был цокот пуль об асфальт. Фашистский ас развернулся и зашел на второй виток, но наш водитель совершил тот же маневр. Так продолжалось три или четыре раза. То ли пули у немца кончились, то ли надоели ему догонялки, он отвязался от нас.

Крики, мольбы женщин и детей сменились полным молчанием. От резких торможений во время погони раскрылся и упал борт машины с той стороны, где сидели мы с мамой. Мои ноги свесились вниз, как мы не упали просто чудо. Женщины успели нас подхватить. Мама сжала меня, держала несколько километров так крепко, что потом едва расцепила руки. Она была на пятом месяце беременности, а мне всего четыре с половиной годика.

Сколько дней добирались до Гомеля, не помню. Но и там была обстановка тревожная. Поэтому решили ехать подальше от линии фронта. Вместе с дедушкой Гришей, бабушкой Леей, тетей Ривой сумели сесть на поезд и уехать. Так мы попали в Чкаловскую область, деревню Полтавка. На конечной железнодорожной станции интересовались, кто мы такие, и не могли понять, «кто же такие евреи».

Семьи беженцев распределили по местным жителям. Взрослые стали работать в колхозе, дедушка сторожем на бахче. Днем мама Рая, бывшая учительница младших классов, трудилась в поле, по вечерам ходила по дворам, где были швейные машины, и шила людям юбки, блузки. Таких машинок в селе было всего три-четыре, по разрешению хозяев «Зингеров» обшивала и других колхозников. Из лоскутков-остатков материала мама умудрилась изготовить мне красивые шаровары, некоторые девочки мне завидовали.

В декабре 1941 года она родила девочку. Роды за печкой принимала бабушка. Так у меня появилась сестричка Ирочка. (Сейчас вместе с мужем, детьми, внуками живет в Хайфе).

Назвали ее в честь бабушкиного брата Исраэля, который еще в 1914 году уехал со своими братьями в Америку.

Жизнь была не сладкой. Связались с тетей Антониной, которая жила в предместье Новосибирска, и она забрала нас к себе. Ее двое сыновей были на фронте, один из них погибнет. Нам выделили восьмиметровую комнату. Маме помогли устроиться в детский сад. Тетя Рива работала на железной дороге – это был профиль всей ее трудовой деятельности до, во время и после войны.

Моя мама стала рассылать запросы по военкоматам, пытаясь узнать судьбу мужа и своих братьев Захара и Давида. Отец тоже искал нас. Только в начале 1944 года мы получили первое письмо от него, а затем сообщение о переводе солдатского аттестата. Мой папа долго не знал живы ли мы, кто у него родился. Вскоре он был ранен, подлечился, получил отпуск и приехал в Новосибирск.

Встреча с отцом надолго запомнилась мне. Как-то я прогуливалась и далеко отошла от дома, навстречу мне шел человек в солдатской шинели с рюкзаком за плечом.

- Мальчик, - обратился он ко мне, - как мне пройти на Змеиногорскую улицу?

- Идите за мной.

Мне льстило идти рядом с воином по улицам города, ведь не так часто появлялись солдаты в нашем пригороде. Мы, дети военного времени, были похожи друг на друга: одеты в пальтишки, шапки-ушанки, что выдавали по талонам семьям военнослужащих. И стрижка с небольшим чубчиком сделала меня похожей на сверстников-мальчиков, так что запросто можно было принять за паренька. Я и не стала поправлять солдата.

Из окон из-за занавесок или заборов выглядывали бабульки, женщины, у которых мужья, дети сражались с врагом, они смотрели, и в их сердцах теплилась надежда, что может быть этот мужчина и есть их родной человек, и направляется именно к ним. А я радостно подпрыгивала впереди, вела

гостя на мою улицу.

Вот мы и на ней, Змеиногорской. Мужчина вглядывался в номера домов, а меня охватило такое волнение, что не могла слово молвить. Тем временем дошли до домика, в котором жила наша семья. Вхожу в калитку, оборачиваюсь, вижу стоит он у ворот и смотрит на цифру на доме. Что на меня нашло, не знаю.

- Папка! – крикнула я и бросилась к нему на шею. Не потому, что узнала, а потому, что очень хотелось в этом защитнике-воине увидеть своего отца. Так со своей дочерью на руках вошел он в дом. Тогда и познакомился с меньшей дочуркой Ирочкой. Через месяц отец опять воевал. Войну он закончит в Пруссии, демобилизуется в ноябре 1945 года.

Вся наша семья переедет и обоснуется в городе Львове, где к тому времени жили бабушка Лея, тетя Рива с мужем Фимой Напахом. Позже приедет вторая тетя Эля (мы ее звали Олей).

Ищу сестру

Что может трагичнее беспричинной гибели родных? Мы говорим, что в Холокосте погибло порядка 6 миллионов евреев. Точной цифры мы никогда не узнаем. А сколько погибло на дорогах бегства от фашистской угрозы? Судьбы, судьбы... Зачастую они были не на много менее печальны, чем у тех, кто остался в оккупации.

Газета «Новости Узбекистана» 8 мая 2008 года опубликовала письмо Ирины Ильиничны Ровинской, ныне жительницы Иерусалима. Оно перед вами.

«Я обращаюсь к вам в надежде на ваше сочувствие и помощь. В 1941 году меня, четырехлетнюю, разлучили в Ташкенте с последним родным человеком, моей сестрой – нас определили в разные детдома. Сестре было 8-9 лет. До войны мы жили в Минске. Мое имя Ида. Имен сестры, мамы, папы не помню. Нас было трое детей: я, сестра, братик Додик, он только научился ходить. Я помню как цыгане увели нашего братика, когда мы играли на улице. Мы позвали маму, догнали цыган

и забрали Додика.

Папа был вероятно военным портным. ...Может быть мы жили в военном городке, так как за нашим домом сразу начинался лес. А маленькое здание школы, где училась сестра в первом или втором классе, находилось через дорогу. Помню страшные бомбежки Минска в первые дни войны. Мы с мамой прятались в подвале. Туда же военные принесли на носилках папу, окровавленного, раненого в живот. Потом папу унесли, а мы с мамой убежали в лес. Додика мама несла на руках. Мы прятались в овраге, в поле. Немецкие летчики прицельно бомбили людей на дороге. Спустя какое-то время мы вскарабкались на открытую платформу товарного состава и, после бомбежек поезда, голода и изнурительной дороги, оказались в Ташкенте.

Беженцев было море. Мы остановились возле вокзала, в здание невозможно было зайти. Мама легла на землю и больше не поднялась. Мы жутко голодали, так как ни денег, ни вещей у нас не было. Кто-то дал нам огурец. Додик схватил его и съел, у него сильно разболелся живот. Вскоре приехали две женщины в белых халатах и подобрали всех больных детишек. Забрали и нашего Додика. Больше о нем я ничего не знаю. Мы с сестрой просили милостыню и копались на помойках. Однажды нам дали большой кусок хлеба, и мы, радостные, побежали к маме, чтобы накормить ее. Но мамы не было. Соседи сказали, что она умерла и ее унесли.

Мы остались с сестрой вдвоем. Бродили по городу с целой гурьбой голодных детей, попрошайничали. Затем вновь пришли женщины в белых халатах, собрали всех детей, разделили на группы по возрасту. Мы с сестрой вцепились друг в дружку, но женщины нас разделили. Мы были очень слабы от голода, не было сил ни кричать, ни говорить.

Кушать в детском доме я уже не могла, истощенный организм не принимал еду. Меня отвезли в Коканд, где кормили исключительно жидкой пищей, лечили и спасли. Низкий поклон тем неизвестным людям.

А вскоре там же, в Коканде, меня удочерили эвакуированные супруги Ровенские. Мои новые папа и мама, Илья Абрамович и Вера Абрамовна, очень добрые и сердечные люди, вернули меня к жизни. В 1944 году комиссия врачей установила мой возраст – семь лет, значит, в 1941 мне было четыре года».

Ирина Ровенская закончила институт, вышла замуж, родила дочь. Сейчас у нее пять внуков. С 1992 года живет в Израиле. После длительных попыток, я все же нашел номер ее телефона. Ирина сказала, что поиски ее близких не увенчались успехом. После освобождения Украины она с новой семьей жила в городе Ромны Сумской области. «Я по сегодняшний день обожаю моих приемных родителей. Илья Абрамович, мой новый отец, был оперным певцом; мама, Вера Абрамовна работала заместителем редактора газеты «Знамя Октября» в Сумах. Они делали все, чтобы я не чувствовала себя одинокой, чтобы получила высшее образование». Тяжелый случай, но вдруг удача улыбнется Ирине Ровинской

« Крапивки »

- Моя мама ушла из жизни рано, когда мне было всего 5 лет. Папа сам поднимал меня и братика Леву – он старше меня на шесть лет. Отец увлекся собственной идеей воспитания детей, по роду работы занимался умственно неполноценными, формированию у них полезных для общества профессиональных навыков. Свои методики он обсуждал с известными авторитетами, специалистами, публиковал брошюры, переписывался, встречался и дружил с Янушом Корчаком. Правительство Белоруссии построило по просьбе отца еврейскую школу-интернат для дефективных детей. Здание до сих пор стоит на улице Немига, - делится воспоминаниями Ирина Родштейн.

- С первого дня войны началась эвакуация учреждений Минска. Места в эшелонах давали только по разнорядкам. Специальная комиссия отказалась выдать разрешение на

выезд 14 школьникам, посчитав их чересчур дебильными. Отец пригрозил, что останется вместе с ними, но их это не напугало. Моего отца Лазаря вместе с сыном-подросткомевой убили в следующую ночь.

События, произошедшие с Ириной Родштейн, я бы назвал трагической эпопеей в ее жизни, да и не только ее. Война застала одиннадцатилетнюю Иру в пионерском лагере Министерства просвещения в селе Крапивки, что в семи километрах севернее города Бобруйска. В нем отдыхали дети учителей, других школьных работников. Это был первый заезд, большинство приехавших 7-12 лет. Под утро проснулась одна из девочек, стала будить Иру.

- Слышала? Бубухнуло где-то.

- Девочки, почему не спите? – это в палату зашел пионервожатый Наум Подерский. И тут опять послышалось что-то вроде взрыва. – Наверное подрывники трассу прокладывают. Еще можете поспать, солнышко только взошло.

Через несколько дней недалеко от лагеря приземлился немецкий парашютный десант. Возле лагеря бегали красноармейцы в поисках лазутчиков. Тут же руководство лагеря сбежало, забрали детей те родители, кто жил поблизости: в Бобруйске, Старых дорогах, Глуске.

Предоставлю слово еще одной из девочек этого лагеря, ныне жительнице города Чикаго - США, Ане Шульман (девичья фамилия - Минкова), тогда ей было десять с половиной лет. « В первые дни войны кого-то из руководства лагеря мобилизовали в армию, а кто-то позорно бежал, оставив лагерь с детьми на попечение трех подростково-пионервожатых 17-летнего Леню Замжицкого, Мотика Китайчика -16 лет, Наума Подерского – 15 лет. Эти, по существу еще мальчишки, сумели осознать всю ответственность и важность возложенной на них трагическими обстоятельствами миссии спасения детей».

- Нужно добираться в город, - заявил Леня.

Собрали всех и в путь-дорогу. Дети быстро уставали, они не привыкли так много ходить. Через каждые полтора-два километра делали привалы, Наум рассказывал разные байки, чтобы успокоить меньших. Иногда вожатые брали наиболее ослабевших на руки. Только к вечеру добрались до Бобруйска. В городском доме матери и ребенка их накормили, спать пришлось на голых металлических сетках, лежавших на пустых кроватях. Потом в райкоме комсомола сказали, что следует вернуться в Крапивки, там спокойнее и может быть за кем-нибудь придут родители.

Когда отряд появился в лагере, там стояли зенитные батареи, танки, солдаты рыли окопы. Командир части недоумевал, как можно было октябрят и пионеров отправлять в опасную дорогу поближе к врагам. Он связался с администрацией железной дороги Бобруйска, ему пообещали, что доставят ребят в Гомель, но до станции нужно было опять возвращаться. Шли ночью, свет зажигать было запрещено. Замжицкий попросил Тосю Лиштван периодически проверять наличие людей в дороге. После одного из привалов обнаружили, что отсутствует «Пушкина», так дразнили девочку Иру Родштейн за кудрявые густые волосы. Подерский взял Тосю и они стали возвращаться назад в поисках пропавшей. Девочку обнаружили спящей под кустом.

Товарняком добрались до Гомеля, их разместили в клубе железнодорожников, через несколько дней по реке Сож на большом катере доставили в пригородный дом отдыха «Ченки». Простите, но я буду подключать к этим воспоминаниям Наума Подерского, ныне жителя мошава Регва, расположенного недалеко от Акко.

- Мы пробывали в Ченках в комфортабельных условиях где-то 4-5 дней. Здесь к нам присоединили польских ребят Уполномоченная горкома комсомола, прикрепленная к нам, заботилась о детях. В это время в Гомель прибыла Ставка Главного командующего Красной Армии во главе с Тимошенко. Женщина с горкома комсомола добилась, чтобы

нас отправили этим же эшелоном в мягких вагонах в город Урюпинск Сталинградской области. Там всех поместили в детский дом. Более старшие начали работать, я, например, токарем. Но снова ждала длинная дорога, фашисты приближались к Сталинграду. Было решено детские дома переправить в Астрахань.

- Всех погрузили на три парохода, но едва успели выехать, как немецкие юнкеры атаковали нас, бомбы рвались возле палубы, заливая водой ее и трюмы, где мы находились, - продолжает Ирина Родштейн. – Капитан нашего корабля бросил якорь возле берега, чтобы дети, в случае попадания в судно, могли спастись. В один из пароходов угодила бомба и он затонул вместе с людьми. Самолеты улетели, а мы поплыли дальше.

...Приехали в Астрахань, а о них никто ничего не сообщил, никто ими заниматься не собирается. Инициативу взял в руки Наум Подерский, он понял, что спасение зависит только от них самих. Жили в школе. Но топлива не было. Недалеко была тюрьма, откуда заключенные выбрасывали детям доски для обогрева. Наум договорился с местными рыбаками, что те помогут угнать самоходную баржу, чтобы добраться по Каспийскому морю до устья реки Урал в город Гурьев, а дальше по железной дороге в Среднюю Азию.

- Мы нашли баржу, где хранилось много селедки. Наши пацаны продавали ее и вырученные деньги пошли на оплату морякам за баржу, которую они предоставили, - рассказывает Наум.

...Баржа в пути теряет управление. На судне появляются больные холерой. Умерших детей закапывают на берегу, затем продолжают плыть по задуманному маршруту. По рукавам Волги детская команда добирается до Гурьева. Ребят разместили в конюшне, сказали никуда не выходить – свирепствовала холера. Чтобы не сбежали – заперли. После карантина детей вывезли в степь у казахского села Яманха (в переводе на русский – плохо, как объяснил мне Наум).

Здесь были поставлены палатки, которые были ограждены колючей проволокой в два ряда - боялись распространения болезни.

- Хоронили детишек ежедневно. Санитарные врачи из города сказали, что лечить больных нечем, нам будет поставляться питание и кипяченая вода, тех, кто выживет в течение месяца, отправят в детский дом Яманхи. Когда карантин кончился, ребята повзрослее, среди них и Наум Подерский, уехали в Ташкент и поступили в танковое училище. Мы находились среди детдомовцев, многие из них были малолетними уголовниками. Они издевались над нами, отбирали вещи, еду, избивали. Персонал на это не обращал внимание, - продолжает нашу беседу Ирина Родштейн.

...Девочка очень понравилась одной из воспитательниц. Она была добрая, внимательная, детей у нее не было, поэтому решила удочерить девочку. Стала разыскивать родителей, чтобы испросить разрешение. Нашла родного брата отца, дядю Герца, который жил в городке Верхние Мулы под Пермью. Но тот согласия не дал на удочерение и забрал Иришу к себе.

- Дядя Герц, добрейший человек, стойкий сионист, в прошлом бундовец, очень пострадал за свои убеждения: с 1927 года трижды отбывал наказание в ссылках за нелегальные сочинения по еврейской истории, за открытие в Ростове подпольной школы, где преподавал иврит. В Верхние Мулы его выслали еще до войны. Он снимал комнату у одинокой бабки-староверки, в прошлом тоже ссыльной. Она осенью делала из отходов картофеля крахмал и прятала на чердаке. Я обнаружила случайно и потихоньку брала. Заливала водой и пила. Когда она «застукала» меня, сделала внушение, попросила больше так не делать, обещала кормить девочку, то-есть меня, с условием, что я буду вместе с ней молиться. Дядю Герцу не понравилось такое, он повез меня в Пермь и отдал меня в детский дом.

О своей находке дядя сообщил в Башкирию своей сестре

Блюме, депутату Верховного Совета БССР. Она уже собиралась ехать в освобождаемую Белоруссию. Через две недели в июле 1944 года тетя и Ира были в разрушенном Минске.

Страшные испытания, скитания по детским домам, голод, который не позволял ни о чем думать, кроме как добыть чего съестного, болезни, жуткие лишения военной поры. Тетя Блюма устроила Ирину рабочей на бисквитную фабрику. Чтобы имела право работать, в ее документах увеличили возраст на один год, нужно было что-то кушать. Первые послевоенные годы были не на много лучше прежних.

- Труд был не из легких. Отрезанный машиной пудовый кусок теста необходимо было перенести к другой машине, оттуда противень с сырыми заготовками поставить в печь. Затем выгрузка и расфасовка печенья. Крутилась как белка в колесе.

Ирина успевала учиться в вечерней школе-семилетке, после в пищевом техникуме, продолжая трудиться у той же печи. Сдала экзамены в заочный Московский институт пищевой промышленности, стала работать технологом, стандартизатором в проектной организации.

- Тетя и ее муж, приютившие меня, умерли рано. Вновь я осиротела. Вышла замуж за танкиста-фронтовика, но он ушел из жизни в 47 лет. Одна радость была, что у меня растет любимый сыночек Владик. Вторично нашла свое счастье с Зиновием Шульманом. (О нем будет рассказ ниже. – Д.Ф.) В начале 2010 года обосновалась в Израиле, городе Хайфа. Правда я уже до репатриации бывала здесь в гостях несколько раз.

Не могу не сказать о судьбе Наума Подерского. Когда он в 1941 году с детьми, которых необходимо было вывезти, пришел в Бобруйск, где жила его большая родня, пообещал родителям, что скоро вернется. Не получилось. Отца Гиршу, мать Кресю, брата Леву -1932 г.р., сестру Розу фашистские палачи расстреляли. После окончания танкового училища

Наум Подерский сражался на разных фронтах. Грудь его украсили орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Дошел до Румынии. Продолжил учебу на высших курсах Советской Армии. Вышел в отставку в чине подполковника.

Наум рассказал о судьбе вожатых. Леонид Замжицкий, 23-го года рождения, высокий, могучий обаятельный парень. В армию его не брали – поляк, работал в трудармии на шахтах Семипалатинска. После войны стал профсоюзным деятелем, потом директором небольшого завода, снова в лидерах профсоюза. Накануне 1990 года умер.

Мотик Китайчик сумел забрать с собою своих мать и брата. Боевал в воздушных частях. Он писал стихи. Дальнейшая жизнь его неизвестна.

«Крапивки», как называли и называют себя эти ребята, встречались не один раз, даже посетили свой пионерский лагерь. Мне дали сведения о части из них, но за некоторый более ранний период. Шестеро, вместе с Ириной Родштейн (Шульман) жили в Минске. Это Тося Лиштван – заведующая отделом столичного торгового центра; Люся Павлович – главный редактор Белорусского радио; Элла Герасимович – профессор, до недавнего времени ректор Белорусского театрально-художественного института; Валентин Колик – подполковник, заместитель командира авиационной дивизии; живой душой и центром притяжения является мудрая Соня Консисторум (Беккер), самая активная из всех «крапивок».

А вот что случилось в 1941 году с выше упомянутой Анечкой Минковой. Когда поезд с ребятами стоял на запасном пути возле Ульяновска, рядом находился другой состав, который вез эвакуированных, среди них ее родных. Анечкина мама спросила у паренька, высунувшего голову из вагона соседнего эшелона, нет ли среди них девочки Анечки Минковой. Когда он, к неопишуемой радости взрослых, ответил утвердительно, радости не было предела. Крепкие объятия, слезы, сожаления остальных детей, что их родители

неизвестно где. Свой путь на восток Аня продолжила с мамой. О них рассказала Ирина Родштейн, большое письмо из Чикаго от Ани и ее мужа Еника Шульмана.

- Уцелевших соединила не просто трогательная бескорыстная дружба, а близкие, поистине родственные отношения и активная взаимовыручка в трудных житейских обстоятельствах, - добавляет Ирина.

Дорога без конца

Они шли по дорогам, по лесам, по полям, по пыли и грязи. Шли десятки, сотни километров. Многие падали, у кого была родня, задерживались, попадая в лапы фашистов. На этих дорогах осталось лежать не мало трупов тех, кто обессилел, кто упал, кто потерял надежду, потому что уже неделю не было во рту ни крошки хлеба, только крик ворон слышался над ними.

Жанна Плоткина родилась и жила в Бобруйске. Когда немцы напали на страну, отца Иосифа призвали в Красную Армию, а в семье много спорили по вопросу – ехать или остаться. Но обстрелы города, паника, очереди на поезда заставили их тоже подняться. Железной дорогой уже невозможно было выехать, немецкие войска почти замкнули кольцо вокруг города. В Бобруйск они войдут через день - 28 июня. Двухлетняя Жанна с матерью, дедушкой, бабушкой, другими родственниками подались в сторону города Рогачева Гомельской области. Часть дороги шли пешком, где-то крестьяне подбрасывали на подводах. Навстречу шли советские воины, изредка танки.

В Рогачеве на железнодорожном вокзале было очень много людей, все хотели прорваться к уже почти полным вагонам, чтобы хоть как-то втиснуться в теплушки. В одну из них попали Плоткины. В дороге часто состав бомбили, обстреливали. Добирались на северо-восток очень долго. Наконец доехали до города Чкалова. Направили их и других беженцев в село Александровка.

- Тяжело описать трудности, с которыми столкнулись наша и другие семьи. Мы столько мучились, голодали, что одна крестьянская семья предложила маме забрать меня к себе и удочерить. Конечно, мама отказалась, сказала, чтобы с ней не случилось, никогда никому не отдаст меня, - вспоминает Жанна. – Сестра мамы была в депрессии, а у нее трое деток. Всех нужно кормить, в том числе дедушку и бабушку. Маме Любе доставалось, трудилась в колхозе, куда направят, а ведь ей это непривычно, так как до войны она и отец были парикмахерами.

От голода, переживаний, далеко от родных пенатов, от фашистских полчищ умерли: дедушка, бабушка, дядя с женой и ребенком, сестра отца. Можете представить такое? И пять лет мы не знали, где мой отец, жив ли он. Когда папа обнаружил место нашего прибежища, то приехал за нами и увез в Германию, где он продолжал службу в Советской Армии. Здесь мы пробыли полтора года. Я пошла в школу, заодно занималась на фортепиано у немца.

...Вместе с родителями Жанна вернулась в Бобруйск, закончила музыкальную школу, 33 года преподавала в ней по классу фортепиано, одновременно руководила хоровой капеллой и солистами на заводе РТИ (резиново-технических изделий). За успехи в руководстве самодеятельностью ей вручили медаль ВЦСПС, на республиканских конкурсах завоевала два диплома I степени. Сегодня тридцать ее учеников преподают музыку в разных странах мира.

В 1990 году она стала жительницей города Хайфы. Многим приходилось заниматься, не стеснялась идти убирать квартиры, но она никогда не забывала о своем профессиональном мастерстве. Шесть лет выступала в еврейском хоре города, давала уроки музыки, последние пять лет Жанна Плоткина - концертмейстер хора «Золотая осень».

.....

Путь еще одной семьи лежал через Гомель. Жили они, Шендеровичи: отец Израиль, мать Мария, сестры София -

1919 г.р. и Зинаида – 1925 г.р., брат Семен – 22 г.р., и Раиса – 1930 г.р., недалеко от областного центра, в городе Жлобине. Советские войска отступали. Отец не хотел уезжать, он был болен. Жителей города предупредили, что будут взрывать мост, чтобы не достался немцам, остановить их быстрое продвижение. Надо было решаться. Мать настояла на том, чтобы эвакуироваться, тем более, что сын Семен проходил учебу в офицерском училище.

Огромная толпа шла через мост. Кто-то ехал на подводе, кто-то тянул тележку, нагруженную вещами, кто-то нес чемодан или сумку. Тут налетели немецкие стервятники, стали бросать бомбы, строчить из пулеметов. Началась страшная паника. Кого-то убили, кого-то ранили, кто-то падал спотыкаясь о лежащих.. Через такой ад, перебравшись на другую сторону Днепра, Шендеровичи прятались пока не улетели вражеские самолеты

Дошли до Гомеля. В городе было много желающих покинуть его, слышны были крики, ругань, плач и взрослых, и детей. С большим трудом смогли сесть на поезд, вначале только на тормозную площадку в конце вагона, предназначенную для сопровождающего, потом на открытую платформу.

- Приехали в Чкаловскую область, - говорит Раиса Гуревич (Шендерович). Направили в глушь, в какой-то колхоз. Мы написали письмо старшей сестре Софе. Она вышла до войны замуж и жила в городе Ачинске Красноярского края. Сестра прислала вызов. Мы тут же поехали к ней. К тому времени Софе пришло письмо-похоронка на мужа, который сражался на фронте, а у нее на руках маленький ребенок.

Мы помогали ей ухаживать за малышом, так как она работала. Я с сестрой ходила в школу. Как у всех были проблемы с питанием, с отоплением квартиры, с теплой одеждой. Но мы вытерпели. В 1945 году вернулись в Жлобин. У нас до войны был хороший дом, красивый сад, но все сгорело, погибло. Жить было негде. Мы переехали в Бобруйск. Репатриировались в Израиль в 1990 году.

Творить жизнь

С героем дальнейшего рассказа я не встречался, хотя мы земляки. Может быть мы сталкивались, когда он посещал Гомель – город детства. Бывал он и в Хайфе, но наши дороги немножко не пересеклись, просто мы не знали друг друга. Зиновий Шулман написал интересную книгу мемуаров «Такова моя жизнь». По рассказам его жены и по книге пойдет повествование. Родился он на станции Птичь Гомельской области, но вскоре семья переедет в областной центр.

- Назавтра город уже бомбили. Днем появились пикирующие бомбардировщики. На голубом безоблачном небе в лучах жаркого июньского солнца белые, как ватные, комки зенитных разрывов. Самолеты разворачивались на высоте и с диким воем устремлялись к земле. Потом нарастающий вибрирующий свист, грохот и звон стекла. Я помогал маме относить вещи в погреб к соседям Темкиным, все-таки убежище. Дым пожарищ шел как раз со стороны судоремонтного завода. Прибрежный район бомбили очень сильно, - написал Зиновий.

...Стояли прекрасные погоды, парню хотелось пойти на речку искупаться, поваляться на мелком белесом песочке, сыграть с ребятами: Муликом Гофманым, Наумом Жолудовым в футбол, но время диктовало другое. Бомбы сносили целые улицы, особенно подвергался налетам железнодорожный вокзал, откуда отправлялись из горящего города мирные люди. Жить в нем – значило подвергать жизнь опасности.

Отца Зиновия, Пиню, забрали в ополчение, но он сумел выбрать время, перевезти семью в поселок Лещинец, недалеко от Гомеля, где находился военный аэродром. Но его немецкие летчики атаковали еще больше.

«Следующим утром прямым попаданием стокилограммовой авиабомбы начисто снесло каменный командирский жилой дом. Деревья и кусты кругом оказались увешанными разорванными постелями, обмундированием, разными другими вещами и обломками мебели. На земле валялись

посуда, всякие бумаги. Среди них я неожиданно наткнулся на уже почерневшую оторванную кисть детской ручонки». На плацдарме в районе Гомельской области советские войска смогли удержать противника до начала третьей декады августа. Многие евреи успели эвакуироваться с предприятиями, или сами.

30 июня семья Шульман еле забралась в товарный вагон, плотно набитый плачущими детьми, женщинами, стариками. Зиновий был одним из старших мужчин (1924 г.р.). «Кроме мамы Хай и сестры Фиры двое «мужиков» - я и Леня». Никто не сомневался, что уезжают на неделю-две, от силы месяц, пока не разгромят немцев. Люди сидели, спали на соломе. Поезд останавливался на каждом полустанке, чтобы пропустить к фронту военную технику, солдат. Эти эшелоны двигались замаскированными, без огней, один за другим. Эвакуированные боялись открывать двери, а вдруг десант. На их глазах прямо с самолетов сбрасывали парашютистов. Вдоль железной дороги двигались тысячи людей, измученных, отчаявшихся, ломавших двери вагонов, полностью забитых, чтобы не остаться под сапогом фашистов.

Проехали Черниговщину, Брянщину. На четвертый день у семьи Шульман продукты кончились, у некоторых еще раньше. На пятые сутки прибыли на станцию Брянск-2. Там жил дядя Володя, но адреса его не знали. Решили все же найти его, попросить еды. Откомандировали Зиновия и Леву. Искали адресное бюро, но любопытных ребят схватили и отвели в комендатуру. Пока разобрались, отпустили, состава с родными уже не было – его расформировали. Едва нашли своих. С муками, угрозами забрались в другой эшелон. Кушать нечего. На станции Белые берега парни отпросились у мамы сбегать на рынок. Купили две булки хлеба и помчались назад. Увидели только хвост поезда.

Им посоветовали идти вдоль путей до подъема, где машинисты локомотивов замедляют движение. Так они и поступили, успели вскочить на площадку тамбура очередного

эшелона. Несколько раз меняли поезда, пока добрались до города Орла, где и встретили мать и сестру. И снова в путь. Эвакуированных высадили в Чкаловской области, привезли в степное село Ворошилово, что в 60 километрах от Бугуруслана, подселили к старикам Кононовым.

Старший брат Леня пошел в ремесленное училище. Зиновия хозяева повели на молотьбу. Нужно было бросать снопы на полки, где их подбирали женщины, разрезали жгут, потом парень толкал рожь в барабан молотилки. Зиновий явно не успевал обеспечить работу других, он страшно уставал, а тут еще жара.

«Все, думаю, еще час такого мучения и концы отдам! Я просто погибаю – мышцы свело, пульс за полтораста, ноги дрожат. Вот-вот грохнусь! Хорошо, что обед объявили».

Домой он еле-еле добрался. Разные работы перепробовал юноша: сено косил, за жаткой подбирал, ометы ставил. «Даже для такого крепкого парня как я, все они оказались тяжелыми для непривычного к крестьянскому труду человека». Взяли его на курсы трактористов. Две недели учебы и в поле на работу.

Их разыскал отец, добрался к ним. Семья переезжает на станцию Аксаковка. Колхоз дал им для перевозки лошадей, снабдил двумя мешками гороха – за трудодни, которые заработал молодой тракторист. Отец трудился на лесоповале. Зиновий познакомился с летчиками. Его взяли механиком к ним.

В конце марта 1942 года пришла похоронка на старшего брата Мишу. Он погиб под Демьяновкой на Ленинградском фронте. Весть взволновала всю семью. Юноша вскипел: «Буду мстить за брата!» Он попадает в маршевую роту в Алкинские лагеря (Башкирия), затем в школу старшин. Но Зиновий не хочет прозябать в тылу, рвется на фронт. И добивается своего – 1-ый Прибалтийский, 1-ый Украинский фронта, тяжелые бои под Тарту и за этот город.

«С 26 на 27 января подошли к Освенциму с севера со

стороны городка Хшанув. Никто из нас тогда не знал про лагерь смерти, о них не писали в газетах. Увиденное осталось навсегда в моей памяти: те, кто остался в живых, не были похожи на людей, свисающие тряпки на плечах, тощие – кости можно было пересчитать, а на площади груды разной обуви, много детской, волосы в ящиках».

Потом шли бои в Польше, Чехословакии – Судетах. Ожесточенные сражения за городок Мехталь, за промышленный Глейвиц, в нем много шахт, заводов. «Уже дважды подавали красные ракеты – сигнал атаки, а бойцы все еще в окопах. Крестятся, рыдают, кричат, но вперед не идут». Позвали курсантов прибывших из Куйбышева, разместили их через двух-трех остальных бойцов. Пообещали, что наградят каждого. И в атаку. «После красной ракеты с криками «Ура!» выскочили под немецкий огонь, на бегу палили из автоматов. До оврага добежало человек семьдесят. Здесь впритык к заводской стене уже не страшны ни пули, ни осколки. Попросили сигналами артиллеристов сделать проходы в стене. Когда ее раздолбали в двух местах, немцы – кто на броне своих танков или автомашинах, иные бегом, стали отходить, бросая технику. Меня за находчивость и смелость наградили орденом Славы III степени, курсантов медалями «За отвагу».

Нужно было форсировать Одер. Перед боем парторг полка предложил вступить в партию. Вызвалось пять человек, среди них и Зиновий Шульман. В этом бою был контужен, частичная потеря зрения и слуха, но в госпиталь отказался идти. И до Дня Победы сражался с врагом. Демобилизовался в 1947 году.

А дальше учеба, учеба. Закончил физико-экономический факультет Ленинградского политехнического института (1953 год) по специальности инженер-исследователь в области технической механики. Направляется на работу в крупное отраслевое конструкторское бюро в городе Сызрань. 1957 год - З. Шульман работает в Академии наук БССР – главный

инженер Института тепла и массообмена; 1963 год – кандидат технических наук, старший научный сотрудник; 1970 год – доктор технических наук; 1971 – профессор, заведующий лабораторией реофизики; с 1989 года – главный научный сотрудник Академии наук, Вице-президент реологического общества СССР, позже СНГ. Состоял членом редколлегий ряда международных и отечественных научных периодических изданий.

Но это еще не все регалии ученого. В 1982 году Зиновий стал Лауреатом Всесоюзного конкурса изобретателей СССР, через семь лет получил звание Заслуженного деятеля наук республики Белоруссия. Награжден специальным дипломом Американского биографического института, включен в 8-е издание международного справочника выдающихся научных лидеров-исследователей мира. Он был назван Почетным профессором Шеффилдского университета (Англия) и награжден его именной золотой медалью, также удостоен медалей Варшавского политехнического института, Американского полимерного центра Акрон (США), Фуданского университета Пекина (Китай).

Зиновия Шульмана приглашали читать лекции в университеты США, Болгарии, Польши, Великобритании, Израиля, Южной Кореи, Колумбии, Бельгии и т.д. Его научные труды получили высокую оценку в нашей стране. Зиновий встречался, затем сотрудничал с известным ученым профессором Рейнером («дедушкой» израильской реологии), активно работал с Сэмом Сайдманом, основателем Техниона, профессором Авраамом Шитцером и др. Зиновий гордился своими учениками, ныне израильтянами профессорами Семеном Левицким, Бруком Левинсоном, кандидатом наук Генадием Ключомелем и др.

Он сформулировал широкоизвестный, получивший его имя, универсальный закон нелинейно-вязкопластичного течения. З.Шульман автор и соавтор 29 оригинальных монографий, более 400 научных статей и свыше 200 изобретений.

Организованную им в Беларуси школу закончили и стали докторами наук 29 человек и более 100 – кандидатами наук. Академики Г.Анисович, С.Астапчик, О.Мартыненко, А.Шашковин и др., поздравляя его с 80 летием, отметили: «В многогранной личности З.П. Шульмана счастливо сочетаются талант крупного ученого и учителя, организатора науки, замечательные личные качества». В 2006 году Зиновий Шульман скончался.

Беспризорное детство

- После окончания учебы в школе меня из Гомеля забрала на каникулы тетя Аня Бронштейн, которая жила в Чернигове. Грянула война, мы эвакуировались, нас с еще с одной семьей просто впахнули в последний эшелон. На какой-то станции во время одного из налетов немецких самолетов я потерялся. Мне девять лет, никаких документов, никаких справок, билетов у меня не было, денег тоже. Судьба словно решила испытать меня на прочность. Я скитался по городам, валялся на станциях, если удавалось, залезал в вагон, - Анатолий Хацкелевич прерывает свои воспоминания на несколько секунд, чтобы нахлынувшие чувства слегка остудить.

- Однажды пробрался в пассажирский поезд. Еду, под ложечкой сосет, давно не кушал. Напротив сидят хорошо одетые люди, на столике разложена еда: колбаса, хлеб, овощи, бутерброды. Они с опаской смотрят на таких как я. У меня в горле перехватило. Не смог я выдержать такие мучения, на первой же станции слез.

Стал курить, собирал бычки, непризорничал. Грязный, что на теле, на одежде, страшно вспомнить. Бывало по три дня во рту ни крошки хлеба. Долго скитался. Наступила зима. На одной из станций вышел, беженцев тьма, решил пойти к какой-нибудь деревушке, авось накормят. Вечер, холод, глубокий снег. Шел долго, выбился из сил, стал ползти. Вижу огонек. Я к нему. Какой-то хутор. Не чувствую ни рук, ни

ног. Подполз к какому-то строению, приподнялся и упал, отключился.

Очнулся в деревянной избе, низкий потолок, в двух углах иконы, я на лежанке. Меня обхаживала русская женщина, стоит возле меня на коленях, вытирает губы мокрым полотенцем. Сколько был в беспамятстве, не знаю. Видя, что я пришел в себя, принесла бульона, накормила, затем пошла к иконам, стала молиться. Ее звали Марией, у женщины было двое маленьких детей, муж воевал.

- Ты с того света выкарабкался, мальчик, – сказала она.

Я, наверное, за эти полгода настолько похудел, что выглядел намного меньше своих девяти с половиной лет. Когда немного поправился, меня направили в детприемник, а оттуда в детдом Чкаловской области. Здесь пришлось пройти через новые испытания. В детском доме собрались разные ребята, сброд, некоторым из них 16-17 лет. Они на ночь куда-то девались, днем издевались над меньшими, отбирали еду. Я был живой труп. Меня забрал к себе Лев Эстеркин.

Все же нашлись мои родные: мать, ее сестра и моя младшая сестричка Алла, они находились в городе Фрунзе. Я поехал к ним, а после освобождения Белоруссии - в Гомель. В одной небольшой квартире жили три семьи. В 1947 году поступил в ремесленное училище, жил в общежитии. Там впервые за последние шесть лет нормально покушал.

Письмо из Миасса **/от Иосифа Крымского/**

Мне было 9 лет, окончил 1-й класс в городе Речица Гомельской области. Помню выступление по радио Молотова – Народного комиссара иностранных дел, хмурые лица взрослых, когда слушали его, а нам, мальчишкам, было интересно и даже весело. Потом объявили всеобщую мобилизацию, отца Меира призвали в армию, прибыли в город первые беженцы с западных областей, поползли слухи о немецких зверствах, взрослые стали по ночам дежурить на

улицах, так как были случаи бандитизма, грабежей, да и против диверсантов.

Появилось указание городских властей о необходимости рыть в каждом дворе укрытие от возможного налета немецкой авиации. Мы тоже вырыли щель. Некоторые семьи начали уезжать из города. Часто среди населения шли споры, надо ли уезжать, бросать все нажитое. Старики говорили, что немцы в Первую мировую войну тоже были здесь, никого просто так не убивали, не грабили. Многие еврей-речичане остались, их ждала смерть.

Хочу отдать должное нашей мудрой бабушке Розе, она сказала: «Ми даф форун!» (Нужно ехать!). В середине июля на рассвете нам постучали в ставни окна и сказали, что началась посадка на баржи на берегу Днепра. Эту посадку я запомнил на всю жизнь: правый берег был крутой, старики и инвалиды спускались с трудом, порой им помогала молодежь, люди несли самое ценное в корзинках, узлах, иногда вещи, которые потом они бросали в пути – подушки, перины. Сходни на баржу были узкие без ограждений, все старались быстрее попасть на них, толкались, некоторые со своими узлами падали в воду, стоял шум, гам, крик. Наконец погрузка закончилась, трюм был полон, многие находились на палубе. Две баржи, которые тянул катер, медленно поплыли вниз по течению. На одной из них разместились наша мишпоха: бабушка с дедушкой, мама, я, мой двухлетний братишка Изя, мамина сестра Фаня с мужем Ефимом и маленьким ребенком Леней. Конечно, многие из желающих так и не сумели выбраться за пределы опасной зоны. Несколько раз над нами пролетали немецкие самолеты, но не бомбили, только обстреляли, наверное у них было другое задание. Нам, пацанам, было в диковину видеть кресты на самолетах.

Запомнилась одна стоянка у берега, где какая-то речка, повидимому Сож, соединялась с Днепром. Там впервые я увидел наших раненых солдат, весь огромный зеленый луг

был заполнен лежащими людьми в белых окровавленных повязках, страшное зрелище. Плыли долго, сколько дней не знаю, запомнил только, что за стакан кипятка для двоюродного брата Лени Котлярова (ему было тогда 8 месяцев) платили команде большие деньги, а мой брат Изя просил, чтобы ему оставили хоть несколько глотков.

Дотянул наш пароходик аж до Днепропетровска, нас пересадили в открытые железнодорожные вагоны из под угля и довели до станции Котельниково Сталинградской области, высадили. На огромном поле скопилось большое количество эвакуированных из разных областей, отсюда людей распределяли по колхозам и совхозам. Занималась этим специальная эвакокомиссия. Надо отдать должное советской власти: когда нас везли эшелонам, на некоторых железнодорожных станциях было организовано бесплатное горячее питание. Так как у некоторых не было никакой посуды, то еду (кашу и даже жидкое) несли женщины для своих детей в платках, шапках.

По вызову моего дяди Фроима Крымского мы уехали в город Чкалов (ныне Оренбург). 9 человек разместились в двухкомнатной квартире. Дядя уже был в армии. Приняла нас тетя Тоня, его жена, радушно, открыла шкаф – берите все, что подойдет. Здесь мы и жили до отъезда на родину. Было трудно, голодно, хлеб, продукты – по карточкам. Очень тяжело приходилось нашей семье, работала только мама Сарра. В Чкалове я закончил пятый класс. В школе нас подкармливали - на большой перемене давали кусочек черного хлеба, сверху сахарный песок – было очень вкусно. Из блюд домашних запомнилась «затируха» - мука, немного какого-то темного растительного жира, кипятков, ели драники из картофельных очисток, хотя я их не переносил, чай пили с сахарином.

Ежедневно приникали к репродуктору, слушали сообщение Совинформбюро о положении на фронтах. Когда Красная Армия освобождала какой-нибудь город, кричали «ура!». На

площади города висела карта, где флажками помечали границу между фашистскими и советскими войсками. Взрослые ходили на лекции по международному положению, потом обменивались новостями с другими. Большой популярностью пользовались статьи Ильи Эренбурга в центральных газетах.

К нам приходил наш земляк старый фельдшер Гуревич с большими усами и феноменальной памятью. Он давал мне 20 копеек и просил купить в киоске газету. Бегло ее просматривал и, если были неутешительные новости, то говорил, что я ему купил не ту газету, ему нужна газета, где наши наступают. Забегала в гости красивая добрая девушка Оля Глускина, она эвакуировалась вместе с нами одна, ее старые родители не смогли сесть на пароход, когда мы вернулись, узнали, что их немцы расстреляли. В 1942 году она добровольцем ушла на фронт, позже мы получили известие о ее гибели (эшелон разбомбили на подходе к линии фронта). В ее честь ее именем мы назвали свою младшую дочь.

Конечно, самое запомнившееся событие тех лет – это день Победы. Девятого рано утром нас разбудили стуком в окно и криком «Победа!» Мы, ребятишки, выбежали на улицу и тоже громко кричали, будили людей. Несмотря на ранние часы в городе было многолюдно, радости не было предела, незнакомые обнимались, целовались, многие плакали. Это было всенародное ликование.

(Иосиф Крымский, 1932 г.р., ведущий специалист по перспективным материалам, кавалер ордена «Знак почета», медали «Ветеран труда», живет и трудится в городе Миасс Челябинской области).

С берегов Днестра

Война в города и села Молдавии пришла в первые же дни. Паника. Толпы людей пытались выбраться с фронтовой зоны. Они метались, желая уйти от фашистского плена, рвались к поездам, переправам, особенно сложно было перебраться на

другую сторону Днестра. Беженцы в поисках выхода бегали то к мосту, то к частным лодочникам. Но стояли военные посты и перекрывали проезд, проходы. Полностью республика была захвачена фашистскими полчищами в августе. В оккупации осталось 230-250 тысяч евреев. Выбраться из этого ада было большой удачей. Более настойчивым удалось. Историк Куманев говорит о 300 тысячах граждан, сумевших все-таки выехать из республики.

Воспоминания Ольги Хош (Дубиной), 1938 г.р.:
- Я была совсем маленькой. Помню себя в вагоне. Точно как в стихотворении М. Лермонтова «...смешались в кучу кони, люди...» В наших «телятниках» рядом с отъезжающими находился скот. Однажды проснулась, а половины моего платья нет – жеребенок сжевал. Я очень плакала, а все смеялись. Мне еще обиднее стало, начала реветь. Чуть меня успокоили. Таким было начало наших скитаний после отъезда из Тирасполя.

Доехали мы до центра Украины. Здесь все сошли. Взрослые считали, что враг до этих мест не дойдет. Но через некоторое время двинулись дальше. Нужно было переправиться на пароме через Днепр. Плыдем, смотрю на небо и говорю маме Аделе:

- Смотри какие яркие звезды! А с этих «звезд» посыпались снаряды. Это были немецкие самолеты. Кого-то ранило, убило, слышны были крики. Мама прижала меня к себе, чтобы не видела этой страшной картины.

И снова мы в эшелоне. Нас двое. Отец Лазарь сразу же ушел на фронт. В юности он сражался в бригаде Котовского. Когда герой гражданской войны погиб, папа шел пешком из Тирасполя до села Ганчешты на его похороны. Всю жизнь отец ходил бритоголовым, «под Котовского». Время было такое, что тиф, вши, вот и состригали все волосы. Таким я его запомнила. В Великую Отечественную войну отца ранили в правую ногу, пришлось передвигаться ему оставшиеся годы с палочкой.

После всех трудностей, переживаний в дороге, оказались мы на станции Джанбек Новороссийского района Актюбинской области Казахстана. Жизнь была не сахар. Мне многие люди говорили: «Да у тебя коленки стучат, как косточки». Очень тяжело было матери, у нее погиб на фронте брат. Ее сердце не выдержало этих тяжелых испытаний, она умерла в 33 года.

Я вернулась в Молдавию в 1945 году, прожила в Кишиневе сорок пять лет. Закончила университет, историко-географический факультет. Работала многие годы в школе, в институте усовершенствования учителей. Более 20 лет назад приехала в Израиль. Одиннадцать лет жили в Кирият Шмона. Но не хотелось подвергать свою семью опасности от ближайших соседей – Хизбаллы, переехали в Хайфу.

Еще в Кирият Шмона я с мужем (о нем был рассказ раньше) и другими энтузиастами создали идишский театр «Шалом». Репертуар его основан на произведениях еврейских классиков Шолом-Алейхеме, Менделе-Мойхер Сфорим, Ицхаке Бабеле и других. После переезда продолжили начинание в Хайфе. Выступаем в клубах, хостелях на идиш, русском. Стараемся, чтобы жизнь нашего пожилого контингента стала радостнее, лучше.

...Это симптоматично – люди, избежавшие гибели в бойне с фашизмом, создали театр «Шалом».

.....

Любовь Короткова (Гербс) родилась 26 мая 1941 года, за три с половиной недели до начала военных действий нацистской Германии с СССР. Конечно, она ничего не помнит из тех нелегких дней, но не раз слышала из уст матери, других про мытарства военного времени.

Ее семья жила вначале в Бухаресте, но когда советские войска вошли в Бессарабию, а в Сороках, жило много родственников, родители переехали к ним. Они решили, что раз произошел раздел западных земель, все стороны довольны, значит войны не будет. В Сороках и родилась Люба.

Война пришла к ним сразу. Быстро схватив самое необходимое, сели на поезд. По рассказам родных знает, что ехали очень долго. Вначале был Сталинград, потом Оренбург, в итоге они попали в Туркмению город Небит-Даг. Там ее дядя, Мендель Нувельман, разыскивал нефть.

Отец стал работать на нефтяных промыслах. Когда ехали, его на каждой станции забирали, проверяли. Он был еще довольно молод., ему всего было 30 лет. Но совсем не знал русского языка, как и многие другие из тех мест, был как немой, да и советского гражданства не было. Поэтому его в армию не взяли. Он стал оформлять квартиры, был отличным специалистом. Мама была все время с Любой – куда такую кроху девать. Под Оренбургом умерла бабушка Хана. А в Сороках погибла многочисленная родня, не пожелавшие эвакуироваться в надежде, что все обойдется, что немцы люди интеллигентные, образованные, они остались.

Не знали покоя

Нужно отдать должное тем, кто в самые малые сроки, отведенные войной на побег от гитлеровских полчищ, наступавших на пятки армии, сумел таки сохранить трезвый ум и выбраться из совсем непростой ситуации.

Мальчик двенадцати лет, Давидка Школерман проснулся в 6 утра от звуков бомбежки. Город Славута Хмельницкой области не так уж далеко находился от границы, в нем жило более пяти тысяч евреев. Через несколько дней начали стекаться беженцы из Владимира-Волынска и области. Их было немного, шли они без всякого груза, все в пыли, страшно уставшие. Как стояли, так и поднялись со своих родных мест, своих домов. Они и рассказали о немецких издевательствах, о том, как они сумели вырваться из города, который в первый же день захватили нацисты. «Немцы убивают!» - твердили они.

Многих напугали их слова. Семья Школерман двинулась в путь. Они не знали, как далеко пойдут, где будут ночевать,

что кушать, сколько на их дорогах будет страданий. 18 километров пешком до Шепетовки. Здесь смогли сесть в эшелон. Доехали до Киева, пришли в эвакупункт, хотели остаться – ну не дадут же фрицам так далеко зайти на советскую территорию. Но не тут-то было, враг захватывал один населенный пункт за другим, сводки Информбюро были все тревожнее. Пришлось вновь забираться в вагоны.

Привезли их в село Покойное, Буденовского района Ордженикидзевогo края (сейчас Ставропольский). Отец Янкель стал столярничать в колхозе, мать выполняла там же разные работы, Давид пошел в школу. Тишина, спокойствие.

- Но покой в этом Покойном селе нам мог только сниться. Вся семья заболела тифом. Умерли отец, мать, сестра Фаня. Мне 13 лет, я остался совсем один, - глаза Школермана наполняются влагой. Переборов минутную слабость, он продолжает: - Не мог я там больше находиться. 6 августа 1942 года выехал на Урал. Очутился в городе Губаха Молотовской области (Пермская). Работал на обувной фабрике, где изготавливали сапоги для солдат. Закончилась война, я вернулся в Славуту. Здесь ждала весть, что погибли два двоюродных брата и их семьи. В городе были умерщвлены более 5 тысяч евреев, в том числе из окружающих селений.

.....

Тамара Барахман (Кигель) тоже родилась в Хмельницкой области городе Литичев. Она с родителями добиралась попутными машинами до Киева, оттуда в Харьков поездом. Наступление фашистов заставило их совершить еще одну эвакуацию. Очутились в итоге в Саратовской области. Отправили приезжих в Вязовский район, село Новая Скатовка. В нем жили, так называемые, немцы Поволжья. На утро старожилы не стало, по приказу Сталина их выселили. Остался только один учитель, у которого жена была немкой. Он организовал школу для детей беженцев. Четыре ряда парт для 1-4 классов. На первом ряду первоклассники и т.д.

- Когда закончила четыре класса, пришлось идти в Вязовку, город находился за 12 километров от нашего села. Туда - 12, назад – 12, пешком. Отец мой, Давид, был на фронте, погиб под Москвой 3 марта 1942 года. Маму Сарру назначили начальником почты, за письмами, телеграммами ей нужно было ехать в Ртищево на быках. Дедушка Иосиф охранял какой-то склад. В нашей семье была еще трехлетняя сестра Мира и брат Марик – родился в 1940 году. Мы ходили в горы по грибы, потом мама продавала их в городе, чтобы было за что купить буханку хлеба.

...В годы войны погиб Израэль - старший брат отца, дядя Тамары, а его семью уничтожили немцы. Средний брат отца вернулся с фронта без руки. Репатриировалась в Израиль Тамара Барахман в 1997 году.

« Я твой отец »

Подвиги бывают разные. Не всегда нужно ложиться на амбразуру дзота, таранить вражеский самолет, бросаться с гранатами под идущий на тебя танк. В том, как мамы спасали своих детей, тоже есть немалая толика героизма. Так уж вышло, что некоторым женщинам пришлось рожать в начале войны. Недавно вручали медали в связи с 65-летием победы над фашистской Германией. На мой взгляд такой награды достойны и эти матери, и их дети, нелегкой доле которых вряд-ли кто позавидует. О некоторых из таких и пойдет дальше рассказ.

Иосиф Шнайдер был призван в первые дни войны. Его жена, Фейга, была в положении, к тому же ее парализовало и она ходила на костылях. В город Кишинев немцы вошли 16 июля, поэтому много времени, чтобы поразмыслить об отъезде, решиться бросить дом, хозяйство, у них не было. Семью разместили в середине эшелона. Когда налетали вражеские самолеты, требовали, чтобы все покинули вагоны. Но Фейга была не в состоянии двигаться. «Будь, что будет», - говорила она и оставалась на месте.

Отъехали от прифронтовой зоны, вздохнули с облегчением, но в очередной раз объявили тревогу, в очередной раз все разбежались, в очередной раз эта женщина не покинула свое место, свой уголок. Казалось, что бомбежка длится часы. Попадания были точными, передние и задние вагоны эшелона полыхали, пламя и дым вздымались к небу, застилая солнце. Слышны были стоны раненых. Несколько средних вагонов не затронуло. Горящие отцепили, отогнали немного в сторону.

- 7 марта, в одном из уцелевших вагонов, родилась я, - рассказывает Татьяна Шнайдер. – Я не видела тех бомбежек, того огня, но подсознательно и сегодня боюсь пламени, яркого красного цвета, военные, бандитские фильмы, где стреляют, убивают. Вроде дата, следующий день после моего рождения – день 8-го Марта - праздник, должна быть радостной для меня, но горе, перенесенное мамой, да и сама потом натерпелась, не чувствую себя в этот день счастливой.

Доехали мы до Саратовской области, попали в Энгельский район, село Красноармейское. Матери нужно было зарабатывать на хлеб насущный, а тут я - совсем маленькое дитя. Она заворачивала меня в теплые тряпки, чтобы не оконечела, и в чуланчик. Приходила в обед кормить. Своего молока не было. Так она мякиш хлебный в марлю и давала сосать, или какую-нибудь жидкость от супчика. Потом договорилась с какой-то молоденькой девчонкой-школьницей, чтобы за мной смотрела.

Как-то крикнули моей, далеко несовершеннолетней няне, что с фронта приехал ее знакомый парень, правда раненый. Она бросила меня и убежала. Да так шмякнула, что сделала меня инвалидом. Меня прооперировали, но все равно долго не могла ходить.

...Освободили Кишинев. Фейга с дочуркой стала собираться домой. А его-то не стало, сожгли, на том месте пепел и камни, пришлось снять угол. Школа, что напротив остатков дома, уцелела, Таня в ней будет учиться. Мать нашла работу, а дочь сажала на широкий подоконник, оставляла хлеб, воду

и уходила. Люди помогали. Многие знали, где лежит ключ от дверей, открывали, давали кушать, пить, снова закрывали, и она оставалась одна, только свет в окошке и изредкое мелькание людей – днем все трудились. Особую зависть вызывали мальчишки, которые гоняли в футбол, девочки игравшие в классики. Другим детям – счастье, а Танечка могла только ползать.

“Здравствуй, папа”.

Фотоиллюстрация С. Коробова

увидела солдатские сапоги, подняла глаза выше – стоит рыжеватый дядя в бушлате. Он тоже заметил меня, присел по ту сторону дверей, глаза стали влажными, дрожащим голосом спросил:

- Ты Таня?

Я кивнула головой. Папа понял, что я калека.

- Я твой папа.- Помолчал, потом добавил - Скажи маме, что я буду у друга.

Он ушел, а я так и осталась на полу возле порога дверей. Мать у меня была очень строгой. Пришла и сразу напала на

- Наступил очередной скучный день конца 1945 года. Стучат. Кто это может быть? Прислушалась. Снова постучали. Наши все знают, где ключ лежит, чужим делать здесь нечего. Любопытство преодолело: сползла с подоконника, по длинному коридору двигаюсь дальше, слышу – бряцанье продолжается. А тут ступеньки. Перевалилась через одну, другую, а третью, более высокую, никак не получается. Все же добралась. Смотрю в небольшую щель дверей,

меня:

- Почему на полу валяешься? Как ты очутилась здесь? Марш на свое место.

Как будто я бы могла самостоятельно взобраться обратно на полку. Рассказала ей, что приходил отец и просил передать, чтобы она шла к другу. Посадив меня на кровать, мать тут же ушла. Я отца долго не признавала, мучила обида на него, какая-то боль, хотя он был очень добрый. Позже узнала о его фронтовых дорогах: Россия, Вена, Прага, Будапешт, был ранен, тяжело контужен, потерял речь. Он узнал наш адрес, стал писать письма, получил весть, что у него родилась дочь Таня. О моей инвалидности, как видно, мама не писала.

...Татьяна Шнайдер отзывается об отце Иосифе с большой теплотой, нежностью. Он всячески старался помочь ребенку выкарабкаться из состояния неполноценности: договорился в больнице, достал нужные лекарства, нашел профессора Красильщикова. Девочка пролежала год на вытяжках, три укола в день пеницилина, новокаина. От болей у нее волосы начали сесть.

- Ее нужно поставить на ноги, - заявил папа, и прилагал к этому все усилия, делал всевозможное и невозможное для выполнения этой задачи.

- Знаете, что представлял собой наш дом? – Татьяна вопросительно смотрит на меня. – Это была настоящая конюшня. Собрались такие же бедолаги как я с мамой. Разделили помещение, отделили один участок от другого тряпками, позже перегородками в рост человека, чтобы не очень видели, что у кого творится, хотя бесполезно, слышимость была прекрасной, так что тайн между жильцами «дворца» не существовало. Надо мною взяла шефство одна семья – Шкляр, Зина и Оба. Они учили меня говорить, читали сказки, главное – научили ходить.

Мой отец работал сапожником, не очень далеко от дома у него была каморка. Он сделал все, чтобы поднялась, но я не могла пересилить себя, отворачивалась. Как он догадался о

моей сокровенной мечте, не знаю. Папа принес мне разноцветные атласные ленты. Я повязала себе бант и пошла к нему в мастерскую. Он сидел, чинил какие-то ботинки. Подошла к нему и нацепила на его рыжую шевелюру бант. Он встал весь сияющий, радостный, обнял меня и стал плясать. Так мы помирились.

В конце сороковых, начале пятидесятых в Молдавии была сильная голодовка, достать продукты стала проблемой ее жителей. К магазину за углом в районе, где жили Шнайдеры, очередь образовывалась еще с вечера. Составляли списки, через определенное время по ним проверяли наличие покупателей. Нет кого – вычеркивали. В этих стояниях-ожиданиях участвовали все члены семьи, в том числе и Таня, хотя была еще очень больна. Ее подымали с постели, говорили: -Вставай, а то проспичь очередь.

В детский сад она одевала платьице, на котором спереди был карманчик с пуговицей. В него ложили кусочек сухого хлеба. Только к восьми годам начала ходить. Поэтому пошла в школу поздно. Тетрадей не было, писали на клочках бумаги, газетных полосках, использовали оберточную бумагу. Уроки делали при свечах, фитилях, керосиновых лампах.

Закончив школу, Татьяна Шнайдер пошла работать в швейную мастерскую. В 30 лет поступила в техникум советской торговли, закончила его с красным дипломом, была комсомольским вожаком. Но не остановилась на этом, продолжила учебу в университете, получила диплом по специальности финансист. 18 лет трудилась экономистом на заводе «Микропровод», потом на других предприятиях Кишинева, последние годы перед отъездом в Израиль работала в Молдавгазе главным бухгалтером, приходилось ездить по всей республике.

По приезду в Хайфу – 1997 год – она не осталась в стороне от дел. Пять лет на общественных началах исполняла обязанности ревизора в амуте «Ветераны Второй мировой войны».

- Это в память о моем отце, участнике битвы с фашистами,
- говорит Татьяна Шнайдер.

Память

Ну кто не слышал про город Миргород? Кто не читал Гоголя? Мирный тихий город перестал быть таким, когда немецкие войска переступили границу Советского Союза. Полтавская земля наполнилась воем снарядов, огнем пожарищ, плачем людей. Смородинские растерялись, не зная что предпринять. Дедушка Яков ничего плохого о немцах сказать не мог. «Люди, как люди». Он, участник русско-японской и Первой мировой войны, кавалер Георгиевского креста, прослуживший в армии с детства в течении 25 лет, не видел в германцах лютых извергов. Но в воздухе витало грозой.

Решили, что нужно уезжать. Наняли подводу и поехали на восток. По дороге фашистские самолеты обстреливали беженцев. Сумели сесть в эшелон, но и здесь им доставалось от летчиков. Родители хватали маленьких: Фене был всего год, брату Саше – шесть, и убегали под какое-нибудь прикрытие: кусты, деревья, в поле, где еще оставалась кое-какая растительность, накрывали детей своими телами.

- Я до сих пор слышу свист летящих смертоносных бомб, хотя родилась в 1940 году, - утверждает Феня. - В одном месте половину поезда разбомбили. Три дня добирались до Харькова. Когда подъезжали к Волге, дедушка потребовал, чтобы ехали дальше до Иркутска, где еще с довоенных времен жили его сестры. Выехали мы из Харькова в августе, на место прибыли в ноябре – три месяца в пути. Ужасная холодина. А одежды почти никакой. Никто не рассчитывал, что так далеко заедем.

Поселились мы сначала у родственников, потом переехали в отдельную комнату с общей кухней. Мать работала сборщицей на заводе, позже на дезинстанции. Жили в страшной нищете. И так более трех лет. Отец Израиль по

состоянию здоровья воевать не мог. Он не выдержал жизни в эвакуации, болел, в 1949 году умер.

Когда освободили Полтавщину, сообщили, что наш дом в Миргороде сожгли фашисты. Ехать на попелище не было смысла. Братья отца – Яков был кадровый офицером, погиб под Кингисеппом; Абрам – в Киеве, в Бабьем Яру; младший Изя – студент Киевского университета физикоматематического факультета пошел рыть окопы, от него не было никаких вестей, лежит тоже где-то в земле. Погибли и другие наши родственники.

А я в той комнатухе в Иркутске прожила 30 лет. Обо всем, что рассказывала, знаю со слов матери, - говорит Феня Смородинская.

Неумная

Трагедия началась еще до объявления войны с Германией. В 1938 году отца Анны Фишбейн Исаака арестовали, с характерным для тех лет обвинением – враг народа. Мать Фаина осталась с тремя детьми: восьмилетней Аней, пятилетним Семой и Ефимом – семи месяцев. На следующий день после ареста милиционеры провели обыск, но ничего не нашли. Первое время Аня с Семой тихонько подбирались к тюрьме, ложились на траву поближе к воротам и наблюдали. Иногда удавалось посмотреть на отца, когда его выводили на прогулку. Расписание ребята выучили наизусть. Но вот уже несколько дней они не замечали его среди заключенных, несмотря на старание, терпение. Написали письмо на имя Иосифа Сталина, ответа не последовало.

- Моя мать, отважная умная женщина, прожила со своим мужем всего 9 лет. Но не растерялась, встретила все навалившиеся трудности стойко. Она заявила нам: «Не плачьте, детки, я постараюсь вас вырастить, выучить, как я обещала папе, но к нам он уже никогда не вернется – его убили». Многие от нас отвернулись, не здоровались, обзывали всяк за нашей спиной. Когда к нам кто-нибудь стучал в двери,

пугались, боялись, думали, что пришли за нами, - рассказывает Анна Гершкович (Фишбейн). - Не могу не сказать о том, что всю жизнь нас поддерживали и помогали родственники: дядя Илюша и тетя Соня Вайнзоф, дядя Гриша и тетя Соня Гробер, тетя Ясна и дядя Боря.

22 июня 1941 года Фаина с двумя сыновьями выехала из Шепетовки Каменец- Подольской области (ныне Хмельницкая) в Киев, младшему Ефиму нужно было снять на больной ноге гипс, чтобы проверить полученную им травму. Аня же с 10 июня находилась в детском санатории. В дороге мать узнает про выступление Молотова, в котором он сообщил о вероломной атаке гитлеровских войск, но решила вначале закончить дела с сыном, а потом вернуться домой. Но не смогла, так как немцы уже были в Проскурове. Ехать за старшей дочерью означало подвергнуть опасности жизнь меньших сыновей.

Как рассказывала позднее Фаина своей дочери, ей удалось забросить на открытую платформу двоих детишек, забраться самой. Это был последний состав, двигавшийся на восток с оборудованием предприятия, с сотнями семей работников. 28 суток они тряслись на платформе, пока не перебрались в вагон, даже не представляя куда их везут. Им было нелегко. Пережили много налетов вражеской авиации, пока поезд не мчал, а тянул их на северо-восток. Многочасовые задержки в связи с тем, что, в первую очередь, пропускали эшелоны с военной техникой и солдатами, в ту же сторону, что и эвакуированных, везли раненых, более срочное оборудование, металл, горючее для военных предприятий. Однажды поезд потерпел крушение. Свершилось чудо, их вагон уцелел, хотя часть перевернулась, похоронив под собой многих людей.

Анна с дрожью в голосе рассказывает о переживаниях матери. Им было нелегко. Фаина кормила детей сырой свеклой, покупала мучную пыль попалам с землей, кусочки затвердевшего крахмала клала в печь на угли, и малыши уминали эти горячие комочки. Было еще такое блюдо, которое

называли «барда» - из очисток картофеля делали суп. Жили вначале в Тамбове. Фаина не теряла надежды найти свою старшую дочь Аню, писала в Бугуруслан, куда стекались все сведения об эвакуированных. Наконец пришло долгожданное письмо, что Аня находится в городе Арске, возле Казани, вместе с бабушкой и тетей Соней. Встретиться удалось только в 1943 году. Слезы радости были на глазах у всех.

- Я хочу рассказать о своих тетях. Моя милая красивая тетя Соня Гробер оказывала помощь как нам детям, так и детям Якова – моему дяде, его жене Тоне, а у нее было трое малышей. Ее муж после окончания в Москве Военной академии имени Фрунзе, был направлен в Киевский военный округ. Он погиб в 1941 году. Все же тетя Тоня сумела достойно выдержать жизненный экзамен, воспитала своих детей – Лизу, Сему, Борю, ставших позднее кандидатами наук.

Но вернемся к Анне. Меня интересовал вопрос, как она выбралась из детского санатория.

- Я вернулась в Шепетовку. Меня привезли бывшие папины сослуживцы. А дома никого. Пошла я к свекрови моей тети Сони. Она довезла меня до Киева, где жила тетя Соня, мамина сестра. Вместе с ее семьей, благодаря ее мужу дяде Грише, полковнику Красной Армии, я эвакуировалась. С тревогами, треволнениями в товарном вагоне добрались до города Арска Татарской ССР. Все время думала о своих родных. Где они? Как нам встретиться? Правда, тетя Соня окружила меня такой заботой, что я стала называть ее мамой. Уже не надеялась, что встречу когда-нибудь родную маму, братиков. Мне шел одиннадцатый год, но приходилось работать на трудном участке. Я таскала тяжелые носилки с землей для того, чтобы получать 150 граммов хлеба в день. Но все же настал час встречи с родными.

...Мать с двумя детьми переехала в Татарию к дочери и семье сестры. В одной девятиметровой комнате жило одиннадцать человек. В этом уголке все пережили эпидемию

тех лет – сыпной тиф. В 1944 году Фаина перенесла и брюшной тиф. От этой болезни скончались тысячи людей, врачи не надеялись ее спасти, жалели детишек, подкармливали их, наливая в бидончики еду. К ней никого не пускали. Но женщина выдюжила, разве можно ей было умирать, когда она так нужна была детям. Мысль о том, что они останутся одни, заставила ее подняться. Она закончила курсы шерстоведов и работала в заготконторе.

В такой дружной, не всегда сытой семье, встречали они День Победы. И взрослые, и дети весело кричали «Ура!».

- Наши вынужденные переезды не закончились. Из Арска мы попали в Куйбышев, где жил мой дядя Гриша, полковник Куйбышевского военного округа. Вначале находились все вместе – 9 человек. Мама пошла работать в инструментальный цех подшипникового завода. При предприятии было общежитие – бывшая школа. В каждом классе жили 3-4 семьи, нашей большой выделили туалетную комнату, позже – проходную, 10-и метровую. Мы учились и работали, нужно было помогать матери.

Беды не оставляли нас в покое – заболел мой младший брат Фима – рак крови. Я уже была замужем. Вновь добрые люди пришли на помощь. Раиса Иосифовна, врач железнодорожной больницы, мать моего мужа Левы, связалась с московскими врачами. Только благодаря матери, которая отвезла Фиму в Москву и дежурила у постели, уму и таланту профессора Кассирского удалось спасти братика. Сейчас Фима живет в Хайфе, работает. У него прекрасная семья: жена, двое детей и четыре внука.

И опять тревожные вести, в этот раз от старшего брата Семена, который после окончания Ленинградского училища саперных войск работал в Одессе. При проведении занятий по разминированию был ранен в правую руку, остался до конца жизни инвалидом.

Оба брата трудились на Куйбышевском подшипниковом заводе, внедрили много изобретений и рационализаторских

предложений. Ефим был конструктором, заместителем главного инженера завода, Семен возглавлял один из крупных цехов предприятия. Но болезни точили его силы, дважды оперировали. Возле него всегда были мама и его жена Идочка. Удалось продлить его жизнь на 18 лет. Он успел защитить кандидатскую диссертацию.

...Анна Фишбейн в 1954 году закончила Куйбышевский политехнический институт факультет переработки нефти и газа. Ее направили в город Безенчук лаборантом, вскоре возглавила лабораторию. В 1960 году открыли новое месторождение в Нефтегорске, ее с мужем Лево́й перевели в газодобывающее управление. Были различные этапы деятельности Анны, но главное то, что она, где бы не работала, заслужено пользовалась огромным уважением, почетом. 21 год трудилась в должности начальника цеха научно-исследовательских и производственных работ нефтегазодобывающего управления объединения «Куйбышевнефть». 30 лет избиралась депутатом городского Совета, заместителем секретаря парткома. Анна была награждена орденом «Знак Почета», знаком «Отличник нефтяной промышленности СССР», медалью «Ветеран труда», ей присвоили звание Почетного гражданина Нефтегорска. В 1992 году приехала в Израиль – новая оля хадаша. Она не отрешилась от друзей, от коллег по работе – из Нефтегорска идут письма, поздравления, стихи, посвященные хорошей, сердечной женщине. И Анна делится своими радостями, переживаниями со своими добрыми товарищами. Есть и обратная связь.

В 1997 году Анну Гершкович (Фишбейн) пригласили на радио «Река» для участия во Всеизраильском конкурсе «Золотой возраст». В соревновании среди дам она завоевала звание «Мисс изящество». Но главная ее гордость - это дети. Дочь Анны Лина закончила тот же институт, что и она, сын Игорь – выпускник Московского института связи, ныне преподаватель информатики в школе. Радуют ее три внучки,

все они одновременно служили в ЦАХАЛе, одна из них, Марина, продолжает службу, она - майор нашей армии. Есть у Гершкович еще одна женская команда - четыре милых правнучки.

Аня, так ее многие здесь зовут, - человек, с одной стороны, добрый, отзывчивый, очень хорошо понимающий людей; с другой стороны активный, беспокойный, старающийся всячески помочь им. Пять лет назад она возглавила «Теплый дом». В этот дом каждую среду спешат пожилые люди, чтобы поговорить о наболевшем, послушать других. Аня приглашает артистов, писателей, журналистов, лекторов, в общем интересных людей. Тесной крепкой ниточкой связала она свою жизнь с этими дорогими слушателями: кое-кто из них участник войны, бывший узник гетто, ветеран труда. Она нужна им, они – ей.

Бегство из Житомира

Воскресенье – день отдыха. Пресманы решили поехать за город к отцу Ишика, который работал в предместьи Житомира в воинской части. Там и застала их весть о начале войны с немцами. Старшего брата Евгении Досик (Пресман) Семена проводили в армию в 1940 году. С той поры они его больше не видели. Гитлеровские части вошли в Житомир 5 июля, но Пресманы за два дня до этого успели сесть в «телятник», куда набилось неимоверное количество людей, что лечь никто не мог, так притулиться к стенке или друг к другу, переминаясь с ноги на ногу.

- По дороге много раз попадали под бомбежку, бывало по несколько дней простаивали в дороге, пропуская в одну сторону эшелоны на фронт с солдатами и боевой техникой; в другую – с оборудованием заводов, персоналом, ранеными, - рассказывает Евгения. – Были попадания бомб и в наш состав, много убитых, раненых. Трупы просто выбрасывали с откоса. Наконец мы прибыли в столицу Башкирии. Нас отправили в районный центр Кушнаренково, недалеко от

Уфы.

Отец работал вначале в колхозе, потом его призвали в трудармию, он был инвалидом Первой мировой войны. В 1944 году вернулся к нам весь распухший от голода. Мама тоже работала в колхозе, на полях, на ферме. Первый год жизни вдали от дома я училась в седьмом классе. Затем стала помогать матери, в свободное время мы, школьники, сушили сухари для фронтовиков. Вскоре перешла работать в колхоз счетоводом.

Вернулись в Харьков вскоре после его освобождения. Город был сильно разрушен, стояли остова зданий. Наш дом тоже не уцелел. Нашли на той же улице квартиру, правда без воды, туалет на улице. Немножко пожили и сняли другое жилье. Я работала бухгалтером-счетоводом. В Хайфе с 1992 года.

.....

Копельберги - тоже жители Житомира. Абрам, глава семейства, трудился на заводе, мать занималась домашним хозяйством, воспитанием двух дочерей: Клары – 1933 г.р. и Мери – 1937 г.р.

- Мы втиснулись в последний эшелон, который вез на ремонт военную технику. Город бомбили, обстреливали из артиллерийских орудий, он горел. Было страшно, - у Клары Тесенгольц (Копельберг) даже сегодня, спустя почти семьдесят лет, от переживаний дергаются веки. – Мы ничего с собой не взяли, один чемоданчик. Думали, что временно, что вскоре вернемся.

«Ненадолго» затянулось на четыре года. Уезжали 4 июля 1941 года, вернулись в 1945-м. И эта семья, как и многие другие, попадают неоднократно под налеты вражеских самолетов. Однажды бомба попала перед самым паровозом, разрушив железнодорожное полотно и рельсы. Все испугались, решили что немцы близко, оставили вагоны и ждали в кустарнике, пока бригада ремонтников не исправила повреждения, и они смогли занять свои места. Поезд двинулся дальше на юго-восток. Привезли их на юг республики

Казахстан в Кызыл-Орду. Вышли на станции, никто не встречает, ужасно неуютно.

- Днем на улице жара, ночью прохладно. У меня постоянная высокая температура – заболела воспалением легких и корью, чуть жива осталась. Мы переехали в Узбекистан, Ферганскую долину, город Маргелан. Отца забрали в трудармию, мать работала в детском саду. Из-за болезни я пропустила год учебы. В школу ходили босиком. Вместо тетрадей один альбом на все предметы, чернильница невыливайка, но чуть накренишь, можно облить одежду, ручка состояла из палочки, на конец которой привязывали перо No. 86.

Когда вернулись обратно, увидели, что наш дом немного разрушен, а до войны у нас была одна большая комната. Соседи сказали, что в доме фашисты издевались над евреями, убивали их. Жить в таком кошмаре не хотелось. Нас пустили к себе знакомые, потом снимали проходную комнату, вместо дверей - простыня. Но со временем все устроилось. По приезду пошла в пятый класс. Закончила педагогический институт факультет иностранных языков. Работала по специальности.

На Урал

Семья Цимерман жила довольно зажиточно. Было свое хозяйство, корова. Тихий спокойный городок Новоград-Волынский был разбужен обычным июньским днем. Думали, рядили, что же делать? А тут звонок от старшей сестры Раи, жившей в Киеве: «Вы еще сидите там? Немедленно уезжайте!»

Хорошо, что отец Якова, Раи и младшего 13-летнего Гриши работал председателем сельсовета в селе. Он достал лошадей, положили немного поклажи и поехали в сторону Киева. Отца забрали в армию. Все легло на плечи семнадцатилетнего Яши. Месяц жили в Киеве в районе Куреневка. Ситуация обострилась, враг подошел к городу. Знакомый майор пообещал вывезти их из окружения. В небольшой газик набилось столько, что пришлось всем стоять, никто на это

не обращал внимание, рады были и этому. Доехали до моста Потона, а там минеры орудуют, никого не пускают, майор едва сумел договориться с ними, сказал, что это его семья. Не очень далеко отъехали, как раздался мощный взрыв. Все обернулись. Было видно как летят куски железа, дерева. Вся конструкция моста приподнялась и рухнула вниз.

- Мы чудом уцелели, - говорит Яков. - А дальше, как у многих. Сели на грузовые платформы и повезли нас куда-то. Оказались на Урале в Челябинской области Полтавском районе на станции Карталы. Сразу же стал работать слесарем в вагонном депо. Подобрал брошенную кем-то мазутную одежду, пригодилась – чистотой мой труд не отличался. Работали по 12 часов. За это иногда давали, так называемый, стахановский обед. Но рвался воевать – молодости хотелось героизма. Семь раз ходил в военкомат, хотя у меня была броня. Наконец в 1942 году призвали. Отправили на Дальний Восток – была напряженная ситуация в отношениях с Японией.

Стоял наш 44 стрелковый полк не доезжая станция Зима.

Познание жизни

Большущий обоз покидал пределы города Чернигова. Это были работники фабрики по переработке шерсти и их семьи. Два месяца войны по 12 часов в смену трудились они, чтобы к зиме были у солдат теплые валенки. Но 22 августа, незадолго до захвата района фашистами, дружно уезжали из родных мест. Руководил обозом, а находилось в нем более 80 человек, начальник планово-экономического отдела фабрики Самуил Непомнящий. Направились в сторону Бахмача, но не смогли там сесть на железнодорожный транспорт, пришлось ехать до станции Комарова Курской области. Здесь сдали лошадей, сели в вагоны.

Одиннадцатилетнему Григорию Непомнящему, сыну Самуила, запомнился налет немецкой авиации на узловой станции Купянск, где скопилось много эшелонов, как с

эвакуировавшимися, так и с военными.

- Это была жесточайшая бомбардировка. Я видел как бомбы отрываются от самолета. Впечатление будто все они летят на тебя. Вокруг взрывы, заложило уши, люди мечутся, не зная в какую сторону броситься, чтобы уберечься от бомб, осколков, кусков взлетевших в воздух вагонов. Все-таки наш состав выскользнул из этого кольца. Добрались до станции Жанасемей – Новосемипалатинск. Я пошел в школу в шестой класс.

Родители работали, брата Бориса призвали в армию, всю войну был военным корреспондентом газеты. В мирное послевоенное время работал заместителем редактора «Ленинградской правды». Здесь, в Казахстане, умерла моя бабушка. У меня не хватило совести продолжать учебу. Устроился на работу на тарный завод при мясокомбинате.

После освобождения Чернигова в сентябре 1944 года вернулись восстанавливать промышленность, разрушенную немецкими варварами. Григорий закончил 9 классов, пошел на фабрику учеником токаря. Получил 3-ий разряд, был призван в Советскую Армию. Солдат, курсант 4-го военно-автомобильного училища города Калинковичи. В 1950 году присвоили звание лейтенанта, возглавлял взвод в городе Капустин Яр Астраханской области. Так до полковника, командира соединения автомобильной части. В 1979 году демобилизовался, уехал в Одессу, работал главным механиком треста Одесгражданжилстрой, потянуло опять в воинскую часть – Управление механизации Одесского военного округа, там дослужился до заместителя командира части.

В 1997 году Григорий Непомнящий с семьей переехал в Израиль. И здесь воинская дисциплинированность, работоспособность, настойчивость в достижении цели видна в его общественных трудах. Комитет ветеранов войны района Адар города Хайфы, который возглавляет полковник в отставке Г. Непомнящий, один из лучших на севере Израиля.

Аккуратно ведется картотека на каждого члена организации,

посещаются люди, нуждающиеся в помощи, отмечаются дни рождения, читаются интересные лекции на различные актуальные темы. В январе 2010 года отмечали столетний юбилей самого старшего своего товарища, ветерана войны Бориса Агроскина. Грамоту, букет цветов ему принесли в дом престарелых, где он находится. Борис был очень рад теплым поздравлениям. А в планах комитета экскурсии, парад в честь Дня Победы.

Санитарка Таня

Эвакуировался госпиталь из города Мариуполя Сталинской области, медсестрой в нем работала Елизавета Самойлович. Начальник госпиталя No. 3377 не разрешил брать никого, кроме персонала. Муж Лизы был на фронте, сама она была на 8,5-ой месяце беременности. Ее и младшей сестры Татьяны брат Владимир тоже воевал. Еле уговорили взять в эшелон хотя бы одного человека - Таню, ведь Лизе нужна была нянька. Так и запомнила Татьяна отца Соломона и мать Полину, стоящих на платформе вокзала и машущих вслед рукой.

- Их расстреляли 20 октября 1941 года у совхоза «Чырвона зірка». Соседи позже писали, что в Мариуполе погибло 9 тысяч евреев, только из моей родни 50 человек. Мы едва успели погрузить инвентарь, раненых, сесть в вагон, как сообщили, что немцы в городе. Это было 8 октября 1941 года в 11 часов утра. По пути подвергались атакам немецких летчиков. Часто наш эшелон ставили на запасной путь. До Ростова мы добирались восемь суток. На станции Кавказская увидели санитарный поезд, который пропустили вперед. Он был весь разбит, разбомблен, покорежен. В дороге родилась моя племянница – Адель.

Начальник госпиталя взял Татьяну санитаркой, хотя ей исполнилось только 15 лет. Обосновались они в городе Ленинанкане на востоке Армении. Поселили в общежитии. Кушали то, что оставляли раненые. Елизавета продала свое колечко, чтобы как-то прожить. Таня закончила вечерние

годовые курсы, стала выполнять обязанности медсестры. В сентябре 1943 года освободили Мариуполь, который находился под оккупацией почти два года.

- Я часто ходила в военкомат, просилась на фронт, но мне отказывали. Перешла работать в другой госпиталь. Лиза уехала домой в Мариуполь. Стремилась попасть туда и я, но не могла нарушить дисциплину, тогда за самовольный уход судили. Вернулась только в конце 1944 года, вновь встретилась с сестрой, проплакали над могилами погибших родителей. Меня наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Продолжила учебу в училище медсестер, проработала 30 лет в поликлинике, в физио-терапевтическом кабинете, - заканчивает свои воспоминания Татьяна Самойлович.

Вышла она замуж за Максима Самойловича, так что менять свою фамилию ей не пришлось.

.....

На военном заводе в Барнауле в годы войны трудилась Нина Аронова. Эвакуировались она с родителями из Луганска со станкостроительным предприятием. Брат Иосиф был еще

в 1940 призван в армию, стал участником войны с финнами. Ароновы оставили квартиру, вещи, взяли только предметы первой необходимости. На станции Лиски двенадцатилетняя девчонка вышла, чтобы

купить в привокзальном кафе хлеба. Вдруг началась бомбежка, поезд тронулся, Нина едва успела вернуться к вагону.

- Привезли эвакуированных в Джамбул, оттуда направили в колхоз «Амангельды». Голодно, на полях только хлопок, работали как большинство колхозников. Но работы было мало, как и хлеба, давали 450 граммов на день нам с мамой на двоих и больше ничего. Снимали какой-то катушок – одна

кровать, стол даже некуда было поставить. Все же пробыли здесь до 1943 года, затем уехали в Барнаул, где жила старшая сестра Белла. Чтобы не умереть с голоду, сестра прибавила мне один год и привела на станкостроительный завод, который перепрофилировался на военную продукцию. Разбирала чертежи, калила детали. В мае 1944 года умер отец Наум, участник гражданской войны. В 1945 году приехала в Луганск, поначалу устроилась бригадиром на овощной базе. Закончила бухгалтерские курсы и 50 лет работала в бухгалтерии Министерства путей сообщения, - вкратце о своей жизни поведала Нина Чернявская (Аронова).

С 1996 года вместе с матерью, дочкой и внучкой живет в Израиле.

От немцев к немцам

Начало войны с гитлеровской армией дружно обсуждали в семье Смоляр. Яков – отец двух сыновей Бориса и Владимира, был старшим лейтенантом запаса. Борис заявил, что завтра же поедет в военкомат, хочет пойти добровольцем на фронт и сражаться с врагом.

- Я тебя одного не отпущу, - ответил отец, - хоть у меня бронь, но будем воевать вместе с тобою.

Так начали сражаться в одной роте старший лейтенант Яков и рядовой Борис, отец и сын. Вместе они погибли в боях под Полтавой.

Киевский горком партии оставил мать для организации партизанских отрядов. Младшего сына тринадцатилетнего Володю она определила к тете, которая уезжала со своей дочерью. Посадила их в эшелон. Состав сопровождал старшина. Во время налетов он бегал по вагонам и выгонял всех наружу. Прятались в подсолнухах, в траве, просто в поле.

Завезли киевлян в Саратовскую область село Мариенталь, то-есть к немцам Поволжья. Боясь диверсий с их стороны, по приказу Сталина немцев к приезду беженцев изгнали,

отправив подальше в Сибирь. Всем приезжим разрешили занять любую пустующую квартиру.

- От фашистов бежали, к немцам Поволжья попали. У меня на одного был целый дом. Дело в том, что тетя с дочерью во время одного из налетов не вернулась в вагон, наверное погибли, я был одинок, - рассказывает Владимир Смоляр. – Перед отъездом немцы, которые жили до нас, потравили все колодцы. У нас ни еды, ни питья. А была зима, холода. Стал я рыться на снежном поле – добрался до картошки. Затем двинулся в лестничество, возле домика лесника набрел на колодец. Сообщил об этом старшему в селе. Он не поверил, спросил:

- Откуда ты знаешь, что колодец не отравлен?

- Я дал попить водички кошке, она осталась довольной, - усмехнулся Володя.

Так он сумел обеспечить приезжих и водой, и, на некоторое время, едой. А по весне стал помогать трактористам, подносить необходимое, ремонтировать. Трудлюбие оценили - поставили его прицепщиком. Шла осень 1943 года. Володю с другими колхозниками послали в Саратов продавать зерно. В рыночной толпе он увидел женщину похожую на мать, подбежал к ней. Действительно, это была она. Можно представить радость матери, уже отчаявшейся найти сыночка, и вдруг встретить возмужавшего подросшего парня. Она многократно обращалась в разные организации, но попытки были безуспешны. Но вот он живой перед ней, улыбается, старается по-мужски скрыть волнение, наворачивающиеся слезы. Больше они не расставались.

В 1944 году вернулись в Киев. Дом Морозова, так он назывался, в котором они жили до эвакуации, отдали ученым, академикам. Им отказали в жилплощади. Мать Володи пишет письмо легендарному командиру партизанского соединения дважды Герою Советского Союза Сидору Артемьевичу Ковпаку. Рассказала, что во время, когда организовывала отряды партизан, была сильно контужена. Только тогда им

выделили комнату в многоквартирном доме с общей кухней.

Владимир поступил в ремесленное училище при заводе «Трансигнал», который выпускал военную продукцию, освоил специальность токаря и остался на этом предприятии работать. Но жажда познаний привела его в автодорожный институт. На небольшую мамину зарплату не проживешь, он после занятий шел на Киевский товарный вокзал разгружать вагоны. Молодого парня призывают в армию, служба в основном прошла на Дальнем Востоке. К этому времени он успел жениться, дочери было полгода. Вначале Владимир Смоляр работал водителем в таксомоторном парке, потом начальником ремонтной службы – 40 лет на одном месте.

В 1996 году его дети уезжают в Израиль. Освоились немного, позвали папу. Репатриировался Владимир через три года после них. Он был всегда деятельным, общительным человеком. Такой он и в нашей стране. Его избрали заместителем председателя общества выходцев из Украины. Еще он любит петь. Сейчас выступает в хоровом коллективе «Золотая осень», где очень ценят его искрометный юмор, доброе отношение, готовность прийти на помощь товарищам.

В рабочем строю

Судя по историческим источникам, из Украины вывезли около 500 крупных промышленных предприятий, много скота, 1667 тысяч тонн зерна. Только из Киева и области за июль-август было отправлено 450 эшелонов с оборудованием 197 крупных предприятий города, эвакуировано более 350 тысяч киевлян. Вошла ли в это число семья Ратнер, не знаю.

Киевлянина Абрама Ратнера – политрука послали на границу. Их часть стояла в 60 километрах от города Броды Львовской области и в 20 от пограничных застав. Семья поехала навестить его, где их застали гудки воздушной тревоги.

- Утром спохватились от взрывов, выскочили. Недалеко был аэродром. Над нами совсем низко пролетели три

бомбардировщика. Небольшая часть наших истребителей успело подняться. Один из них сбил немца, остальные скрылись. В этот первый день войны летчики с моим отцом поймали одного подозрительного человека. Он мычал что-то, показывая, что он немой. Я был рядом с папой и говорил, что этот человек притворяется, но его отпустили. Через небольшой промежуток времени хватились, стали искать его, но он исчез, - вспоминает Григорий Ратнер.

- Начальство собрало всех жен и детей, посадили на грузовые машины и отправили в тыл. Отца больше не увидели, он погиб в первый день войны. Нам прислали потом повестку, что пропал без вести. Мы вернулись в Киев. Когда нависла угроза городу, в товарном вагоне поезда стали пробираться на восток. Состав бомбили.

Эшелон доставил пассажиров в Челябинскую область, город Чебаркуль. Подселили к одной семье, но у них и так было тесно. Нам дали домик на окраине города, был свой огород, жить стало веселее. Однажды мы ушли по делам, дома оставался мой четырехлетний брат Иосиф. Он полез в сенорезку и ему отхватило два пальца.

Мама Дина пошла работать в военторг, я поначалу помогал ей, потом поступил в ФЗО. Учили нас прямо на заводе. Через несколько дней мы сами выполняли на станках несложные операции. Как только освободили Украину, всех фабзайцев (учащихся фабрично-заводского училища) послали восстанавливать республику: Донбасс, Луганск, Запорожье. Строили насыпь для железной дороги. Носилки в руки и... пошел. Никакой техники, на руках кровавые мозоли, кормили плохо, рабочие почти всегда ходили голодными. Иногда мы ходили на рынок, хватали у торговков продукты и смывались.

В Киев мы вернулись после войны в 1946 году. В нашей квартире жила другая семья, куча детишек. Нам пришлось судиться, чтобы ее вернуть. В итоге той семье предоставили другое жилье, а мы забрались в свои пенаты. Работал на заводе «Спецшвеймашина», после армии устроился на

авиационный завод имени Артема термистом. Заочно закончил техникум, стал мастером. Приехал в Израиль в 1990 году, через пять месяцев получил амидаровскую квартиру в Кирыят Шмона ... и попали под артиллерийские снаряды из Ливана. Со временем перебрались в Хайфу.

.....
Вот судьба еще одной киевлянки Анны Якубец (Резниковой). Отца, участника гражданской (был адъютантом у Щорса) и финской войн, взяли на фронт. Анна -1928 г.р., с братом Гришей - 1929 г.р. и матерью Кларой эвакуировались. В Челябинске, куда они добрались через довольно продолжительное время, жили в большой тесноте в общежитии. Им посоветовали перебраться в город Андижан (Узбекская ССР). Там было более спокойно, их вселили к местным жителям.

- Устроилась я на швейную фабрику, пришивала пуговицы к гимнастеркам, брюкам, выполняла другие разные работы. Мать работала медсестрой в госпитале, я в свободное время приходила к ней, заодно заглядывала к раненым, выполняла их просьбы, - рассказывает Анна. Ей в ту пору было 15 лет. – В 1944 году узнали, что мой отец ранен в ногу и лежит в госпитале города Красноводск. Решила навестить его. Путь очень далекий. К этому времени он подлечился, и мы с ним вернулись в Андижан. Я очень хотела на фронт, закончила медицинские курсы, но война, слава богу, подходила к концу, да и мама меня не отпускала. Киев освободили в том же году, стали собираться домой. Вернулись в 1945 году. Квартира наша оказалась цела, но то ли немцы, то ли свои постарались, ни мебели, ни вещей не было, в том числе пианино, на котором в детстве обучалась музыке, одни голые стены. Тогда и узнали, что в Бабьем Яру погибли мои дедушки и бабушки: Мария и Давид Резниковы, Доба и Ицик Рубенфайн.

Анна Резникова была награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945».

Киев – Ташкент

- Черепаховый суп, правда, экзотическая пища, деликатес? А мы кушали его в годы войны. Мяса не было совсем. Привозили из степи черепах в бочках, и выпускали во двор, когда они высовывали головы, мужчины тут же их отрубали, а женщины разделявали туловище. Для нас это было хорошее пополнение к скудной пище, хотя местные жители кривили лица, - говорит Ольга Юзефова. – Только через много лет я услышала, что черепаховый суп – это деликатес и стоит немалые деньги. И дети, и раненые солдаты, и мы в тяжкие годы эвакуации с удовольствием кушали, ничего не подозревая о большой ценности этого блюда.

Мы большой еврейской семьей жили на Подоле в городе Киеве. Родители покинули этот мир, когда была ребенком, мать вообще не помню, отец умер – мне было 15 лет. Через два года вышла замуж. Как только началась война, моего мужа и его родного брата мобилизовали в армию. Их часть поначалу стояла в Дарнице, и я их часто навещала. Муж - Ефраим, брал на руки маленького сына и это была наивысшая радость для него. Вскоре после начала боев под Киевом мне сообщили, что он погиб.

...Вокруг люди всполошились, брали небольшой багаж и уезжали. Начала собираться и Ольга с семьей. Время тревожное, многие в панике. Хотели они сесть на пароход, чтобы добраться до Днепропетровска, но сообщили, что этот город разбомбили, он горит. Вернулись домой. Помог случай, выезжали работники ватной фабрики, которая находилась также на Подоле, они присоединились к этому коллективу.

- Эшелон вышел из Киева 9 августа 1941 года. Ехали по мосту через Днепр на большой скорости под непрерывной бомбежкой. Мост горел. В нашем товарном вагоне находились: сестра мужа Маня и двое ее детей – Женя и Фима, двух-трехлетние мальчики, мой сынок Ицхак и я – беременная. Несколько раз приходилось пересаживаться со своим нехитрым скарбом из одного вагона в другой. Еду

добывали на остановках, кто как мог. Голод, вши – помыться было негде. Главная ценность нашей теплушки – примус. Мы его берегли. Картошку для детей варили во время остановок на костре, но, когда не успевали сготовить, то доваривали на примусе прямо в вагоне.

Несколько месяцев эвакуированные этого состава добирались до Узбекистана, наконец к зиме прибыли в Ташкент. Неразбериха, слезы, истерика в поисках жилья. У одной хозяйки, куда их поселили, Ольга услышала разговор соседней: «Зачем ты их привела в дом, это ведь жида». Наутро Юзепова велела всем собираться, они перешли на другую квартиру к пожилым узбекам.

- Жили под навесом, спали на коврах прямо на земле, пока хозяева не выделили нам комнату. Маня, сестра мужа, заболела тифом, ее положили в больницу. У меня на руках трое маленьких детей, и самой вот-вот рожать. В помещении холодина. Еду на трамвае в роддом, слышу беседу женщин и молодой мамы с ребенком на руках, видно тоже беженцев: «Он же у тебя помер, смотри заохолодел совсем, а ты ему сиську суешь...». Впечатление ужасное. В декабре родила Любашку, но не сберегла – умерла она, не было чем кормить, грудного молока не было, коровьего тоже. Может быть та встреча в трамвае не случайность?

...Ольга горюет, но не опускает руки, на ней забота о других малышах, она им нужна. Только большие усилия, самоотверженность, энергия помогли ей выстоять, спасти близких. Она видела как страдают приезжие, особенно малыши. Куда это годится? Оля обивает пороги партийных, хозяйственных органов. Благодаря настойчивости сумела организовать столовую для голодающих детей и женщин, чьи мужья, отцы воевали. Ее назначили заведующей. Грузчиков, транспорта не было, продуктовая база далеко. Именно женщинам досталась самая тяжелая работа, им приходилось таскать мешки, ящики с продуктами. К тому же нередко работников столовой обзывали выезжать на

строительство канала. Так четыре года. В 1945 году она уже трудилась в родном городе Киеве бухгалтером.

В Израиле Ольга Юзепова старожил, приехала в 1972 году. Работала по своей специальности - бухгалтером. С 1975 года входила в инициативную группу по созданию Хайфской организации ветеранов Второй мировой войны. Много лет возглавляла женсовет в этой организации. Помогала создавать для олим курсы по изучению иудаизма и традиций еврейского народа. Она одна из зачинателей Киевского землячества.

Медаль за доблестный труд

Некоторые биографии во многом схожи – теплушки, бомбежки, голод и холод, многочасовая работа. Все же не хотел всех смешивать в одном рассказе, потому что каждый по разному ощущал эти трудности, каждый лично переживал каждую минуту, час, день, четыре года кровопролитной войны, сердце билось у них иначе, мысли были другие, чем могли бы быть в мирное спокойное время.

Еще одна история одной из семей. Мама Анна Розенгурт – диспетчер Харьковского электро-механического завода, 15-летняя дочь Белла и 9 лет от роду сын Марик. Им повезло - они выехали вместе с предприятием, ребята лежали на верхней полке теплушки и слышали, как грохотали взрывы бомб – это фашистские летчики уничтожали впереди идущий эшелон, который вез учащихся ФЗУ. Их поезд только что обстреляли немцы с самолетов на бреющем полете. Ребята набросили на себя все, что было возле них. Мама все время заглядывала наверх, чтобы проверить, живы-ли ее чада.

37 суток в дороге. Чувашская АССР, город Чебоксары, декабрь месяц. Вспоминает Изабелла Белоусова (Розенгурт):

- Местные власти встретили нас довольно гостеприимно. Заранее расписали, в какой дом сколько беженцев вселить. Нам досталась на троих маленькая комнатка. Весной выделили грядку, на которой росла морковь и другая всякая всячина. Морковку мы сушили и пили потом морковный чай. Мама

сразу пошла на работу, следом и я учеником слесаря. Была первой такой молодой девчонкой в цехе, потом пришло много таких как я. Дали нам ведра с керосином, тряпки, и мы отмывали детали станков от грязи, пыли, масла. Росли стены завода.

Когда стала работать у верстака, удивилась, что парней совсем нет. Цех перешел на сборку релейной аппаратуры, установили конвейер. Меня повысили, назначили контролером ОТК. Работали от 10 до 16 часов в сутки, когда аврал, то и сутки. Я мечтала продолжить учебу, кончила до войны только 7 классов. Как раз открывалось вечернее отделение электромеханического техникума. Я поступила, мне позволили уходить с работы на несколько часов раньше, но нагрузка увеличилась. Училась всегда хорошо с первого класса. Как отличницу меня перевели в конструкторский отдел. Пошла в вечернюю школу, за один присест сдала два экзамена за девятый класс, часть предметов зачислили по техникуму.

... Белла показывает аттестат No. 1 вечерней школы No. 1 города Чебоксары за десятилетку, где стоят только пятерки.

- Я решила продолжать учебу, любила химию и литературу. Но с завода так просто уйти было невозможно, 21 минута опоздания – 1 год тюрьмы. Мне сказали, что отпустят, если только приведу замену. Пригорюнилась я, где ее, замену, искать. Выхожу из проходной, идет местный парень-чуваш, спрашивает, где отдел кадров.

- Ты на работу хочешь устроиться?

Кивает. Я его за руку привела.

- Теперь меня отпустите? –

А им куда деваться? Харьков к тому времени освободили, Я поехала на родину, поступила на филологический факультет университета. И в эти годы трудно жилось. В общежитии 11 девчат в одной комнате. Холодина. Два окна, одно из них заложено кирпичами, в другом - стекло с дыркой. Нас сразу отправили в колхоз помогать убирать урожай. Какая там стипендия? Спасались семечками и пирожками с полусырой

фасолью.

Перевелась на заочное отделение и вернулась в Чебоксары. Меня хотели принять обратно на завод, но меня тянуло работать в области литературы. Начала трудиться в библиотеке. Однажды шла мимо радиокомитета при Совете Министров Чувашской АССР. Дай зайдю. Вышел главный редактор. Расспросил меня, кто я, где учусь.

- Завтра выходи на работу литературным сотрудником последних известий, - сказал он.

Через некоторое время ушла в республиканскую газету «Красная Чувашия». В 1948 году вернулась в Харьков, через год закончила университет с отличием. К тому времени мать с братом тоже приехали домой. Приняли меня корреспондентом в редакцию газеты «Советский летчик». Со временем ушла на преподавательскую работу в техникум, затем в школу рабочей молодежи, в дневную школу. В начале девяностых с семьей сына приехала в Израиль.

... Бодрая жизнерадостная женщина, такой я увидел Анну Белоусову в Хайфе. Среди ее многих наград, а сохранены и грамоты за 1-4 классы, увидел медаль «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны». Одновременно была награждена она и ее мама Анна Розенгурт.

« Он помогает фронту »

Даник, потомственный киевлянин, жил в центре города около Андреевской церкви. (В том же районе жили Булгаковы). Он с детства пристрастился к чтению, особенно исторической литературы, и любимыми предметами в школе были история, физика, математика. Пройдут годы и известный артист Андрей Миронов в шутку скажет ему: «Мы с тобой с детства в сад не ходили, обучались в немецко-еврейской группе». Шел 1940 год. Даниила Брандуса попросила зайти в библиотеку ее заведующая Клавдия Прокофьевна. Закрыв за пареньком дверь, она сказала:

- Даня! Ничему не верь. Скоро будет война, в которой жестоко

пострадают многие, особенно гражданское еврейское население. Возьми книгу, она о поджоге рейхстага и гитлеровском отношении к евреям. Все время это помни».

- Войну глухо ожидали. После подписания пакта с Германией, всю антифашистскую литературу изъяли, кинофильмы «Доктор Мамлок», «Семья Оппенгейм» и другие не допускали к прокату, - говорит Даниил Брандус. – Киев рано почувствовал немецкое наступление. На 2-3 день войны в город прибыло большое количество беженцев из Западной Украины. Мой старший брат Лев работал главным конструктором на военно-механическом заводе. В конце июня было принято решение об эвакуации предприятия. Лев сказал, что забирает с собой меня. Родители выехали из Киева через неделю после нас.

Утром 2 июля с небольшим саквояжем, вещей много брать не разрешали, я стоял на площадке у железной дороги и смотрел, как грузили автомашины с прицепами, другим оборудованием, размещали семьи работников завода. Сели в вагон и я с братом. Доехали до Харькова. Сводки новостей скудные, запутанные, непонятно где наши воинские части, где немецкие. Отправили нас в город Чкалов. Начали чистить площадки под строительство цехов, поступил новый приказ – переехать в Куйбышев.

Разместили нас на окраине города, начиналось разворачивание строительства завода. Я закончил до войны 8 классов, продолжать здесь учебу возможностей не было, приходилось думать о хлебе насущном, о получении продовольственной карточки. Половина одного цеха построена, другой - без крыши, а станки уже стоят, получено задание. Приняли меня учеником токаря – мне 15 лет. Таких как я много, присылали кроме квалифицированных инженеров (среди них много евреев), рабочих, мальчиков из ремесленного училища, ребят из строительного батальона, детей репрессированных, лиц с уголовным прошлым.

Первое задание – выпуск водомаслогреек для запуска машин.

Таких как я поставили на две недели к хорошим специалистам. Мне очень помог заместитель мастера токарь Николай Иванович Егоров. Он учил нас чувствовать металл, затачивать резцы. Нам выдавали хлеб по 800 грамм, но он напоминал по консистенции глину. Вначале столовой не было. 12-часовой рабочий день, перерыв на час, выходной раз в месяц.

В дни битвы под Москвой завод получил секретное задание: выпуск снарядов для «катюш». Детали шли под номером, выдавали под счет и принимали под счет. Присылали поковки, которые на станках проходили операции: обдирку, чистовую обработку, закаливание. Все мы жили тем, что происходит на фронтах, читали «Волжскую Коммуну», особенно перепечатанные статьи Ильи Эренбурга, переживали. Как радовались сообщению о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

Лето 1943 года. Жара на улице и в цехе, круглосуточно крутятся 200 станков. Окна затемнены. Работаем голые по пояс, женщины обматываются только чем-нибудь легким. Тугоплавкая сталь, стружка фиолетового цвета, если попадет на тело – ожог. Нас начали подкармливать американскими продуктами, в столовой за перевыполнение нормы выработки добавочка: 200-300 грамм хлеба. Товарищи идут, поздравляют меня – висит плакат: «Токарь Брандус выполнил норму на 150 процентов. Он помогает бить фашистов».

Познакомился с интересными людьми, среди них с несколько человек с Интернациональной бригады Испании. Межнациональные отношения были хорошие. Радостные сообщения с востока: уничтожена немецкая группировка войск в районе Курска и Белгорода. Этот год стал поворотным пунктом в моей судьбе, прочитал объявление об открытии техникума, стране нужны были грамотные специалисты. Поступил. Одновременно сдал два экзамена за 9 класс, к 1944 году у меня был аттестат за десятилетку и я начал учебу в Куйбышевском политехническом вузе на энергетическом факультете.

Болезнь прервала мою учебу, потом товарищи сагитировали меня перейти в мединститут, но это было уже в Киеве. Закончил институт в 1951 году, далее научная работа, младший научный работник в Академии наук Украины, доцент, преподавательская работа.

В 1979 году я с женой Ириной Бабич решили ехать в Израиль, хотя у нас была хорошая работа, много друзей, и мы были довольно обеспеченной семьей. 9 лет отказа, Ирину исключили из Союза журналистов, меня выперли из мединститута, пришлось уйти работать в поликлинику. Но мы не падали духом. Наши ожидания исполнились в 1989 году, нас встречал Израиль.

С добрым сердцем по жизни

- Ирочка может ты сумеешь повлиять на Подопригору? Отказывается принимать лекарство, все время молчит, угрюмый. Поможешь? Ты же наша палочка-выручалочка.

- Постараюсь. Где лежит ваш ранбольной? (Так называли раненых)

В одном из помещений монастыря в городе Ярославль разместился распределительный госпиталь No. 1027. Кадров не хватало, всех способных держать винтовку призвали в армию. Главврач госпиталя профессор-ортопед Борис Бабич привлек молодежь, но у них не было ни навыков, ни достаточных знаний, поэтому он организовал прямо, не отходя от больных, курсы. Взялась помогать раненым тринадцатилетняя дочь доктора Ирина. Вот ее и попросили поговорить с одним из пациентов.

- Вы Подопригора? Я вам принесла таблетки. Возьмите и вы сразу почувствуете себя лучше. Зачем отворачиваетесь? У вас какое-то горе? Скажите, легче станет.

Раненый молча взял таблетки и выбросил их в судно. Ирина, от своего бессилия справиться с поручением, заплакала.

- Расскажите о себе. Подопригора! Я с вами говорю! Какой вы упрямый, Подопривершина, Подоприсопка. Я ухожу, а

вы подумайте.

Солдатам понравились прозвища, которыми наградила больного девочка, они стали придумывать ему новые фамилии-клички: Подопримост, Подоприсебя, Подопрядуб. Побывав в других палатах Ирина вновь пришла к парню.
- Подопривысотка, будем мучаться?

Он усмехнулся. - Ладно. Где твои таблетки?

...Вернемся немножко назад в 1941 год. Борис Бабич, известный врач института ортопедии в Харькове, профессор, мама Вера преподавала музыку по классу фортепиано. Жили дружно, весело. Ирина закончила четвертый класс.

- Я была отличницей, активной патриотичной пионеркой, - рассказывает Ирина Бабич. - Много читала, особенно нравились стихи. 22 июня мы все

были на даче у тети. Отец сразу пошел в военкомат, но ему отказали. Он разозлился:

- Я сам знаю, когда и где нужен.

Студенческое общежитие превратили в группу госпиталей. Мы должны помогать армии, - решила я. Взяла шелковый рюкзак, положила в него сухари, бинты и книгу «Герои и мученики науки». Подговорила еще двух мальчиков. «А зачем книга?» - спросили родители. «Она будет поднимать дух бойцов», - ответила я. Конечно, не пустили. В августе бабушке, маме, мне и нашей няне (о ней я расскажу позже) пришлось покинуть Харьков. Когда маму начали уговаривать, что не стоит ехать, она ответила:

- Лучше погибнуть под копытами своих, чем от пули врага. Папа командовал отправкой технической части госпиталя,

для этого выделили целый состав. Для персонала и семей оставили несколько вагонов. На перроне была масса людей, стремящихся попасть хоть в какой-нибудь эшелон. Отец распорядился выбросить из двух теплушек менее важные агрегаты, и вагоны набили эвакуированными. Папа был очень настойчивый, послал 24 рапорта об отправке его в боевые части, успокоился лишь тогда, когда направили на Северо-Западный фронт. Вернется он, полковник запаса, в ноябре 1945 года с орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», которой больше всего гордился.

Перед нашими глазами мелькали станции: Баку – Красноводск – Ташкент. Дорога изнурительная, одно сплошное мучение. В Баку нас ждали друзья, они поочередно дежурили на вокзале. В день приезда пришла жена папиного товарища, мы с ней даже знакомы не были. Забрала 9 семей работников госпиталя и повела по улицам города. Она стучала в двери домов, что-то говорила хозяевам на азербайджанском и в каждой квартире оставляла одну из наших семей. У нее самой остановились мы. Наша группа отказывалась разделить трапезу с ними, но бакинцы возмутились:

- Не обижайте нас! Без вас мы не сядем за обеденный стол.

На барже переправились в Красноводск. Жарища, ни воды, ни тени, спрятаться негде. Добились поезда в Ташкент. Прибыли, на привокзальной площади тьма беженцев - старики, дети, не протолкнуться. Поселили в доме, тесно, спала на полу рядом с актрисой Риной Зеленой, недалеко лежал племянник Карла Либкнехта - Курт. Мы не голодали, варили на всех чан супа. Вещи наши поистрепались, ходила в обносках. Вскоре приехал отец и забрал нас в Сибирь – в Кемерово.

Начались занятия в школе. Собрала свой пятый класс и заявила:

- Идет война. Мы должны приносить пользу. Страна нуждается в лекарствах. Давайте собирать лекарственные травы.

Начали со сбора Пастушьей сумки, стебли настолько крепкие, что наши руки кровоточили, приходилось вырывать растение с корнями. На берегу арыка рос шиповник, моя бригада переключилась на него. Воду пили тоже из этой канавы. На учебу наши походы не отразились. Стала я посещать госпиталь, вначале помогала в библиотеке, вскоре читала письма раненым. Подходит ко мне соседка-медсестра и говорит:

- Я работаю в госпитале, где лежат слепые. Нам никто не помогает, к нам никто не приходит, знаешь как не сладко приходится воинам.

После безруких, безногих они выглядели еще более несчастными. Что сделать, чтобы они повеселели? От чтения сводок Информбюро становилось еще хуже на душе. Письма приходили далеко не всем. Стала выискивать интересные смешные истории в газетах, книгах, в это время сама уже писала стихи и читала ребятам. Ожили мои пациенты. А мы еще создали концертные бригады, песни «Темная ночь», «Жди меня» шли под долгие аплодисменты, просили повторить. «Глазами палаты» - так прозвали меня.

... Хочу привести выдержку из статьи Ольги Зив в «Комсомольской правде», посвященной Ирине Бабич, 13-летней пионерке. Опубликовано в 1943 году. Она писала, что у лежачих мир был ограничен койкой. «Стоило только появиться девочке с красным галстуком на шее, и стены палаты будто бы раздвигались. Девочка весело щебетала о своих простых школьных делах. Читала вслух свои школьные, но такие забавные книжки. Рассказывала наивные, но такие веселые истории. Словно солнышко, входила она в палату. И неудивительно, что, выписавшись из госпиталя, вернувшись в свои воинские части, люди долго и нежно вспоминали и рыженькие веснушки, и тугие косички, и алый галстук своей маленькой госпитальной подруги. Таких вспоминающих было много: танкист-пулеметчик Сергей Фалалеев, дважды орденосец сержант Гудов, бойцы Вяткин, Москаленко,

Нестеров, Черушин. Они посылали Ире с фронтов трогательные письма, и каждый, точно сговорившись, клялся так драться с проклятым немцем за милую Ирочку, чтобы от этого немца не осталось ни рожек, ни ножек». Некоторые из тех писем и по сей день хранятся у Ирины Бабич.

Через многие десятки лет тяжелое прошлое видится не таким трагичным. Был и холод, и голод. Выделили семье Бабич (да и другим эвакуированным) клочок земли. Сажали на грядке картошку, другие овощи, это было спасением. Главным «агрономом» была няня Анастасия Пузикова. 6 лет она смотрела за маленькой Иринкой, за остальными домочадцами до войны и 43 года после описываемых событий, вынянчит позже и дочку, и внука Ирины Бабич. Выручала Анастасия и в годы войны. Зимой брала саночки, положит на них вещи и идет обменивать на мешочек муки, шматок сала.

Держу в руках два пожелтевших листочка - письмо отца из Ярославля в Кемерово:

...«Вот и ты, ясная моя девочка, будь умницей, будь крепкой и выдержанной советской девушкой, помогай нашей стране, чем можешь, помогай мамочке и помни хорошенько, что именно сейчас в такое тяжелое время нужно быть настоящим большим человеком: с большим сердцем, ясной головой и крепкими руками. Вот какой я хочу тебя видеть и чувствовать даже на расстоянии».

В 1943 году Бабичи переехали в Ярославль. Шли еще ковровые бомбежки города, а Ира спешила в госпиталь No. 1027, и здесь нуждались в ее теплых руках, которые нежно делали перевязки, в ее добром сердце, которое растапливало горе старых и молодых бойцов, вынужденных коротать время тревог на больничной койке. Молоденькая девушка разносила лекарства, мыла ребятам ноги, стирала использованные бинты, чтобы вновь были пригодными, крутила тампоны, проводила сеансы солюкса, кварца. Они называли ее «сестреночка», при ней мат, ругань прекращались.

- В нашу школу, - продолжает рассказывать Ирина Бабич, - приходил несколько раз военком города, одной руки лишился на фронте, и просил, чтобы мы, школьники (в нашем классе учились одни девочки), помогли разобрать гору железной стружки для отправки на переплавку. Во второй раз предложил убрать затор на реке от сплаваемых бревен. Мальчики забирались на ствол дерева, отталкивали от других, девочки, стоя на берегу, баграми старались вытащить его на сушу. Работа не только тяжелая, но и опасная, ребята могли упасть под бревна, погибнуть, но все закончилось хорошо и звонкой нашей песней после окончания работы.

...Имя Ирины Бабич хорошо известно в Израиле, особенно в Хайфе, где она живет, встречается с ее жителями. Прежде чем поведать о сегодняшней ее жизни, вновь заглянем в далекое прошлое. Школу Ирина закончила с золотой медалью, с отличием Киевский государственный университет, факультет журналистики. Вышла замуж за преуспевающего доктора Даниила Брандуса, уехала к нему в Читу, где он служил в армии. Сотрудничала в газете «Комсомолец Забайкалья». Вскоре мужа перевели в Киев, здесь родилась у них дочь Наташа (ныне врач-психиатр в Израиле).

Постоянные публикации в «Вечернем Киеве» нравились читателям. Ирина посылает свои материалы в «Рабочую газету», публикуется в «Радяньской освіте». Рискнула журналистка отправить свою статью в «Известия». Долго не было ее в печати, ответа из редакции никакого. Когда она поинтересовалась, ей сказали: «А вы пишете еще». Появятся во всесоюзной газете и первая, и последующие животрепещущие материалы молодой журналистки. Стала Ирина Бабич собкором «Известий», «Медицинской газеты», приобрела известность в мире читающей публики.

Дважды в неделю мы можем слышать ее голос на радиостанции «РЭКА», в которую пришла с первых дней образования русскоязычного вещания. Ведет передачу «В гостях у Ирины Бабич». Она рассказывает о жизни, о судьбах

знаменитых и простых людей, в этих монологах наша жизнь, наша судьба, наши беды и счастье наше. В Хайфе Ирина проводит вечера «Посиделки», ставшие знаменитыми. Это уже не монолог, а встречи, знакомство с людьми, их историей. А как она читает стихи известных поэтов! Ею выпущено шесть книг, в них очерки, поэзия, воспоминания. Она не просто журналист, она талантливый человек. Не зря жители Хайфы в 2010 году назвали Ирину Бабич «Человеком года». И ничего удивительного, что ее слушатели посвящают ей свои стихи. Одно из них написал Григорий Гозман, отрывок из него:

По воскресениям в эфире
Ваш голос – солнечный, родной,
Соединит нас с дивным миром,
Где шутки, слезы, дождь и зной.
Ваш голос нас объединил
В той Окуджавовской цепочке,
Мы держимся, нам хватит сил,
Не пропадем по одиночке.

Зяма сказал: «Уезжайте!»

Семья Хитрик ни в чем не нуждалась. Глава семьи Мендель до 1937 года работал референтом председателя Совнаркома Украины. У них была одна из лучших квартир в центре Киева на улице имени 25 октября. Вдруг Любченко, председатель Совнаркома, застрелился. Понятное дело взялись за референта, а он беспартийный. Начали допытываться у него о шпионской деятельности начальника, Мендель только пожимал плечами: «знать не знаю, ничего мне неизвестно». Его уволили, но из КГБ выпустили, даже из квартиры не выселили. Каждый день Хитрики прислушивались, в какое парадное идут чекисты. Но пришла война. Как не хотелось бросать дом, прекрасную мебель, нажитое добро. Упаковали было вещи, пошли на вокзал, а там билетов не купить, к вагонам не подступиться. В первые дни войны мама, по

профессии акушерка, перешла работать в госпиталь медработником.

- Видел я этих немцев в восемнадцатом. Нормальные люди, мирное население не трогали. Мы им ничего плохого не сделали. Остаемся, - заявил Мендель.

У его жены Марии был брат, Зиновий Кантор, известный хирург, в годы войны начальник госпиталя. Звонит он родственникам:

- Вы еще в Киеве? – интеллигент высшей марки разразился таким матом, который они отродясь не слышали. – Немедленно уезжайте! Чтобы завтра вашего духа здесь не было.

Раз Зяма сказал, нужно уезжать. Шли последние дни обороны города. Пришлось пешком выбираться из Киева через Дарницкий мост. Они видели, как мосты минировали. Мендель подошел к мясокомбинату, где работали его знакомые. Те сказали, что сейчас отправляют партию скота, продукцию мясокомбината, оборудование. Об этих днях позже напишет сын Марии и Менделя Михаил.

Я помню вражий самолет
С немецкой стороны
Над нами в сорок первый год,
В тот первый год войны.
Он плыл в блакитных небесах
Над Киевом родным.
Как одуванчики, в шарах
Разрывы шли за ним.
Не сразу понял я в тот раз,
Какая к нам беда
Явилась в дом в тот страшный час,
Вломившись в ворота.
Пришлось из Киева уйти
С котомкой за спиной
По неизвестному пути,
Проложенном войной.

- В вагон погрузили большой трансформатор, сверху накрыли досками, а мы под самым потолком, - вспоминает Михаил Хитрик, которому в 1941 году исполнилось 15 лет. - Отъехали недалеко, поезд остановился на станции Гребинка. Я вышел за кипятком, а тут стали железнодорожные составы бомбить. Вижу мимо меня наш эшелон проскакивает, скорость набрал. Схватился за голову, не знаю что делать. Ни денег, ни документов, ни опыта самостоятельной жизни. Но что такое – наш состав возвращается. Оказывается, что в таком положении оказался не только я один. Мой ровесник, сынок какого-то высокопоставленного папаши, тоже застрял на вокзале. Поэтому поезд отъехал совсем недалеко, его остановили и вернули. Радости моей, родных не было предела.

Привезли нас на станцию Кинель, под Куйбышев. Направили в Старо-Полтавский район. В селе все квартиры были заняты, приезжие потеснили местное население. Мама пошла в больницу, может быть ее специальность пригодится.

- Акушерки нужны вам?

- Очень нужны, - ответили ей.

Выделили нам комнату в больнице. Из Харькова приехали родственники - дядя и тетя, стало тесно, пять человек в одной комнате. Да и голодно. Полбулки хлеба в день на всех – самая роскошная еда. С топливом плохо. Я учился в восьмом классе. Из учеников 8-10 классов собрали бригаду в помощь колхозу. Я попал в тракторную. Дали двух быков, подводу. Задача стояла обеспечить жителей водой из озера. Привезу воду, потом иду учиться, после занятий опять дополнять нехватку воды в баках. Успевал сделать несколько ходок. Заменили быков на верблюдов. Приспособился за один раз привозить две бочки воды. Стал стахановцем.

Однажды встретил мужика, который подсказал, что между забором больницы и рекой Еруслан есть небольшой кусок земли. «Засей, потом поделишься со мной урожаем», - предложил он. Так я и сделал. Вскопал землю, посадил картошку, потом тыкву. Так что с сорок второго года наша

семья была более-менее обеспечена. Вообще считаю нашу эвакуацию удачной .

... Когда Михаил учился в 10 классе, освободили Сталинград. Гужевой отряд стал возить зерно в Бекетовку, пригород разрушенного города. Нужно было подымать мешки по лестнице наверх амбара и там ссыпать зерно. Один раз председатель колхоза попросил парня отвезти хлеб в сам Сталинград. Дал в помощь еще одного ученика Васю. Немцев отогнали не очень далеко. Когда они плыли по Волге, начался артобстрел.

- Миша, ты умеешь плавать?

- Конечно.

- А я нет, - с дрожью в голосе сообщил Вася. Пришлось успокаивать хлопца. Все прошло благополучно.

Успешно закончил десять классов Михаил Хитрик. Шел май 1943 года, впереди экзамены на аттестат зрелости. В класс во время подготовки к первому испытанию знаний зашли директор школы и человек в военной форме.

- Ребята, наша Красная Армия ведет наступление, освобождая все новые районы, захваченные немецко-фашистскими войсками. Но армии нужно пополнение. Кто из вас готов встать на защиту Родины? – коротко выступил военный.

В классе было 11 мальчиков. Все тут же подняли руки и написали заявления о добровольном желании принять участие в борьбе в врагом. Мать Михаила, узнав о таком решении, всплеснула ладонями, заплакала. «Ты только не кури», - попросила на прощанье она.

- А разве я мог поступить иначе? – спрашивает Михаил. – На следующий день на подводах нас увезли. Попал я в маршевую пулеметную роту. У каждого пулемета было двое солдат. В походе первый расчет нес тело пулемета – 26 килограммов, вторым номером был я, нес станок пулемета – 32 килограмма. Представляете, что это для 17-летнего мальчишки?

Наш комбат хотел иметь доскональные сведения о

противнике. На границе между Венгрией и Румынией разведка приволокла «языка». Помогал в допросе я, знал немецкий неплохо. Пленный рассказал о численности и боевой технике на нашем рубеже, только мы не поняли слово «райтерен». Я посчитал, что это всадники. Когда мы подошли к высоте, моя рука наткнулась на колючую проволоку. Тогда и дошел смысл сказанного немцем. По приказу комбата набросили на проволоку наши шинели, штурмом взяли позиции фашистов. Я был награжден медалью «За боевые заслуги».

...Военные дороги вели через Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Их полк немного не дошел до Берлина. Но воины видели, как горит столица фашистского рейха. Победой над Германией не закончились боевые сражения для многих солдат. Подразделение, в котором воевал Михаил, направили на Дальний Восток на войну с японцами.

- Наша рота двигалась по ущелью. Горы слева и справа возвышались над нами. Впереди шла разведка, за ним взвод боевого охранения. Тишина. Неожиданно по роте ударили пушки. Японцы устроили засаду на одном из холмов. Наши вызвали авиацию, которая смела их расчеты с орудиями. Победили японцев, нас послали на борьбу с бендеровцами. Те напали на сельскую школу, в которую привезли молоденьких учительниц. Над ними издевались, затем убили, школу сожгли. Увидели мы это, и ненависть закипела в наших сердцах. Окружили их, но те как невидимки исчезли, не нашли ни одного человека. Было холодно, солдаты разожгли костер, чтобы погреться. Я же решил показать, как греются сибиряки, стал прыгать, обхватывая себя руками и ударяя ими по спине. Подо мною вдруг земля обвалилась. Я с поднятыми руками, в одной из них кружка с чаем, вниз. «Хенде хох!» - кричу. Остальные за мной. Бендеровцы прятались в схроне, позже мы лаз нашли. Половину бандитов гранатами уничтожили, остальных в плен взяли.

Отправили меня в Одессу на слет передовиков воинской службы. В одной из комнат пытались выпустить какой-то

«боевой листок». Сел я нарисовать карикатуру, а к ней сочинил стишки. Баловался этим еще в школьные годы. Начальник политотдела дивизии увидел, меня назначили инструктором, помогал выпускать дивизионную газету. Все офицеры, один я без звездочек. Они брали материалы у таких как они - офицеров, я – у солдат. Посижу с ними, угощу папиросой, сам же выполнял наставление мамы – не курил. Ребята что-нибудь интересное расскажут - запишу, поставлю их фамилии, и в номер газеты. В 1950 году меня демобилизовали.

... Михаил Хитрик закончил пединститут работал в сфере образования, директором школы. Когда приходило вдохновение, писал стихи. Через них рассказывал о своей жизни. Немало посвящено жизни в Израиле, Хайфе. Два небольших сборника выпущены в Черновцах. Несколько лет Михаил, пока здоровье позволяло, работал волонтером в ЦАХАЛе.

Одна кровать и одно одеяло на семью **/ по рассказу Марии Глизер /**

- Жили мы в городе Богуслав Киевской области. Никакой организованной эвакуации не было. В июле решили, что нужно удирать подальше от фашистской заразы. До Киева добирались на подводах, где поначалу удалось сесть на открытые платформы, часть остального пути провели в вагонах, предназначенных для перевозки скота.

Отец, Моисей Беккер, с первого дня войны ушел воевать. В эшелоне ехали мама, папины родители и я. Мне было всего девять лет. Везли нас под бомбежками, пересаживали с одного состава на другой. Остановились в Ростовской области, здесь догнало извещение, что отец пропал без вести. Это сообщение, неизвестность о судьбе других родных: моей прабабушки, бабушки – маминой мамы и других сильно сказалось на здоровье матери.

Я очень благодарна женщине-хозяйке, у которой мы остановились. К сожалению не запомнила ее имени и фамилии.

Она всячески помогала нам. Взяла в колхозе подводу, съездила вместе с дедушкой в районный центр - он был в 17 километрах от нашего села, привезла врача, медикаменты. У мамы был менингит. О состоянии ее здоровья спрашивали многие сельчане. Возле мамы постоянно находились мои дедушка и бабушка, меня же хозяйка забирала в колхоз на работу, там в правлении нам выписывали продукты, то килограмм муки, риса, или лапши, иногда что-нибудь из молочных перепадало.

Наша более менее спокойная жизнь кончилась – немцы подошли к Ростову. Опять на помощь пришла хозяйка. При ее содействии добрались до ближайшей железнодорожной станции. На нас обрушились бомбежки, голод, мы из-за болезни мамы уезжали самыми последними. После нескольких пересадок прибыла наша семья в Гурьевскую область, Денгизский район, Кордуанский сельский совет. Здесь продолжились наши мытарства. В этих местах похоронили сначала дедушку, потом бабушку, не выдержали их сердца ни холода, ни голода, ни горя, обрушившегося на них в старости.

Жили мы с мамой в бараке, где кроме нас ютилось еще семь семей. На каждую семью одна кровать и одно одеяло. Зимой мороз до 40 градусов, кто-нибудь повернется – одеяло сползает с другого, не сон, а мука. Летом же страшная жара, воду пить невозможно, так нагревается. От таких условий, недоедания люди умирали прямо на глазах. 200 грамм хлеба, ну еще мерзлая картошка, если удавалось ночью втихую выкопать ее в поле. Стали умирать дети, хотя родители старались оторвать все возможное от себя, чтобы их накормить. Об этом кто-то написал вышестоящему начальству. Последовало указание сверху: нам, детям, и только, начали выдавать ежедневно по стакану молока. Летом была организована столовая, где мы получали порцию пшенной каши с каплей растительного масла и щепоткой сахара. Порция каши – две столовые ложки.

Хуже всего было зимой, стужи, нехватка еды. Меня очень беспокоило состояние моей мамы. Она часто болела, меня все время преследовал страх остаться одной. Как-то раз, когда взрослые вернулись с очередного ночного похода за хлебом, увидела, что мама очень бледная, она едва держалась на ногах. Окружающим соседям казалось, что она умирает. Я, десятилетняя девчонка, ничего непонимающая в медицине, стала своими тонкими ручонками массировать ей сердце. Из меня сквозь слезы непроизвольно вырывался крик: «Мамочка, не умирай!» Бог помог, она выжила.

Помогла и русская женщина, устроившая маму на полевые работы в колхоз. Они стали трудиться рядом. Мне разрешили приходиться каждый день на огороды, где разрешали съесть по одному огурчику и помидорчику. Эта женщина интересовалась нашей жизнью. Узнав, что мы любим читать, пригласила в выходной к себе домой. В первую очередь мы обратили внимание на стол, на котором стояла миска с теплыми лепешками из какого-то местного растения и рыба – ее муж был рыбаком. Женщина, имя ее не помню, разрешила взять что-нибудь почитать.

В 1943 году Иосиф Сталин изгнал чеченцев из их селений и городов, нас, в числе других беженцев, перевезли в Чечено-Ингушетию. Стояло много пустых домов, сады полные фруктов. Мы перебирались через горную речку вброд, срывали эти фрукты, несли домой. Однажды двое ребят из нашей команды, совершавшие набеги, едва не утонули. Тогда интуитивно решили держать друг друга за руки, как гораздо позже сочинили песню: «...возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке...»

В 1944 году вернулась с мамой домой в Богуслав. Имущество наше разворовали, дом спалили, пришлось ютиться на съемных квартирах. Через год мамина сестра и брат, которые остались живыми, забрали нас в Киев. Там я и жила, работала до репатриации в Израиль.

.....

Маргошины взяли билеты в театр на детский спектакль. Они приехали из военного городка, где жили, в Кировоград, так как глава семьи Павел Маргошин был военным летчиком. Ровно в 12 часов дня 22 июня 1941 года открылся занавес, спектакль начался. Сидят они: родители Павел и Фаина, девятилетняя Эльза и шестилетняя Флора, внимательно всматриваясь в действия актеров. Но представление прервали, объявив, что началась война. Отец тут же попрощался с женой и детьми и отправился в часть. Среди зрителей началась паника, давка.

Военный городок бомбили. Эльза Чернина (Маргошина) помнит, как сбрасывали бомбы, как трассирующие пули проносились над головой, когда они бежали в убежище. Маму забрали копать окопы, Эльза с сестричкой оставались одни в доме. Прошло три месяца. Жен и детей военнослужащих было решено эвакуировать из городка. Их посадили в «телячьи» вагоны. Они были переполнены, спали покатом. На одной из станций увидели немецких военнопленных, - Обыкновенные люди. Что им нужно в нашей стране? - думала девочка.

Эту партию эвакуированных привезли на Урал в Башкирскую АССР, город Белорецк. Город как город, разве что в горах, да и вместо речки Ингул, что в Кировограде, здесь текла быстрая полноводная река Белая. Их расселили по семьям.

- Некоторые остались довольны, кому-то было плохо, - вспоминает Эльза Чернина (Маргошина). - Из картофельных очисток, которые удавалось получить в столовой, мама и другие женщины умудрялись сделать котлеты. Через некоторое время маму поставили заведующей детской кухней, затем заведующей банно-прачечного комбината при металлургическом заводе, избрали ее председателем женсовета. Так жили мы до лета 1944 года.

...Приехал на короткое время отец и отправил семью под город Хмельницкий в село Зищенци, где жили его родители. Эльза старалась помогать своим близким, выполняла разные

работы в колхозе, следуя примеру старших – рабочих рук было мало. Началась учеба в школе, после нее в Днепропетровском инженерно-строительном институте, работа в Днепродзержинске на военном предприятии. Вырастила Эльза Чернина двух дочерей, помогает внукам. Здесь в Израиле с 1996 года, активная участница самодеятельности.

Тернистый путь

Льву Фрумину, по профессии зоотехнику, представитель Государственного Комитета Оборона поручил вместе с другими специалистами перегнать крупный рогатый скот и лошадей из Сталинской (Донецкой) области на восток, за Волгу. В связи с тем, что продвижение немецких войск было довольно стремительным, семья Фруминых вынуждена была не просто эвакуироваться, а бежать из Сталино в неорганизованном порядке, из-за царившего в городе хаоса и беспорядка.

Путь преодолевали пешком, иногда на попутных подводах, реже на товарных поездах. Тяготы кочевой жизни легли в основном на плечи мамы маленького Изольда, который не так давно научился ходить. Дедушка Яков Цыганов, участник Первой мировой войны, был глухой – следствие встречи с бандой Махно, в него стреляли, ранили, потерял слух. Отец после выполнения задания по доставке скота, был призван в Сталинградской области в действующую армию. Брат матери Павел Цыганов перед войной окончил школу с отличием, получил направление в Военно-медицинскую академию, но в первые же дни войны ушел добровольцем. Его часть попала в окружение возле города Доброполье. Он вырвался из плена, добрался до своего города, добрые люди спрятали его, но, кто-то, зная что он еврей, выдал молодого парня. Фашисты расправились с ним, бросили в ствол шахты вместе с другими несчастными евреями. Так что матери досталась неприспособленная к трудностям, выпавшим на их долю, команда: дедушка с бабушкой, сестры Рива и Софа, причем

последней было шесть лет, и трехлетний Изольд.

- По дороге мама каким-то образом узнала, что часть, в которой служил ее муж Лева, должна проследовать через станцию Лог, что возле Камышина, Эвакуированные как раз находились недалеко от города. И мама потащила всю семью в самое пекло, где в это время разворачивались бои за Сталинград. Она часами простаивала у здания станции, глядя на бегущие вагоны, на новобранцев едущих на фронт, но мужа так и не встретила. До сих пор никто не знает, где он погиб, - с горечью говорит Изольд Фрумин.

Они двинулись дальше, сели на один из двух пароходов, уходящих из Камышина (первый был потоплен немецкой авиацией), плыли вверх по течению и оказались в селе Баланны Ютазинского района, вблизи города Бугульма, Татарской ССР. Там до конца войны дедушка, бабушка, мама, тетя Рива работали в колхозе.

- После освобождения Донбаса мы возвратились в Сталино.

Две эвакуации

Где-то в это же время эвакуировалась из села Варсаловка Днепропетровской области девятимесячная Рая Цудикман (Штерензон) вместе с мамой Кларой, тринадцатилетним братом Яковом, четырехлетней сестрой Зиной. Как и в предыдущей истории, ее отцу Абраму, участнику Первой мировой войны, доверили угон скота.

- Когда враг был близко от нашего района, пришел сосед-украинец и строго спросил у мамы: «Что вы ждете? Вас ведь немцы порубят на котлеты! Детей не жаль?» Наша семья едва успела в последний вагон последнего поезда, вскочили буквально на ходу, - рассказывает Рая. Конечно, ее воспоминания основаны на разговорах о событиях тех лет со своими родными.

Они ехали и боялись, что вот-вот их настигнут вражеские самолеты, и от их состава с людьми, с ранеными солдатами, каким-то оборудованием не останется ничего. Эшелон

действительно бомбили, но обошлось без потерь, машинист удачно маневрировал, ни один снаряд не упал на вагоны. Всякое было в пути: голод, несколько пересадок.

- В конце концов прибыли мы в Саратовскую область село Унтервальд (Подлесное). Мама пошла работать в колхоз, то в коровнике, то в поле, то ночным сторожем, я то была совсем маленькой. Братишка Яша вскоре стал работать в МТС, потом механиком. Наша семья и до войны трудилась в колхозе, поэтому работа на новом месте была не втягость. Отец, когда гнал скот, простыл, замерз – ночи были холодные, долго болел и в 1943 году умер.

Первое время наша семья ужасно голодала. Здесь жили только одни беженцы, такие как мы, ведь немцев Поволжья отправили подальше. Неожиданно пришла помощь от Джойнта. Нам дали корову, Мы спасались этим молоком, перепадало и соседям. Здесь я окончила школу, техникум. ...В 1959 году они перебираются в город Енакиеве Донецкой области. Рая Цудикман поступает в Харьковский институт культуры, успешно завершает его вместе с сестрой Зиной. Работала в библиотечном коллекторе. В 1997 году прибыла в Израиль.

Прирожденная колхозница

Попытка эвакуироваться железной дорогой у Бендеровых не получилась. Вокзал в Днепропетровске был разбомблен немецкой авиацией, поезда не ходили. Глава семьи пошел искать транспорт. Как раз вывозили на грузовиках архивы. Он договорился с водителями, что семьи его и сестры сядут на кипы бумаг. Так их перевезли на левобережье Днепра. Утром подали товарняк, согласно распоряжению железнодорожной администрации они должны были сесть в вагон номер 45, но замешкались, там было не протиснуться. Пришлось довольствоваться открытой платформой под номером 73. Отец вернулся на свое предприятие, чтобы сделать отметку в трудовой книжке, иначе могли зачислить

его в дезертиры. Продолжит рассказ Дина Вебер (Бендерова), которой в ту пору было 16 лет.

- Мы доехали до станции Малые Синельники. Здесь собралось очень много эшелонов. На рассвете вышли из вагона. Видим летит что-то, думали листовки, но это были бомбы. Постарались уйти подальше от железной дороги. Когда вернулись, оказалось, что пути повреждены, некоторые вагоны разбиты. Одна из бомб попала в 45-й вагон, где должна была ехать наша семья. Пока ремонтировали дорогу, я насмотрелась столько ужасного: валялись трупы, прикрытые тряпками, мешками, видны, разбросанные вдоль железнодорожного полотна, руки, ноги. Ночью снова поехали, но кое-кто остался – они боялись новых налетов.

Добрались мы до станции Чаплино, что в 30-40 километрах от областного центра Сталино, нас высадили и распределили по колхозам. Попали в район Заветное, село Торговое. Все трудились, кто на поле, кто на животноводческой ферме. Я была направлена в огородную бригаду, потом на строительство аэродрома, ангаров для самолетов: равняла площадки, бросала землю на брочки. Приехал наш отец, он был участником гражданской войны, его ранили, стал инвалидом.

...Прожили Бендеровы в этом месте менее года. Гитлеровская армия уже однажды захватывала Сталино, было страшно, но Красная Армия отбила город. В июле началось новое наступление фашистских полчищ. Отец пошел к начальнику станции и спросил:

- Ты сможешь всех прибывших к вам отправить эшелонами?
- Нет, - честно признался он.

Все начальство колхоза уехало, нужно было самим искать выход. Раздобыли двух верблюдов, большую телегу-мажару, мать Дины из простыней сплела вожжи. Ко всем несчастьям девушка заболела – воспаление легких, температура высокая, а не ехать нельзя. Положили ее на прицеп, накрыли и двинулись вперед.

- Добрались мы до какого-то хутора, здесь было все колхозное руководство с семьями. Председатель колхоза Волков говорит: «Отведи арбы подальше, немцы застанут вместе, нам попадет. Забирай своих евреев и уезжайте от нас». Дорогу не знали, все время спрашивали, однажды показали в обратную сторону, хорошо, что переспросили у других. Подъезжаем к какому-то поселку, нам сообщают, что на нашем пути немецкие танкетки. Пришлось развернуть лошадей.

Все же доехали до Волги, поселка Никольское. Положили меня в больницу, пять дней провалялась в ней, выписали с температурой 38,3. Сели на паром, а сверху фашисты атакуют нас. Когда любой самолет пролетал, вздрагивали. На поезд сели только в городе Красный Кут Саратовской области. Добирались до Алтайского края более двух месяцев. Приютили нас в селе Поповка, Андреевского района. Мама, я и двоюродная сестра трудились в колхозе в полевой бригаде, нашлась работа и отцу – он был хороший прораб. Осенью 1944 года мы покинули Алтай, вернулись в Днепропетровск. На прощанье мне сказали: «Ты прирожденная колхозница». Но я мечтала стать медиком, закончила институт, долгие годы работала врачом.

Человек дела

- Вы должны о нем рассказать. Это такой мужчина, такой хороший человек! – попросили меня.

Давайте познакомимся с ним - Ефимом Колкером. Даже войдя в его комнату в микбацей-диюре, видно, что это человек деятельный, интересный. В рамках, изготовленных им самим, картины, портреты, на шкафчике прелестные лебеди из бумаги, таких птиц он не мало раздарил друзьям, соседям.

Родился и жил Ефим в Полтаве. Закончил четыре класса и поехал к бабушке на каникулы в местечко Песчаное, что недалеко от Балты. Заодно можно было искупаться в Черном море. Но тут война. Пешочком отшагал он 25 километров до Балты, был полон решимости добраться до фронта и дать

им, фрицам, прикурить. Вскочил в воинский эшелон, радуется – никто не выгоняет, а поезд оказывается шел на восток, воинскую часть везли на расформирование, и довез паровоз-«чухалка» паренька до города Батайска Ростовской области.

Рассказывает Ефим Колкер: «Нас 4 раза бомбили, на станции Трикратная похоронили 60 красноармейцев. Что могли сделать два спаренных пулемета, которые были в эшелоне, против немецких бомбардировщиков? Ничего. Встретил я в Батайске мужчину, фамилия Калашников, который заметил, что я слоняюсь по вокзалу, пригласил к себе. Мы ходили собирать клещевину, из нее делали масло для авиации, возили ее на станцию. Там неожиданно наткнулся на тетю Сару, мамину сестру, с детьми – одному ребенку года два, другой - грудной. Они эвакуировались из Ленинграда. Слезы ручьем.

- Сынок, езжай с нами. И нам, и тебе легче будет.

Помог Калашников, притащил в вагон два мешка муки. Мы поехали дальше. У нас было два кирпича, на которые ставили ведро с водой, за кипятком я бегал на станцию. Так варили похлебку. Делились мукой с другими беженцами. Приехали мы в Алма-Ату. Председатель колхоза забрал нас в село Орловка Цюрипинского района Павлодарской области. Нужны были люди. Приходилось выполнять различные работы: посылали пасти лошадей, быков, по весне пахали, ходил на сенокос, уборку урожая, косили, молотили, был там, где в этот день нуждались в моих рабочих руках. Конечно, опыта никакого, учился я и мне подобные, на ходу. С едой было туго. Мы ловили сусликов – вкусное мясо, во всяком случае так тогда казалось. Еще нам за его шкурку платили по 10 копеек. Заодно учился, окончил семь классов».

В 1944 году, вскоре после освобождения Одессы, Фима Колкер едет к морю. Встретил двух таких же ребят Володю Дощечкина и Киву (фамилие не помнит), решили осуществить давнюю мечту – повоевать с гитлеровцами. Им по 17 лет. Добрались до города Плаешти в Румынии. Их принял полковник 223 артиллерийской бригады, посадил на машину

и... отвез ребят в Одессу, в артиллерийскую спецшколу. 28 лет отдал Ефим службе в Советской Армии. Получил высшее образование, работал начальником эксплуатации нефтегазового техникума, преподавал электротехнику.

После окончания войны пришлось пережить много неприятных дней – узнал о гибели отца при обороне Одессы, трех его братьев, матери в гетто, а всего погибло самых близких 11 человек. Самое неприятное было для него, мучило, не давало спокойно спать то, что на месте расправы с евреями не было никакого памятного знака. Пошел Ефим Колкер по инстанциям, начал собирать деньги, но редко кто помогал ему в этом. Не так уж богаты были советские евреи.

- Мне жители города рассказали, что в Полтаве погибло 8 тысяч евреев, что три дня земля ходила ходуном, потом немцы засыпали ее известью, - говорит Ефим.

- Знаешь, папа, - сказала его дочь, бизнесмен Лариса Ицкович, - мы справимся с этой проблемой, я дам нужную сумму.

И встал памятник, на котором на украинском и на иврите возвещалось о трагической участи евреев Полтавы. Теперь со спокойной совестью Ефим мог уехать в Израиль. Это был 2002 год. Вначале Маалот, затем Акко и Хайфа. Но где бы он не был, вносил свою живую неутомимую энергию, оставляя свой добрый след, а ему сейчас 81 год, в жизнь коллективов, в которых он находился. Вот и в микбацей-диоре на Алия-Шния в Хайфе соорудил стенд, на котором фотографии участников Великой Отечественной войны.

- Вы знаете, Фима помогает и мне и другим жильцам нашего дома. Когда идет в магазин, предлагает свои услуги, - рассказывает Винокур Юда. – Мне 96 с половиной лет, без него мне было бы гораздо труднее. Он не только помощник, но и приятный во всех отношениях веселый, жизнерадостный человек. Свой оптимизм передает нам. Такими евреями может гордиться Израиль.

У Черного моря

Вспоминает Игорь Гуральник:

- Мне шесть лет. А тут свист бомб, грохот взрывов. Все всполошились, меня забрали с детского сада. Как только начинала завывать сирена, сразу бежал в бомбоубежище. А гады-фашисты уже из артиллерии бабахают по городу. В последний раз был очень сильный налет. Когда он закончился, мы вышли, смотрим, а половины нашего дома как и не бывало, напротив находился военный госпиталь, как видно целили в него.

Мама побежала в Одесский порт, там работал троюродный брат, стала упрашивать отправить нас из этого ада, помочь сесть на корабль. В тот день он проводил свою семью на теплоходе «Ленин», но фашистские летчики потопили его. Об этом ни он, ни мы еще не знали, а то может быть и не рискнули поехать.

- Одна нога там, другая здесь. Один час на всю дорогу, - сказал брат маме.

- Я ведь не успею...

- Значит, действительно не успеешь.

Каким-то чудом мама раздобыла лошадь с повозкой. Что-то бросили в нее, времени собраться совсем не было. К отплытию парохода были на его борту. Добрались до Новороссийска, но оставаться там надолго не могли, гитлеровская армия рвалась на Кавказ. Теплушками ехали, ехали, наконец высадили нас в городе Атбасар Акмолинской области (позже Целиноградская, ныне город называется Астана. - Д.Ф.). Там и прожили до 1945 года. Вернулись в родную Одессу. В десять лет я только смог пойти в первый класс – в эвакуации не было условий, чтобы посещать школу. Кончил четыре класса, а проблема прежняя – не на что жить. Решил поступать в ремесленное училище, но там принимали семиклассников. Я настоял, написал диктант без ошибок, только в заявлении о приеме допустил одну. Меня приняли – люди понимали, что время послевоенное, трудное.

...Стал Игорь Гуральник работать на заводе радиально-сверлильных станков. В восемнадцать лет призвали в армию. Захотел на флот, куда же иначе, он же одессит. После учебы направили на крейсер «Суворов», потом перевели на эсминец. Корабль бороздил по североморскому пути, побывал молодой матрос в Англии – пять дней стояли на рейде. Демобилизовался и вновь на завод. Сочетая работу с учебой, закончил станкостроительный техникум, работал старшим мастером на участке по выпуску продукции на экспорт. 46 лет – таков рабочий стаж Игоря на Украине.

В Израиль И. Гуральник приехал в 1998 году. Но таков его характер – не мог сидеть без дела, хотя возраст пенсионный. Он еще 10 лет трудился в типографии города Хайфы. Жизнерадостный, улыбчивый, дружелюбный Игорь с удовольствием участвует в хоровом коллективе, солирует, поет песни на разных языках, в том числе на идиш.

- Для меня это такая приятная миссия! – говорит он.

.....

В начале августа 1941 года немцы перерезали основную магистральную дорогу, и Одесса оказалась изолирована от суши, выехать можно было только водным путем.

...И семья Анны Шарф (Рийя) эвакуировалась из Одессы пароходом «Украина» в Новороссийск. Оттуда эшеленом в город Балхаш Казахской ССР. Им дали небольшую квартиру. Отца Михаила сразу же призвали в Красную Армию, старший брат Ефим около года проработал на военном заводе, затем забрали на фронт, погиб под Харьковом в 1943 году.

Жизнь в Балхаше была тяжелой, умирали с голоду, на них страшно было смотреть – кожа да кости. Решили уехать, сменили этот город на станцию Макинка Акмолинской области. Сюда пришло сообщение, что и отец погиб. Долго на этом месте не были, перебрались в Ташкент.

- Мама была сама не своя, обвиняла себя, что не уберегла сына, что его забрали в армию, хотя у него была бронь. Она ходила и часто падала в обморок. Все заботы о младших –

девятилетней сестре Тане, братике Абраме, ему шел пятый год, легли на мои плечи, самой в 1942 году исполнилось четырнадцать, - рассказывает Анна. – Мы ходили в лес, собирали все, что можно было употребить в пищу: грибы, орехи, ягоды. Как мы выдюжили, самой сегодня не верится.

...Когда Одесса была освобождена от фашистской армии, они возвратились домой. Аня начала посещать школу, но было не до учебы. Закончила курсы швей, стала работать в ателье. Первое время считали каждую копеечку. Позже она закончила бухгалтерские курсы и всю трудовую жизнь проработала бухгалтером. В 1991 году с мужем приехала в Израиль.

Пусть узнают наши дети

Как хорошо после окончания школьных экзаменов вволю насладиться теплыми водами Черного моря, понежиться на пляже, ведь никто никуда не гонит, не нужно спешить в школу. Но вся эта прелесть внезапно кончилась, немцы бомбили город. Особенно запомнился Белле Оселедчик конец июля 1941 года, когда невозможно было выйти на улицу. Отца ее, Бориса, вначале направили на рытье окопов. Затем в действующую армию. Немецкие части двигались к городу.

- Мы едва вскочили на открытую платформу, под нами россыпью пшеница, можно с нее соскользнуть и упасть под откос. Вражеские самолеты наведывали нас каждое утро, скидывали свой смертоносный груз, но посчастливилось – мимо. Целый месяц добирались до Урала. В Челябинске у кирпичного завода нас высадили. Беженцев обступили местные жители:

- Здесь вы погибнете, замерзнете, езжайте в теплые края.

- Наверное им приходилось тесниться, поэтому так советовали. Недолго думая, прислушались к голосам уралок и поехали в столицу Киргизии, город Фрунзе (Бишкек). Решила пойти в медицинское училище, мечтала стать доктором еще с пятого класса, но документы об окончании

восьмилетки мы не захватили, взяли только рюкзаки. Работала в больнице. Через несколько лет все же закончила фельдшерский техникум. Всякое было и здесь: голод, холод, болезни.

Старшая сестра Беллы, Фаина, работала в банке. Когда освободили Прибалтику, ей предложили поехать на восстановление Вильнюса. К этому времени их через Бугуруслан нашел отец. Устроившись на новом месте, Фаина пригласила к себе всю семью. Белла закончила медицинский факультет Вильнюсского университета по специальности терапевт. Более тридцати лет проработала в больнице.

- Когда была студенткой, мне понадобились книги по химии, посоветовали обратиться к Бодниваасу. (О нем в первой части книги. – Д.Ф.) Так я познакомилась со своим будущим мужем. С 1990 года живем в Израиле. Наши дочери получили здесь высшее образование, одна закончила университет, она – логопед, другая – технион. Обе служили в ЦАХАЛе. У нас четыре внука, - с гордостью закончила свое повествование Белла Оселедчик. – Они должны знать о нашем детстве.

.....

Добрались нацисты и до Керчи. Вопрос эвакуации решали в семье Самойловых женщины: мама Мария, дочери Аня - 1926 г.р., Лидия – 1931 г.р., младшему Валерию было всего два года, в дебатах он не участвовал. Отец Петр, участник финской компании, добровольцем ушел на фронт, воевал в составе Черноморского флота в морской пехоте. Собрались три еврейские семьи, наняли рыбацкий катер (иной возможности выбраться из окруженного города не было), переправились в Краснодарский край в одну из станиц. И здесь не было спокойно, поэтому теплушками доехали до Сталинграда. Жили недолго. Германская армия вела наступление на этот город. В третий раз нужно было подниматься и искать где-нибудь убежище от коричневой напасти. Сели на пароход, приехали в Ульяновск.

- Красивый город, но начальник эвакуопункта отказался нас

принять, - рассказывает Лидия Фрейдина (Самойлова). – На вокзале столпотворение, теснота, пройти невозможно. Жили на улице, несмотря на холод. Каждый день ходили к начальнику эвакопункта, чтобы помог устроиться. Нас отправили в Саратов.

В 10 лет я начала работать в колхозе села Ивановка Черкасского района. Трудилась там, куда посылали: на поле, на ферме. Дело в том, что моя мама болела, и я попросила бригадира: «Дай мне любую работу, справлюсь», нужно же было кормить родных.

- Ты ведь такая маленькая, тебе учиться надо, - участливо сказал он.

- Но я все же настояла. Работала одно время на току. Потом, где нужна была, зато получала хлеб по карточкам, как взрослая... Так пролетело три года. Вернулись домой, Керчь весь в развалинах. Большинство евреев погибло в Багилевском рву, в том числе мои и сестры соученики.

.....

Одесса в осаде. Семья Барило решила выехать из города поздно. Путь возможен был только по Черному морю. Семнадцатилетняя Ида с отцом и матерью ночью, чтобы не попасть под налет немецкой авиации, на повозке добрались до морского порта. На корабле им раздали спасательные пояса, от этого стало еще более страшно, в городе полнились слухи о том, что многие корабли пошли на дно вместе с эвакуированными. Но они сумели доплыть на судне до Новороссийска.

Вначале попали в станицу, затем перебрались в Ростов, где проживала старшая сестра Иды, но и на этот город нацелились вражеские полчища. Семья Барило выезжает в Курган. Там обосновался брат, окончивший Одесский институт. Они ввалились в его однокомнатную квартиру всем кагалом. Брата вскоре забрали в армию

- Моя старшая сестра работала врачом, - сообщает Ида Барило. – На дворе стоял декабрь, холодина, а у нас с собой

зимней одежды не было. Но главной проблемой была добыча еды. От недоедания отец попал в больницу, все тело оттекло. Нам выделили недалеко от дома участок земли, где мы старательно трудились, посадили картошку и на той же земле тыкву. Осенью стало легче. Во-первых, урожай с огорода, во-вторых, сестре-юристу дали корову.

...Иду взяли на завод табельщицей, Это было эвакуированное харьковское предприятие, на базе которого был создан военный завод №. 603, выпускавший различные запасные части к вооружению. В сезон весенней страды и во время уборки урожая их отправляли в близлежащие колхозы на помощь. Красная Армия вела наступательные сражения, стало легче на востоке страны – в Кургане увеличили дневную норму выдачи хлеба на 200 грамм.

В мае 1944 года освободили Ростов, другие города. Ида уезжает в Одессу, поступает в медицинский институт, который успешно закончила в 1949 году. Многие годы работала в Витебске. С 1990 года живет в Хайфе. Свои знания в медицине не растеряла. Часто в микбацей-диоре можно услышать ее лекции, советы пожилым по многим актуальным вопросам.

- В 2006 году наша семья обнаружила, что ровно сто лет назад 23 мая 1906 года наши родители сочетались браком. Мы решили сделать эту дату праздником, днем встреч всех наших родных. Прошлый раз собралось 34 человека, а сбор наш проходит обычно за городом в лесу, - добавляет к выше

А память священна

Председателем колхоза «Марат» Джанкойского района Крымской области был Мордух Азов. Половину селения составляли евреи, остальные русские, украинцы. По первому зову он явился в военкомат и отправился на фронт. Воевал в 51 армии генерала Батова, артиллерийском дивизионе, который защищал Феодосию, затем Перекопский перешеек. Дальнейший боевой путь М. Азова семья не знает, так как вестей от него не поступало. Много позже пришло сообщение,

что Мордух пропал без вести в 1943 году. Стараниями его сына Владимира все же установили, где он погиб.

- У моего дедушки было 18 братьев, многие из них сражались в Первую мировую войну в царской армии под командованием генерала Скобелева. Все поколение было пропитано духом патриотизма, отец не мог оставаться в стороне, когда ей угрожал враг, - говорит Владимир. - Как я помню, папа был и на Халхин-Голе, и на финских рубежах. Наша семья: мама, брат, которому было два с половиной года и я, мне исполнилось пять лет, была отправлена в тыл. Через Керчь до Осетии, города Алагир. Не выдержал испытания голодом, болезнью мой младший брат, умер через полгода после отъезда из Крыма. Лечить там было некому и нечем.

Пришлось нам дважды эвакуироваться, ведь фашисты подступали к этим краям. Снова в дорогу. Какими путями мы добирались, не помню. Знаю, что на нашем пути был Баку, Красноводск, Средняя Азия. Пытались уехать на Урал, но оказались на юге Казахстана в селе возле Кзыл-Орды. Мама узнала, что родители отца живут в Чувашии. Мы быстро собрались, приехали в одно из сел Ямпольского района – название забыл, но недалеко от города Канаш. Я по дороге потерялся, оказался в детприемнике, но вскоре мать нашла меня. Она стала работать в колхозе. В 1944 году возвратились в родные края.

...В семье Азовых многие пали жертвой фашистских палачей. Со стороны матери были уничтожены сестры с семьями, в Речице были расстреляны родственники отца. Часто память возвращает Владимира Азова, ныне хайфовчанина, в далекое прошлое. – Эту войну мы никогда не забудем, - уверенно говорит он.

Липкины

Холокост на оккупированной территории РСФСР имел свои особенности. Западные области были захвачены довольно быстро, многие города в первой половине октября 1941 года:

Брянск, Калинин, Орел, Калуга, а Псков был вообще сдан 9 июля, Смоленск - 16 июля. На территории республики проживало небольшое количество евреев, около 200 тысяч, но к ним добавились бежавшие от гитлеровской армии из западных областей. Большая часть сумела эвакуироваться.

Своеобразна судьба семьи Липкиных. Пожалуй и семьей их трудно назвать. Мать, совсем еще молодая женщина, умерла в 1933 году от тифа, через три года попал под машину глава семьи. Осталось четверо детей, четверо сирот, самому младшему было четыре года. Им предоставили место в детских домах Смоленщины, трех школьников в один, меньшего в другой – таков порядок был. В 1940 году все все-таки оказались вместе.

К началу войны детки подросли: Галине было 15 лет, Аркадию – 14, Саше -11, Леве – 9 лет. Месяца не прошло, а солдаты Вермахта стояли у стен старинного города Руси - Смоленска. Благодаря усилиям директора детдома, депутата Верховного Совета СССР, для детдомовцев были выделены места в эшелоне. Отправляя ребят директор наставляла, чтобы захватили два пальто – осеннее и зимнее, теплую обувь, так как неизвестно куда их повезут, на какое время.

В пути они попали под бомбежку, состав в многих местах был разгромлен, шестерых ребят здесь же похоронили, было много раненых. Все детдомовцы оказались в чистом поле, их подобрал другой поезд. С трудностями, с неполным питанием они добрались до Магнитогорска. Детей старше 12 лет отправили в ФЗУ, где они получали специальность и становились на рабочие места.

Аркадий узнал, что освобожден Харьков, сказал Саше: - Я хочу жить в этом городе, если хочешь поедем вместе.

Денег хватало на один билет, Саша пробрался тихонько и спрятался в вагоне. Приехали на вокзал Харькова. Куда идти не знали, но Аркадий попросил младшего подождать на привокзальной площади, пока он разведает обстановку. Больше Александр не видел брата. Тогда по вокзалам

шталось много беспризорных детей, милиция ловила их и отправляла, кого в детские дома, кого на предприятия, кое-кто оказывался за решеткой. Аркадий устроился на один из заводов Харькова и написал письмо сестре Гале, которая к тому времени тоже трудилась на заводе, только в Челябинске.

Судьба благосклонно отнеслась к Саше, для военного оркестра набирали мальчиков, взяли и его. Далее обычная судьба – окончание института, женитьба, работа.

Вот тут мы подходим к истории другого человека. Есть в Донецкой области город Красноармейск, крупный железнодорожный узел, в нем жило около 2 тысяч евреев, в том числе семья Шапиро: Эммануил Шапиро и Софья Файерман – врачи, и их дочь Клера, которой исполнилось 10 лет. Немецкие летчики систематически бомбили железную дорогу, не давая возможности проводить эвакуацию населения. Мать вскоре забрали в эвакогоспиталь, находившийся в нескольких километрах от города. Во дворе было убежище, но девочка не успевала добежать до него, поэтому затаивалась дома.

- Где-то около трех недель походили мы в школу, потом нас попросили освободить здание, так как оно было нужно для военных целей, - рассказывает Клера. - Однажды мама приехала на бричке, скомандовала:

- Собирайтесь! Только вещи первой необходимости. Начальник эвакогоспиталя разрешил взять в поезд близких родных, выделили две теплушки. Потарапливайтесь.

Помню мы проезжали Орел, Белгород, эти города полыхали, затем добрались до 2-й Сортировочной Москвы. Почти месяц добирались. Несколько недель сидели в вагонах, затем направили наш эшелон на восток. Позади Казань, Свердловск, опять поезд сменил направление – попали в Челябинскую область, поселок Ис. В здании, где до войны был горный техникум, учили ребят на маркшрейдеров, поместили госпиталь, а в общежитие - людей. Отец работал в поликлинике, через некоторое время стал ее заведующим,

мать в этом же госпитале, но вскоре ее забрали в районы фронтовых действий: Ворошиловоград, Северный Кавказ, Крым... Вернулась к нам лишь в 1946 году в звании майора.

Я училась в Исе с третьего по шестой класс, затем мы жили в Подмоскovie, и в Москве. Закончила химико-технологический институт имени Менделеева, вышла замуж за Сашу Липкина.

...Рассказ об этом семействе был бы неполным, если немного не сообщить об их детях. Старший сын Сергей Липкин получил высшее образование – строительный институт, работает в Израиле в кибуце. Второй сын Виктор закончил Московский пединститут, художественный факультет. Кроме основной работы, занимается своим любимым делом – рисованием, он прекрасный художник. Его картины выставлялись как в Израиле, так и в музеях других стран. Виктор - член Союза художников России и Израиля. Одна из его первых картин посвящена бабушке. Она изображена в военной гимнастерке с наградами на груди. Есть у Липкина еще одно хоби: он не мыслит себя без путешествий, без общения с природой. Палатка, рюкзак, походный котелок, и в путь вместе с женой Мариной, со своими дочерьми и друзьями. Порой это Израиль, порой Турция, Египет, Европа...

Трудовая книжка в 16 лет

Области России в большинстве были захвачены позже западных республик, а юг страны, Северный Кавказ во второй половине 1942 года, причем на относительно недолгий промежуток времени. Многие люди были информированы о зверствах нацистов и, на первый взгляд, имели достаточно времени, чтобы выбраться из опасной зоны. В тоже время внезапный прорыв врага на данном участке, отсутствие достаточного количества транспортных средств, не позволило своевременно покинуть эти места довольно большому количеству евреев.

Города, станции, полустанки, остановки в поле из-за

необходимости пропустить более важные составы. Проживала семья Гринис в Краснодаре, Фавель и Хана были портными, шили гимнастерки, брюки-галифе для армии. Но приближение вражеских войск, слухи о гибели евреев на захваченных немцами территорий заставили их 5 августа 1942 года подняться. Сначала на подводе, затем в поезде, где основной контингент составляли женщины и дети. Взрослые ушли воевать, в том числе их отец. В 1944 году он погибнет, но, где похоронили его, родные так и не узнали.

- В Новороссийске наша мама отстала от поезда. Вышла на станции что-нибудь купить. Нас высадили в поле недалеко от города. Самому старшему из нас - Эле было 13 лет, мне - десять, младшей сестре Рае - три года. Представляете наши ощущения? Ехали мы до этого места в пассажирских вагонах. Пробыли здесь несколько дней, - Зайлик Гринис продолжает повествование о днях эвакуации. - Мама Хана нашла нас. Затем беженцев посадили на военный корабль «Красный Кавказ» на верхнюю палубу, часть людей находилось в трюме. Наше плавание сопровождалось частой бомбардировкой немецкой авиации.. Добрались до Батуми, откуда поездом переправили в Баку. А из этого города ехали уже на танкере до Красноводска. В городе как раз шел набор людей на Ленинградский механический завод имени Петровского, переехавшего в город Березники Молотовской области. Предприятие нуждалось в специалистах. Мать записалась и мы поехали дальше. Помню, что нас везли через Ташкент.

...Попробовал посмотреть предположительный путь этой семьи по карте: Красноводск - Ашхабад - Ташкент... Далее есть несколько маршрутов. Первый через Алма-Ату - Новосибирск - Тюмень - Молотов (ныне Пермь) и на север до города Березники. Второй через Кзыл-Орда - Челябинск - Свердловск - Молотов. Сколько времени ушло на такую длинную дорогу в те военные годы, сколько невзгод, трудно представить...

Нечто подобное испытала семья Этельзон. Их сын Майк,

родившийся уже в послевоенное время написал стихотворение, посвященное событиям тех лет.

Маме

...я ведь не помню... сначала Баку...
эвакуация, море... бомбежка...
много остриженных – наголо, ежиком...
взрывы... кораблик почти на боку...
...в море бросают тифозных больных,
в панике... с криком: «за борт их, за борт их!»
не разбирая... а мы среди них...
...лишние за борт, иначе ко дну...
лишние мы – шестилетние дети,
сестры, подружки...когда-то соседи...
тоже тифозные, в полубреду...
...бабушка в трюме накрыла тряпьем,
сверху баулы, пакеты и сумки,
так и лежали, наверное сутки...
мне рассказали об этом потом...
...нас не нашли и кораблик доплыл,
...там Бухара и голодные годы...
рылись в земле, собирали отходы –
ели, что было... что каждый добыл...
...в Киев уже не вернулись... зачем...
близкие в Яре, а дома – чужие..
что им докажешь – что жили?...что живы?..
что не хватило у немцев печей?..
...лишние, как в Бухаре и Баку –
бабушка, Кларочка, Ида и Леня...

Вернемся к Гринисам. Наконец подана команда выходить с вещами. Город Березники – прочитали эвакуированные. Вначале их поместили в здание цирка, потом мать сняла квартиру. Она со старшим сыном вышла на работу. Завод перепрофилировался на выпуск гранат, другого вооружения. Хана трудилась в штамповочном цеху, накручивала железные ленты, вставляла их затем в обойму гранаты, Элик освоил

специальность жестянщика. Зайлик пошел в школу, Раю определили в детский сад.

- Была очень холодная зима, мы ходили на лесопилку, которая была недалеко от нашей квартиры. На ней изготавливали ящики для упаковки гранат, нам разрешали взять опилки и отходы для отопления помещения. В 1943 году мне исполнилось 12 лет и я пошел в помощники жестянщика, позже меня перевели в штамповочный цех, где изготавливались обоймы для гранат, здесь же работал и мой брат, и моя мама. Я был небольшого роста, поэтому мне подставляли пустые ящики, чтобы доставал до стола станка, куда нужно было поставить штамп и обрабатываемую деталь. Сразу мне оформили трудовую книжку и выдали хлебные карточки, как и взрослым. С этого времени и пошел отсчет моего рабочего стажа.

...Из эвакуации они вернулись в 1946 году, приехали в Киев. Там жила мамина сестра Маня, у которой сын погиб на фронте. Первое время жили вместе, затем сыновьям выделили место в общежитии ремесленного училища, а через три года их направляют на военный завод имени Артема. Зайлика называли мастером «Золотые руки». Имел самый высокий разряд среди токарей. В 1953 году призвали в армию в танковые войска. Потом еще 20 лет работы на том же заводе, выпустил много учеников, хороших специалистов. Одновременно учился на вечернем отделении техникума. Зайлик Гринис начал восхождение по трудовой лестнице. Он переходит на работу на военный завод имени С. Королева экономистом. До ухода на пенсию занимал должность начальника отдела труда и заработной платы. В Израиль репатриировался с семьей в 1990 году – старожил. Сейчас Зайлик два раза в неделю ходит в подразделение ЦАХАЛа, добровольно помогает на различных работах. У него есть различные награды, грамоты. Но больше всего гордится двумя медалями: «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг» и

медалью «Ветеран труда» - рабочий стаж Зайлика Гриниса довольно солидный – 46 лет.

В урочище «тысячи облаков»

Детский дом. Рано утром Мишу разбудили, сказали, что он должен пойти пасти овец. Его посадили на верблюда и вместе с отарой овец он и люди постарше двинулись высоко в горы Каратау, где были нетронутые пастбища, в так называемое, урочище «Тысяча облаков». С этого начиналась трудовая деятельность Миши Беленковича в качестве пастуха. Рядом были и другие ребята, другие отары. Возни с овцами было не так уж много, главное чтобы не разбрелись далеко друг от друга. Зато и времени предостаточно, чтобы осмотреться, поразмышлять.

Ночью было холодно, помогали овчина, костер, спасавший от утренней мзги. Когда дымка тумана рассеивалась, виднелись отроги соседних гор, узенькие светлые тропинки, то исчезающие за поворотом, то появляющиеся вновь где-то в стороне. А внизу текла река Сыр-Дарья, в те годы довольно еще полноводная.

В детский дом Миша попал случайно. До войны семья Беленковичей жила в Курске. Из рассказов родителей он знал, что его дедушек Моше и Нахмана в 1919 году расстреляли деникинцы. Когда немецкие войска подошли поближе, таких ребят как он (а ему было одиннадцать лет) собрали, дали брезентовые фартуки до пола, длинные рукавицы. Они дежурили на крышах, сбрасывали оттуда зажигательные бомбы. Отца Исака забрали в народное ополчение. Мать Хасю и старшую сестру Софию мобилизовали на земляные работы, они рыли противотанковые траншеи. Когда воинские части покидали город, ополчение расформировали, одни влились в батальоны, других отправили на трудовой фронт. Мать и сестра Михаила вернулись домой.

На полчаса сумел отпроситься отец. Задал лишь один вопрос:

«Страшно? Бегите!» И они действительно бежали, взяли только то, что можно было поднять: узелки, мешочки, каждому вручили личные документы. На вокзале очередь, в первый эшелон попасть не смогли, второй взяли штурмом. Они в вагоне: старенькая бабушка Люба, мама Хася, сестра Софа и один мужчина – Михаил. С трудностями добрались до Узбекистана. Направили в колхоз имени Буденного Маргеланского района Ферганской области. Работали все на прополке хлопчатника. Ну не дело же парню, а он считал себя взрослым, заниматься такой нудной женской работой. Его душа рвалась на фронт, туда, где идут сражения с ненавистным врагом, он должен быть там среди бойцов, и стрелять по ним, бить их, этих гадов.

Миша дождался более теплых дней, подговорил сверстников и рванул на запад. Добрались ребята до Кызыл-Ординской области, на станции Чипли их поймали. Паренек не сказал, где находятся его родители, поэтому его отправили в детский дом в один из казахских колхозов «Кызыл тум» (Красное Знамя).

...Лежит он на траве, овцы пощипывают травку. Задумался мальчишка. Кормят здесь неплохо. Но как это он оплошал, не смог увернуться от милиционеров, когда они с двух сторон вагона подошли к ним. Проспал! А так уже давал бы жару этим фрицам. Память возвратила его к дням, когда вместе с родными ехал в поезде. На станции Отрошко под Воронежом их состав забросали бомбами. Паника, люди метались вдоль железнодорожного полотна, кричали, плакали. Старший лейтенант, прикомандированный к эшелону, стал стрелять в воздух, едва погасил панику. Поезд тронулся в дальнейший путь.

В животноводческой ферме Михаил Беленкович проработал с мая 1942 года по август 1944 года. Некоторое время он трудился в молочнотоварной бригаде, возил молоко на маслозавод. Ему начисляли трудовни, выдавали деньги, но он, как и все остальные, отдавал их на строительство танков,

хотя бы этим участвовать в победе над врагом. Вызвал его председатель колхоза, говорит:

- Парень ты молодой, хотим послать тебя в сельскохозяйственный техникум. Нам специалисты нужны.

- Да я всего шесть классов кончил и давно забыл, что учил.

- Дадим тебе время, повторишь и поступишь.

Михаил едва уговорил председателя, чтобы тот отпустил его домой, Красная Армия уже очистила советскую территорию от фашистов. Купил он сапоги, брюки -галифе, гимнастерку. Собрали колхозники ему с собой провизию, купили билет до Курска – он знал, что там уже находятся его родные. Родители жили в двухэтажном доме, среди чужих людей. Кто мог быть доволен пришельцами? Хорошо Валя Стрекалова пустила к себе в квартиру. Все считали, что Михаил где-то погиб. Он подошел к дому, постучал, дверь открыла сестра. Отец, вернувшийся с трудармии был на работе, мать на рынке, бабушка умерла. Встреча была особой: слезы, радость, поцелуи, расспросы, все повторялось по несколько раз.

- В 8-й класс меня приняли с испытательным сроком. К концу 1 четверти у меня по математике, физике, иностранному языку двойки. Дали времени месяц на исправление. Стыдно было перед родственниками. Спал очей мало. Пришлось идти в заочную школу, после нее поступил в Ленинградский кораблестроительный институт. Армия от меня не убежала. Служил на флоте Балтики в 43-ей дивизии тральщиков. На море было еще много противолодочных мин, установленных и советскими моряками, и немцами. Мы занимались разминированием.

На гражданке Михаил Беленкович продолжал плавать на кораблях, которые углубляли дно в портах, строил шлюзы в городе Вытегра у Ладожского озера, трудился на должности начальника участка, начальника цеха на судостроительном заводе в Перми, конструктором в Научноисследовательском институте. В 1998 году приехал в Израиль.

Фронт, тыл, дети

Три слова, но в них единство мыслей, поступков. Об этом хорошо рассказала Якобина Хлевнер. Но вначале показала фотографии отца, мужа с орденами на груди.

- Учась в школе мы прекрасно понимали, что нужно помогать взрослым, что призыв «Все для фронта!» - это не пустые слова, а зов к действию. Мне было одиннадцать лет, я организовала бригаду ребят, которая собирала для фронтовиков вещи, комплектовала посылки и помогала на почте их отправлять.

...Их семья нередко переезжала из одного города в другой, так как отец Якобины Габриэль Столяров был главным дирижером ряда театров, в том числе и Московского театра оперетты. Война застала их в Кишиневе. Затемнили окна. Она помнит, как 25 июня, тихонько отвернув занавеску затемнения, видела вспышки от зениток, «точно небольшие появлялись облачки». Это артиллеристы стреляли по немецким самолетам. Отец находился в столице СССР, семья удачно смогла по его запросу покинуть город, к которому рвались фашисты, и приехать в Москву. По дороге очень голодали, только по прибытии в Тихонову Пустынь, недалеко от столицы, их нормально покормили. Но и оттуда пришлось выезжать, только, если из Кишинева ехали в «зеленом» вагоне, то теперь в теплушках. Инна (так ее обычно называют) успела закончить всего три класса. Боевой отцовский характер не позволял ей заниматься только учебой.

- Мы также помогали семьям военнослужащих: сидели с детьми, бегали в магазины, стояли в очередях, чтобы отovarить карточки, приносили в дома керосин, шли в аптеки и поликлиники, писали под диктовку письма их сыновьям на фронт. Нас хорошо знали в районе. Женщины вязали теплые варежки и носки для бойцов, вышивали кисеты для махорки, шили белье. Мы, пионеры, все это собирали, упаковывали в ящики, вкладывали письма и относили на почту.

Немного повзрослев, а происходило это довольно быстро,

наша бригада стала наведываться в госпиталь. Далеко ходить не надо было, он помещался в нашей школе, свободно было только часть классов, поэтому приходилось заниматься в три смены. Когда учились вечером, то целый день проводили в госпитале, там школьников распределяли по постам. Мы убирали, стирали бинты, но больше всего нравилось быть среди раненых. Мы их кормили, читали им книги, письма, писали ответы родным, любимым. Нас интересовало происходящее на фронте, почти у всех детей кто-то в эти дни сражался с врагом. Потом друг с другом делились новостями.

Помогала нам моя мама. Она работала на телеграфе и имела возможность помочь в розыске родных, о чем просили меня раненые. Когда поиски увенчались успехами, солдаты были так рады, что свою признательность выражали мне, а я была на седьмом небе. Не обходились наши подопечные без концертов. В школе организовали несколько самодеятельных бригад, у каждой свой репертуар, мы ходили из палаты в палату, отвлекали больных от недугов, от грустных мыслей.

Я пела военные песни, танцевала, даже поставила красноармейскую пляску. Очень нравилось раненым чтение стихов, рассказов. Восторгом, аплодисментами встречали рассказ Б. Ласкина «Свидание». Не читали? Сюжет - мать солдата несколько раз ходила смотреть кинофильм, перед демонстрацией которого показывали хронику фронтовой жизни, в одном из военных она узнала своего сына. На щеках лежащих в госпитале выступали слезы, а я им угрожала: «Будете плакать, больше читать не буду».

Нам нелегко было в военные годы, но даже мы, школьники, понимали, что и на нас ложится ответственность за

происходящее, что мы должны помогать взрослым приблизить победу над немецко-фашистскими захватчиками. А я еще успевала учиться на отлично, после окончания каждого класса получала грамоту, - с гордостью делится воспоминаниями Якобина Хлевнер (Столярова).

Она закончила пединститут, более сорока лет работала преподавателем физики. В 1991 году репатрировалась в Израиль, включилась в работу ветеранской организации, организовала хор в районе Нове-Шеанана города Хайфы. В 2008 году участники Второй мировой войны назвали ее «Женщиной года».

Москва - 1941

Готовились-ли в Советском Союзе к войне? Да! Были созданы организации «Осовиахим», БГТО – Будь готов к труду и обороне. Но почти все были убеждены, что военные действия будут происходить на вражеской территории. И все же некоторые руководители задумывались. В апреле 1941 года в Москве создали специальную комиссию по эвакуации населения из столицы в военное время. 3 июня Председатель Моссовета В.Пронин представил свой план и проект постановления Совнаркома СССР Иосифу Сталину, который начертал на нем: «Ваше предложение о «частичной» эвакуации населения Москвы в «военное время» считаю неприемлимым. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить».

До нападения Германии на Советский Союз оставалось менее 20 дней. Во второй половине октября немецкие войска были на подступах к столице. В конце сентября город был обстрелян из артиллерийских орудий, в октябре приблизились вплотную, а с 20-го было объявлено осадное положение. Защита Москвы продолжалась до 5 декабря 1941 года. Оборудование 210 важнейших предприятий было демонтировано и отправлено из столицы, чтобы обосноваться в более спокойных местах. Только за один месяц июль

эвакуировалось около миллиона москвичей и беженцев из прифронтовых районов. С июня по декабрь из Москвы было вывезено полтора миллиона граждан, в некоторых источниках называется цифра в 2 миллиона человек. Но в начале декабря несколько предприятий вернулись обратно, среди них и станкозавод «Красный пролетарий» - немцев отогнали от Москвы.

Поющий академик

Так называют коллеги Валерия Эткина. Чистый мелодичный голос тенора часто можно услышать в матнасах, Бейт Оле города Хайфы, на различных певческих фестивалях той же Хайфы, Нагарии, или города Модиин. 6 января 2010 года в «Бейт Оле» отмечали 75-летний юбилей Валерия. Звучали стихи, спитчи в его честь, поздравления от разных организаций и лиц.

Не всегда бывает просто оглянуться назад, пролистать страницы своей жизни, вспомнить детство. Оно было довольно безоблачным до 22 августа 1941 года. Жил маленький Валера со своими родителями и девятилетним братом Эфроимом в Москве на улице Кирова недалеко от Лубянки. В их доме хорошо был слышен бой Кремлевских курантов.

Несколько месяцев семья вынуждена была каждый день бежать в бомбоубежище, спасаясь от бомб, столицу СССР бомбили довольно интенсивно. Только в ноябре, когда враг был у стен Москвы, они вместе с многими москвичами покинули город. Вывозили детей. В теплушках они добрались до Мордовской АССР.

- Всякое было, многое забылось, - говорит Владимир Эткин. – В итоге мы попали в глухую деревню, ночевали в избушке-развалюхе, в стене дыры затыкали ватниками, разным тряпьем, жили все время в колтуне, частым гостем был голод. Наша мама Анна была больна раком желудка. Ее назначили директором детского сада, но она совмещала и работу воспитательницы, и няньки, стирала белье детей. Руки были

в мозолях и крови. Эвакуация подкосила ее последние силы, мама не выдержала всей нагрузки – в январе 1942 года скончалась.

Отец Абрам – рабочий станочник, эвакуировался немного позже вместе с заводом автотранспортного оборудования – АТ-1 в город Куйбышев. Завод стал выпускать танковое и авиационное оборудование. Мы переехали к нему. Нам дали комнату в одном из дачных поселков города.

...Валерий пошел в садик, брат Фима – в школу. Вскоре и младший последовал примеру старшего. Застряли они в городе Куйбышеве. Валерий заканчивает школу с золотой медалью. Паренек еще в юные годы увлекся радиотехникой: собирал детекторные приемники, позже ламповые, даже смонтировал маленький телевизор – экран был со спичечную коробочку. Куда же поступать медалисту-радиолобителю? Конечно в Московский энергетический институт. Немного запоздал с подачей документов в приемную комиссию, так как затянули с выдачей золотой медали. Восемь человек на одно место. Тетушки его отговаривали:

- Куда ты с твоей пятой графой стремишься? Зря рискуешь.

Он, воспитанник советской школы, комсомолец, смеялся, не верил.

- Экзамены. Я едва успевал ответить на один вопрос экзаменатора, меня отправляли к другому. Времени на размышление не было. Наверное и я не совсем был готов к такой экзекуции. Шел 1953 год, разгул антисемитизма, дело врачей, смерть Сталина. Меня провалили. Вернулся домой. Хорошо, что был дополнительный набор в Куйбышевский индустриальный институт. Поступил на теплоэнергетический факультет. Закончил в 1958 году. Хочу отметить, - добавляет Валерий, - что я в стенах моего института не чувствовал неприязненных отношений, антисемитизма. Остались самые светлые воспоминания. И ничуть не жалею, что не поступил в МЭИ.

Около десяти лет Эткин работал на электростанциях

Волгограда и Тольятти, но склонность к науке, анализу подвигла его сменить должность старшего мастера цеха автоматики на учебу в аспирантуре политехнического института в городе Саратове. Сильное желание достичь чего-то большего в жизни помогало в учебе. Он досрочно в 1970 году защищает кандидатскую диссертацию.

- Я работал и учился одновременно в одной из лучших научных школ Советского Союза того времени в области теплоэнергетики. После защиты меня пригласили старшим преподавателем в Тольяттинский политехнический институт.

Это был длинный путь до звания профессора, до заведующего кафедрой термо и гидродинамики. Это были годы напряженного творческого труда. Им написаны ряд научно-исследовательских работ, несколько книг, большое количество статей по разным проблемам термодинамики. В 1993 году Валерий Эткин стал обладателем премии Сороса в области фундаментальных исследований. Через два года был избран членом-корреспондентом Международной академии творчества. Докторскую защитил лишь в 1998 году, хотя за его спиной был уже 30-летний стаж и опыт преподавательской и научно-исследовательской работы. По материалам диссертации вскоре вышло второе издание монографии «Термокинетика», Этот научный труд был рекомендован в качестве учебного пособия для технических университетов России.

- Валерий, вы не стремились вернуться в Москву, где родились? Все же столица, центр научной мысли, искусства.

- Отец после войны пытался приехать, зашел на старую квартиру, там жила семья фронтовика с детьми. Ему отказали в прописке, так как во время войны он не платил коммунальные налоги. Разве нам было до того? Папу взяли на работу в Мытищах, там он и жил.

Год 2000-й. Израиль. Хайфа. Валерий Эткин приехал не просто на историческую родину. Здесь уже девять лет жила и обосновалась старшая дочь Анна с мужем и двумя

маленькими дочерьми. Она вовсе не была против помощи дедушки Валерия и бабушки Раисы в уходе за их внуками. Не впервые они в стране, побывали здесь в 1992 и 1995 годах. Да и на пенсию уже в России вышли. В 2006 году репатрируется в Израиль и младшая дочь Ирина с семьей.

Внуки внуками, но сидеть долго без настоящего дела он не мог, не в его характере. Зная, что в страну приехало много ученых, в том числе в Хайфу, Валерий задумал их объединить. Благодаря его активному участию, был создан Дом ученых Хайфы. В него пришли академики, доктора и кандидаты наук, знающие специалисты-практики. Он возглавил научно-техническую секцию. «В нашем ДУХе - прекрасный дух», - говорят члены этого объединения.

В.Эткин не прекращает свой творческий поиск. За десять лет в Израиле им опубликованы десятки статей по актуальным вопросам теоретической и прикладной физики в научных журналах и электронных СМИ. Ученый готовит часть своих работ, книг к переизданию на английском языке.

- В 2008 году в издательстве «Наука» вышла моя монография «Энергодинамика», где обобщены результаты многолетней научно-исследовательской работы. Этот труд был удостоен медали В.Лейбница. Сегодняшняя моя деятельность направлена на улучшение экологической обстановки на нашей земле, для этого организовали ассоциацию биоэнергологов «Энергоинформатика», куда вошло более 20 ученых-энтузиастов. Занимаемся изучением «экологии человека», т.е взаимодействия объектов живой и неживой природы. Результаты наших исследований можно найти в интернете, выступаем с докладами на различных международных и региональных конференциях, симпозиумах.

Есть еще одна черта, характеризующая Валерия Эткина не как ученого, а как обыкновенного человека - он обожает петь. Это не хобби, это жизненная необходимость. А поет он – заслушаешься. Не зря его прозвали «поющим академиком». Выступал он с юных лет, пел в вокальной студии дворца дома

культуры города Тольятти, теперь с хоровым коллективом «Золотая осень», где нередко солирует. Здесь, как говорится, он первая скрипка.

Его брат Эфроим, переживший вместе с Валерием все невзгоды военной поры и эвакуации, живет теперь в Реховоте. В одной квартире разместилось четыре поколения семьи Эткиных: Эфроим, мать жены, дочь, внучки. Он в свое время закончил Куйбышевский инженерно-строительный институт, работал на расширении Ферганского канала, на стройках Самары, три года в Монголии, последние годы перед пенсией на руководящей работе в тресте «Железобетон» города Самара. Теперь воспитывает внуков. Кстати, у него есть свое увлечение: он хороший пейзажист. Эта любовь к искусству захватила и его сына Михаила.

Таким образом в Израиле обосновалась немалая семья Эткиных. Дальнейших вам успехов!

Чтить традиции

Земляком Валерия по месту рождения, коллегой по хору является Мордехай Левин. Жил он в Москве в 3-Прудном переулке, ходил в детский сад. Трехлетний пацан часто с завистью засматривался на старших ребят, которые учились в школе. Ее двухэтажное здание стояло как раз напротив их дома. Он будет учиться здесь, но уже после войны.

Июль 1941 года. Москва стала подвергаться очень интенсивным бомбардировкам. Дирижабли подымались в основном над центром города, над важными оборонными предприятиями, не всегда советские истребители успевали защитить мирное население от налета вражеской авиации. Руководство страны вынесло постановление об отправке в тыл детей, матерей и нетрудоспособных стариков.

- В теплушку забралось нас пятеро: дедушка, бабушка, мама, братишка Гриша - 5,5 лет, и я, на два года моложе его. Отец не смог поехать с нами, в действующую армию его не взяли из-за близорукости, но он рыл траншеи, окопы, затем сражался

в ополчении и в январе 1942 года погиб под Москвой. Дорога заняла очень много времени, наверное больше месяца, - вспоминает Мордехай.

Прибыли мы в Кемеровскую область, колхоз «Новый быт». Действительно «Новый» - жили мы в землянках, страшная сырость, холод, голод, отсюда и болезни. Как мы выжили, даже сейчас удивляюсь. В колхозе работала только мама, она единственная трудилась не жалея сил и обеспечивала нас едой. Были рады любой корочке хлеба, супу, в котором плавало пару крупинок перловки, чего-то другого. Заболел мой брат – ложный круп. Фельшер сказала, что, если к утру станет хуже, то дадут лошадь, чтобы отвезти его в районную больницу. Утром она явилась, глянула и заявила: « Да он у вас задохнулся».

...В 1945 году семья Левиных решила вернуться в Москву, но опять та же история – городские власти решили не пускать в свои квартиры тех, кто за эти годы не платил за различные услуги домоуправлению. В это число попали и они. В их двухкомнатной квартире в 3-Прудном переулке жил генерал.

- Хорошо что нас приютил мамин брат, который жил в районе Мытищ на станции Водопроводная. Дальше обычная биография советского человека: школа, 2-й Московский медицинский институт имени Пирогова, работа.

Встречая Мордехая Левина, обращал внимание, что он ходит в кипе.

- Мои родители всегда соблюдали еврейские традиции, отмечали праздники, зажигали субботние свечи, они знали хорошо идиш. Мы, дети, никогда не отделяли себя от еврейства. Я, как и родители в свое время, чту еврейские законы, хожу в синагогу.

У Мордехая Левина пятеро детей: три дочери и два сына. Все они служили в ЦАХАЛе.

В семь лет варила щи

Дачный поселок Малаховка под Москвой. Сюда отправили родители вместе с детским садом шестилетнюю Раису Силину. Летним теплым днем воспитатели вывели детей на поляну.

- Над нами низко, низко пролетали самолеты. Я даже видела лицо летчика, он махал нам рукой. Они не стреляли. Потом детей собрали, сказали, что началась война. Ночью нас не раздевали, на следующий день привезли в Москву и отдали родителям, - рассказывает Рая Резникова (Силина). – Стали эвакуировать. За два дня до отъезда мой старший брат Иосиф заявил, что никуда не поедет, пришлось вытаскивать его вещи. Папа, Соломон, работал на заводе, Иосиф остался с ним.

В поезд сели мама, я и двоюродная сестра Шура – ей было 11 лет. Ехали довольно комфортабельно в пассажирском вагоне, но долго. Я лежала на второй полке. Мне, шустрой девчонке, такая долгая дорога очень надоела, мне хотелось выскочить, погулять в лесочке, что мы проезжали, или попрыгать вдоль речки. В августе прибыли в Новосибирск, затем на железнодорожную станцию Инская – сегодня она входит в состав Новосибирска. Нас поселили в одну замечательную семью – Иван Дмитриевич был директором книжного магазина, его жена Наталья работала там же продавцом.

...В частном одноэтажном домике Силиным предоставили комнату, в ней было два топчана, на одном Рая с мамой, на другом Шура. Из Москвы шли письма. Отца мобилизовали, брат в четырнадцать с половиной лет работал слесарем. Через какое-то время завод перевели в Сталинград. Мама трудилась в швейной мастерской, шила белье для солдат, Рая оставалась дома с Шурой, сидели обычно на кухне, там теплее. Стук в окошко. Они выглянули, а это приехал Иосиф и мамина сестра Полина - мать Шуры. Теперь в одной комнате жило пять человек, пока Полина вместе с дочерью не переселилась в Новосибирск.

- От отца были письма, последнее было в августе 1942 года, сообщили позднее, что пропал без вести. Его письма хранились у меня, но, когда я ездила из Израиля в гости в Москву, отдала их племяннику.

В Инской стала ходить в детский сад. Малыши посещали госпиталь, устраивали концерты. Нас ставили на стулья, тумбочки и мы пели, читали стихи. Я исполняла песню «Дорогая моя столица...». Раненые хлопали в ладоши, плакали и просили приходить еще. Через некоторое время нам выделили клочок земли, где мы посадили картошку, огурцы, другие овощи. Я наблюдала как растут они и все спрашивала маму, когда же можно будет кушать картошку, как долго она будет лежать в земле. Маме было некогда, мне приходилось чистить самой картошку, крошить капусту и варить щи.

...У многих москвичей, убежавших из города, возникли проблемы с их оставленным жильем. Была она и у Силиных. Соседка сообщила в письме, что их квартиру заняли другие.

Сема, муж тети Полины, прислал своей семье вызов.

- Полетишь ты, Лена, с детьми, - безапелляционно заявила бойкая Полина, - а я всегда сумею выбраться.

- Посадили нас на «кукурузник». Мы втроем и еще одна семья: женщина с сыном и матерью. В маленьком салоне наставлены ящики с патронами, две жесткие скамейки друг напротив друга. По дороге самолет совершал несколько посадок. Только через неделю прилетели в Москву. Подошли к нашей квартире, а она на замке. Мы с мамой в домоуправление. Нам сообщили название предприятия, на котором работал новый жилец, мы к нему. Потребовали освободить жилплощадь. Неделю жили у дяди Семы, затем переехали в свою.

Мне было десять лет, когда война закончилась. По радио все время было только и слышно: «Победа!» Вокруг веселые лица, разговоры. В школу можно было не идти. Мама плакала, я ее успокаивала:

- Мы ведь не получили известия, что папа погиб. Потерпи,

может быть он ранен.

...Но так и не дождалась она его, погиб, как и многие миллионы солдат на полях великой битвы за свободу. Жизнь Раи Резниковой (Сибиной) шла своим чередом. Школа, институт – приборостроительный факультет, работа технологом на 2-м Московском часовом заводе, а с 1964 года в СКБ часовых механизмов - начальником сектора подготовки производства, общественная работа в профсоюзе. 25 лет в последней организации на одном месте.

В 1995 году Раиса Резникова совершила алию в Израиль.

Летите, летите ...

В свободную минуту молодежь выходила из цехов, отделов, смотрела на небо как летят самолеты и махали руками: «Летите, милые, летите, бейте фашистов, прогоняйте их с наших земель». Среди них была москвичка Юлия Куперштейн.

В начале 1941 года к ним в Москву приехал ее двоюродный брат, прекрасный портной Семен Комрад. Он сумел бежать из Кракова (Польша), оставив там своих родных, в город, где они жили, вошли немецкие части. Его направили в Кемерово, но, по ходатайству семьи Куперштейн, разрешили приехать в Москву. Юлия закончила 9 классов, решила навестить родственников в Белоруссии. Семен и предложил:

- Давай я тебе сошью пальто.

- Но теперь же лето.

- Погода – изменчивая штука.

Выезд намечали на 28 июня, но пришлось покинуть столицу 31 августа 1941 года, война спутала все планы. Брат Юлии Гриша еще до войны добился, несмотря на инвалидность, чтобы ему, добровольцу, разрешили стать стрелком-радистом. На фронте был тяжело ранен, лечился в Омске. Отец Моисей, участник гражданской войны, был в московском ополчении.

- Поезд привез нас троих в Куйбышев, куда переехало правительство Советского Союза, многие предприятия, учреждения, в том числе Московский государственный

подшипниковый завод. Я пошла в отдел кадров, - рассказывает Юлия Черняк (Куперштейн).

- Что ты умеешь делать, - спросил меня начальник
- Меня в школе хвалили на уроках черчения.
- Значит место тебе чертежницей-копировщицей в отделе капитального строительства.

Завода, как такового, еще не было. Стояли упакованные ящики с оборудованием. Строительство огромного предприятия только начиналось. Осень, площадки в грязи, глина, липнущая килограммами на обувь. Здесь раньше были воинские казармы, теперь шло интенсивное строительство военного завода, которое продолжалось не один год, постепенно расширяясь. Вместе с опытными специалистами создавали генеральный план будущего предприятия.

Перед моими глазами развевалась впечатляющая картина: тысячи людей строили асфальтовые дорожки, воздвигали здания цехов, в которые, еще недостроенные, завозили станки, начиналось изготовление деталей. Техники не хватало, зачастую вручную перетаскивали громоздкое, тяжелое оборудование. Во всем этом участвовали как рабочие, так и инженеры, служащие.

Наш завод поставлял подшипники самых различных видов и типов, размеров – от крохотных до гигантских. Они шли для сборки частей самолетов, танков, кораблей, артиллерийских орудий, минометов, автомобилей. Это была стратегическая продукция, нужная фронту и на гражданке.

Тогда не было ни ротопринтов, ни ксероксов, все копирование проходило вручную. Я занималась изготовлением строительных и машиностроительных чертежей. Работала, как и большинство нашего коллектива, от зари до темна. Хотя труд не требовал больших физических усилий, очень уставала. Мне выдали рабочую карточку, дополнительно – обеденную. К обеду полагалось пол-литра пива – это тоже калории. Иногда «награждали» раз в неделю буханкой хлеба и куском мыла. Зарплата моя составляла 200 рублей. Заслужив

нашего руководства было то, что мы не голодали. (Думаю что причина неплохого снабжения в том, что в Куйбышеве обосновались руководители страны. – Д.Ф.) На заводе работали мои отец Моисей и мать Эся. В конце 1943 года наша семья смогла вернуться в Москву.

... Юлия Черняк закончила автомеханический институт, долгие годы работала ведущим инженером. Была удостоена правительственной награды - медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». С 1991 года живет в Хайфе.

Эх, Ладога...

Первым днем блокады Ленинграда считается 8 сентября 1941 года. Немецкие войска захватили крепость Шлиссельбург, северная столица оказалась отрезанной от всей страны. Но тяжелая артиллерия фашистов обстреливала Ленинград еще за четыре дня до этого. Восьмого сентября в 18-55 вечера за один налет было сброшено 6237 зажигательных бомб. Отрывок одного из стихотворений известной поэтессы-ленинградки Ольги Бергольц:

В бомбоубежище, в подвале
Нагие лампочки горят...
Быть может. нас сейчас завалит.
Кругом о бомбах говорят...

Вскоре немцы были всего в десяти километрах от города. Блокада его продлится 871 день, почти три года. На момент блокады в Ленинграде находилось 2 миллиона 544 тысячи человек, из них около 400 тысяч детей, плюс население пригородов – 343 тысячи, 100 тысяч ленинградцев ушло на фронт.

Документ комиссии Ленинградского горисполкома от 25.5. 1945 года говорит о 649 тысячах погибших во время блокады, в том числе 632253 умерли от голода, 16747 убиты бомбами и снарядами. Но учтены только те, кто погиб в черте города, не вошли умершие от ран, беженцы из других мест,

неопознанные трупы, погибшие в эвакуации.

Ученые Светлана Магаева, 1931 г.р., блокадница, доктор биологических наук и Владимир Симоненко, генерал майор, доктор медицинских наук пишут в статье, что на Ленинград было сброшено 4676 фугасных и 69613 зажигательных бомб, более 150 тысяч артиллерийских снарядов. От артиллерийских обстрелов, авиаударов, голода, болезней, согласно исследованиям историков в последние годы, погибло более миллиона ленинградцев.

Еще в конце июня 1941 года решением правительства прошла первая эвакуация предприятий и населения. Массовая их отправка началась после 11 июля, когда враг захватил город Псков. Из Ленинграда было эвакуировано 293 крупных предприятия. В тяжелейших условиях проходило переселение людей, в первую очередь, детей и женщин, нетрудоспособного населения. В течение первого месяца вывезли 300 тысяч детей и 100 тысяч женщин и стариков. Еще до блокады сумели уехать около 450 тысяч человек, а с 22 января по 11 апреля 1942 года по льду Ладожского озера переправили 539440 ленинградцев, всего за период блокады вывезли 840 тысяч человек, но, как отмечается в некоторых трудах исследователей, порядка 360 тысяч из этого числа погибли во время эвакуации в дороге или на местах нового местожительства. Единственный путь через озеро Ладога был осложнен беспрерывными бомбардировками. В зимние периоды путь лежал по замерзшему озеру. При переправе гибли многие люди.

В интернете помещены краткие воспоминания о тех грозных событиях известных деятелей искусства. Знаменитый поэт Илья Резник:

- Я блокадный ребенок, у меня есть медаль «Житель блокадного Ленинграда». Было мне 5 лет. Помню я вышел на балкон нашего дома на улице Восстания и вместо голубого неба увидел серую мешанину из аэростатов. Помню как бабушка принесла мне хлеб в детский садик, одна крошка

упала, и я в снегу искал эту крошку. Мой отец прошел всю войну и умер от ранений в госпитале. Мама и дедушка рыли окопы.

...Одна из причин гибели ленинградцев - недооценка остроты обстановки. Из письма трех сестер Волковых: «Выехали из Ленинграда 5 июля 1941 года вечером. Высадили на станции Лычкова Новгородской области. (Навстречу немцам. Ну не абсурд? – Д.Ф.) В этом районе высадился немецкий десант. Нас посадили в эшелон, мы уехали. Но здесь находилось около 6 тысяч ленинградских детей. Большинство спаслись, но многие были расстреляны с бреющего полета». Этот случай не единичный.

После многомесячной блокады к январю 1944 года в Ленинграде насчитывалось 557760 человек. 716 тысяч жителей многострадальной северной столицы России остались без крова. Ольга Бергольц напишет, что о положении в Ленинграде правительство, газеты, радио молчали. «Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас».

Жить нужно

Ленинградка Людмила Минкина закончила 9 классов и 5 июля 1941 года пошла работать на завод «Красная заря», вначале на сборке телефонов, затем лаборантом. В конце месяца ее вместе с другими работниками предприятия отправили рыть окопы в пригороде Ленинграда. Вернулись только в конце августа. Нужны были работники в литейный цех и Люду направили туда работать. Одну неделю - в ночную смену, вторую – в дневную, каждая по 12 часов. Завод эвакуировали в Уфу, но Людмила опоздала, пришла одна из последних – ее не взяли. Она снова на предприятии, собирает электромагниты.

- Как раз, когда я была на смене, в ночь с 7 на 8 сентября, за Невской заставой, фашисты бомбили Бабаевские артиллерийские склады. Зарево пожара, взрывы снарядов были слышны на десятки километров. Пошла в школу, там

собрали ребят из разных мест, потому что часть учеников уехало, некоторые поумирали. Самым страшным для нас, ленинградцев, был голод, даже к бомбежкам стала привыкать. На иждивенческую карточку выдавали 125, работающим - 250 граммов хлеба. Жуткое явление, когда видишь, как человек падает и уже подняться не может, никто помочь ему не в состоянии.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных...

/ Анна Ахматова

«Февральский дневник» /

Мама работала в госпитале. И меня взяли туда санитаркой, разносила еду, читала письма, газеты, убирала за ними, передавала передачи от родных, иногда от совсем незнакомых. В конце декабря у нас вообще не было ни кусочка хлеба, выдавали муку. Не было воды, не работала канализация, электричество отключили, поэтому паровое отопление не функционировало.. В комнате температура доходила до минус 11 градусов. Вся мебель: стулья, столы, книги пошли в железную печурку. Было только два желания: покушать и согреться.

Брат уже не мог подняться с кровати. Ночью мама пришла с мукой. На печурке изготовили лепешки, съели. Мы понимали, что еще день, два, неделю, больше мы не выдержим.

Я пошла в горисполком требовать, чтобы эвакуировали. 11 марта 1942 года получили справку, что мне и брату разрешено выехать из Ленинграда, на маму она не распространялась. Собрали кой-какие вещи, их на одни санки, брата на другие. Уехать можно было только из района Пороховых. Ночь переночевали в кинотеатре. Утром на открытых машинах подъехали к Ладоге. Дали возможность погреться в какой-то избе. И через озеро. Хорошо что в тот день нас не бомбили, но были промоины, лунки от снарядов, машину бросало из стороны в сторону. Наконец мы на другом берегу, подвезли прямо к вагонам. Завели в клуб, дали хлеб, кашу пшеничную и еще брикеты каши. Но в поезде их вытащили прямо из рюкзака.

Привезли под Москву, вышли мы на какой-то станции, Я по дороге заболела дизентерией. Братишка спрашивает меня: «Ты умрешь, а что я буду делать. Без тебя мне никак». Подошел к нам старичок-сторож: «Чего ребятишки пригорюнились? Кончу дежурство, возьму сани, поедем в деревню. Моя хозяйка вас быстро на ноги подымет». Неделю у них прожили. Картошка, лук – наша еда. Жена сторожа действительно подлечила нас. Брат ожил немного.

...Сели Люда и Рафаил на товарный поезд и 15 апреля добрались до Уфы. Но в эвакуопункт их не пустили – грязные, вшивые, потребовали вначале пройти санобработку. Людей полно, встретили знакомых по заводу «Красная заря», дальние родственницы. Они принесли по кусочку хлеба и сахара, самим трудно жилось. Спали ребята в огромном зале на железных койках. Две недели промаялись, пока получили письмо от тети: «Если попадете в Уфу, то мы недалеко, в Бирске на реке Белой». Судоходство начиналось только в мае. Приехали они, пожили с полмесяца, узнали, что маму отпустили с работы и она сейчас находится в городе Фрунзе, куда ранее были эвакуированы наша бабушка и тетя. Ребята, конечно, к ним.

Мать работала при детской поликлинике медсестрой. Рафаил

пошел в седьмой класс, Люда – в медучилище, жила в общежитии. После его окончания в 1945 году уехала сама в Ленинград. Вскоре приехала мать. Их прежнюю жилплощадь не отдавали, хорошо что сохранилась бабушкина квартира, жили у нее. Рафаил еще в 1944 году поступил в морское училище города Баку, но потерял зрение. Людмила по приезду подает документы в мединститут и поступает, через два года там же начал учиться и брат. Жили на стипендию. Со временем стало легче.

Новый 1990 год Людмила Минкина с дочкой и внучками встречала в Израиле.

.....

С содроганием читаю воспоминания Валентины Потарайка, которой в 1941 году исполнилось пять лет. «Из блокадного Ленинграда нас эвакуировали в Пермскую область. Везли через Ладогу, где мы попали под бомбежку. Много детей тогда погибло, а кто выжил натерпелся страху и ужаса. На Урал нас везли в товарных поездах вместе со скотом. На какой-то небольшой станции фашисты разбомбили поезд, загорелись вагоны, все вокруг смешалось: метались из стороны в сторону люди, плакали дети, ржали лошади, мычали коровы, визжали свиньи. Мою старшую сестру осколком ранило в лицо. Из ушей и раздробленной челюсти хлестала кровь. Средней сестре Тамаре пуля попала в ногу, мать была смертельно ранена. На всю жизнь я запомнила эту картину. С убитых снимали теплую одежду и обувь, а потом погибших сваливали в общую могилу. Я кричала: «Дядя, не надо мою маму!» Сестер увели, чтобы оказать медицинскую помощь, а я сидела возле матери, которую положили на опилки. Дул сильный ветер, опилки засыпали ее раны, мама стонала, а я вычищала ее раны и просила: «Мама, не умирай!» Но она умерла. Я осталась одна».

.....

Такой видел блокаду Ленинграда десятилетний паренек Михаил Меерович: голод (он ставит это слово на первое

место), взрывы бомб, обескровленные лица, потухшие глаза, смерть... Наконец он с мамой пытается вырваться из этого огненного кольца по льду Ладоги. Их посадили на машины, обоз тронулся, ехали медленно, так как полно воронок от взорвавшихся снарядов, бомб. Ехавшая впереди машина провалилась под лед, крики о помощи.

Он выживет, станет известным поэтом песенником Михаилом Рябинкиным. (Причина смены фамилии понятна читателям). Стихи начал писать в 12 лет. После школы окончил геологический техникум, долгие годы работал геологом. С 1977 по 1987 год он будет лауреатом Всесоюзного конкурса «Песни года», других фестивалей. Его песни часто звучали по радио, на телевидение. Соавторами поэта были композиторы: Александр Морозов, Оскар Фельцман, Вячеслав Добрынин, Владимир Шаинский и другие; исполнителями: Майя Кристалинская, Анна Герман, Валентина Толкунова, Ион Суручану, София Ротару, Эдуард Хиль, Эдита Пьеха, Тамара Гверцители, Людмила Сенчина, Лев Лещенко, Вадим Мулерман, Вахтанг Кикабидзе, вокальноинструментальные ансамбли «Пламя», «Лейся песня», «Верасы». Назову некоторые из песен, сочиненных Михаилом: «Утренний туман», «Никто тебя не любит, так как я», «Камушки», «Обручальное кольцо», «Бологое», «Родительский дом», «Ах, какая женщина», «На теплоходе музыка играет» и многие другие. Они стали всенародно любимыми шлягерами. Прожил Михаил Меерович всего 64 года, умер в 1995 году.

.....

Нехама Азволинская приехала с мамой из Житомира в Ленинград, где жила старшая сестра. Та должна была рожать, ей необходима была помощь в уходе за малышом. До начала войны оставалось чуть больше полугода. Впереди все «прелести» трудного времени, испытания долгих дней под обстрелами, бомбежками.

- Было очень страшно, - говорит Нехама, сегодня житель Хайфы. - Даже в школу было опасно ходить, поэтому сидела

дома, хотя мне было одиннадцать лет. Маму направили рыть окопы, ну и я следом, чем могла помогала там. Хорошо помню аэростаты над нашей улицей, частое завывание сирен. Мы сразу закрывали все, тушили свет, если был вечер, так как необходимо было затемнение. Стекла окон часто вылетали от разрывов, приходилось закрывать отверстия фанерой. Прятались в бомбоубежище, если успевали до свиста снарядов. Нам с мамой приходилось дежурить на крыше, немцы - любители сбрасывать фугаски.

...В 1943 году их все-таки вывезли в город Вятчинск Удмуртской ССР. Здесь Нехама пошла в школу. В летнее время подрабатывала то в жилищной коммунальной конторе, то секретарем в нарсуде. После войны Нехама Азволинская с мамой и семьей сестры вернулись в Ленинград.

Сестры Бахмутские

- Ну почему мы не расспрашивали наших родителей про наше детство, об их жизни, юности, про предков? – задает риторический вопрос Ира Волова (Бахмутская).

- Не вы одна такая. Мы сейчас сожалеем об опущенных возможностях, но у нас есть резон вспомнить и рассказать детям, внукам о том, что сами пережили, чему радовались, что нас тревожило.

- Наше детство связано с ленинградской блокадой. Мне было три года. Конечно, почти ничего не помню, но часто возникает картинка, как я еду с мамой в трамвае, вдруг пламя, грохот. Мама меня волокет из машины, я испугана. В нашей квартире жила наша семья и тетя с детьми. Сижу я с двоюродным братишкой и беседеум:

- Дуранда – выгодно, горох – не выгодно.

- Дуранда?

- Так называли пресованный жмых, выгоден был тем, что можно было растянуть, грызть его подольше. Мама Мария работала на военном заводе, даже не помню на кого меня оставляли. Папа Ефим в первые дни ушел в армию, воевал

под Ленинградом. Весной 1942 года нас эвакуировали, но недалеко. В 1943 году отец сумел вырваться на несколько дней к нам. Мама устроилась экономистом на птицефабрике, иногда приносила яйца.

Через определенное время родилась сестричка Леночка. Меня оставляли с этой куклой. Действительно, завернут как кокон, положат на кровать, а я сижу напротив ее. Мне оставляли молоко, чтобы кормить малышку. Леночка не была плаксой, не капризничала, как будто чувствовала, что идет война, что с ней возиться некому.

В 1944 году мы поехали домой. Так просто не пускали в Ленинград – нужен был вызов. Наконец получили. Нам повезло, военные пожалели женщину с двумя детьми и посадили в свой вагон. Высадили в пути, недалеко от города. Им нужно было в другую сторону. Шли мы долго, Лена на руках у мамы, я плетусь следом, а до станции метро порядочное расстояние. Пришли, квартира разрушена. Пришлось идти жить к бабушке. Места мало, один на одном.

Пришел с фронта отец, начал работать на прежнем месте, он токарь. Выделили нам подвал, окна на уровне земли. Видишь только ноги идущих. Жили довольно бедно, отец долгое время ходил в солдатской шинели. В 1952 году дали нам одну комнату на пятерых. Но мы сумели стать полноценными людьми общества.

Отправка ленинградских детей в тыл

...Обе сестры – Ирина и Елена - получили высшее образование. Теперь живут в Израиле. Ирина активно участвует в работе организации ветеранов войны, Елена возглавляет в Хайфе добровольческую организацию для пожилых людей «Хесед». Добрая, задорная, активная, веселая по натуре женщина все свое тепло отдает людям. Когда она открывает встречи в «Хеседе», люди оживают, а ведь там все пожилые. Лена, Леночка, так ее многие зовут, умеет зажечь огонь в душах ветеранов труда. И они отвечают ей своей благодарностью, уважением.

Держитесь

Без помощи населения городов, сел, аулов, куда были доставлены или сами приехали эвакуированные им бы не выжить. Конечно, это происходило по разному, местным жителям пришлось потесниться, резко ухудшилось снабжение, повысились цены. Поезда с оборудованием заводов, людьми шли на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию.

Только Сибирь приняла около 500 эвакуированных предприятий. За первые пять месяцев Новосибирск разместил у себя 70 предприятий. С ними в город приехало более 48 тысяч работников и членов их семей, более 92 тысяч приехало индивидуально. Многие заводы, фабрики обосновались в Красноярске, Канске, Абакане, Норильске и т.д. Из города Бежицы в Красноярск прибыло оборудование завода «Красный Профинтерн», на котором до войны выпускалось до 30% всех паровозов. Здесь же разгружали станки Онежского машиностроительного завода, прибывшего из Карелии.

Более 700 предприятий и их работники нашли свой новый дом на Урале. Только Челябинск пополнился 400 тысячами эвакуированных. В Свердловске начали производить продукцию заводы Ижорский (Ленинград), Воронежский «Коминтерн», Киевский «Большевик»; в Магнитогорске – завод Запорожсталь, Нижнем Тагиле – трубный завод из Днепропетровска и т.д.

В Казахской ССР уже к 1 сентября прибыло 59 промышленных предприятий: Новоподольский цементный завод, оборудование Киевской Тэц, которое было использовано на строительстве Грэс, Артемовская обувная фабрика, Ворошиловоградский завод имени А. Пархоменко, директором был назначен А. Фалик. Уже летом следующего года начал давать продукцию. Обрели свой угол 24258 беженцев. К началу 1942 только в Карагандинской области находилось 22617 человек эвакуированных. Установили жилищную норму: на человека 5 квадратных метрах, в остальную жилплощадь селили приезжих. В Компанейский детский дом поселили малышей трех украинских детсадов. В городе Балхаш расширили медеплавильный завод, на нем было установлено дополнительное оборудование Кольчугинского завода цветных металлов. В Караганде было открыто пять эвакогоспиталей.

На территорию Татарстана отправили 70 крупных предприятий с Украины, Белоруссии, Ленинграда, Москвы, Воронежа, Харькова. В эксплуатацию вошли заводы: моторостроительный, авиаприборостроительный, авиационный завод No. 22, выпускавший пикирующие бомбардировщики ПЕ-2, стратегические бомбардировщики ПЕ-8. Население Казани к весне 1942 года выросло на 100 тысяч человек по сравнению с довоенным уровнем.

Дадим слово тем, кто оказался в числе жителей районов, что не находились под немецкой пятой.

Любарская (Гельшер) Любовь. В 1941 году ей было 11 лет, жила в городе Иркутске.

- Отец мой добровольцем ушел на фронт. Ему было немногим более 42 лет. У нас была одна, но хорошая комната – 32 квадратных метра. В нее и поселили большую семью приезжих. Мы понимали положение дел и старались им всячески помочь с едой, одеждой, трудоустройством. Я вместе со школьниками собирала продукты, одежду, отдавая все нуждающимся.

После занятий в школе посещали раненых, устраивали в госпиталях импровизированные концерты, танцевали, пели: «Вставай страна огромная», «Катюшу», читали стихи Симонова, Исаковского, других авторов. Больные очень любили слушать, когда им рассказывали сказки, наверное это больше всего напоминало им о доме, о мирной жизни.

Мама работала в аптеке, потом, когда понадобились кадры, перешла на металлургический завод. Было очень сложно, но мы, дети, тоже ощущали, что идет война, битва не на жизнь, а на смерть, старались внести кусочек своего труда, чтобы враг был скорее разбит.

/Любовь Любарская закончила в 1954 году Иркутский медицинский институт с отличием. Могла остаться в городе, но попросила, чтобы ее направили в село. Ныне она израильтянка. Старается принести посильную помощь нуждающимся людям./

Тридубский Ким, 10,5 лет, родился и жил в городе Горьком.

- Вскоре после начала войны в город стали приходить эшелоны с беженцами. Их было довольно много. Здание вокзала не вмещало всех приезжих. Люди неделями просиживали там и ждали, чтобы им выдали билеты и направили хоть куда-нибудь на новое местожительство. Особенно много людей было в августе, сентябре 1941 года. Приходили поезда со станками, другой техникой. Что-то разгружали, оставляли в городе, часть везли дальше на восток.

Всю зиму Горький бомбили, пока не отогнали фашистов.

Дверь нашего дома была всегда открыта для эвакуированных. Заходили то старики, то дети. Родители старались обогреть их, покормить в силу наших возможностей, ведь сами получали продукты по карточкам.

Война заставила многих детей бросить учебу. Вот и я в 11 лет закончил свои «университеты». Стал заглядывать в мастерскую, где ремонтировали разные бытовые приборы. В ней работал инвалид пришедший с фронта. Он меня научил паять, лудить самовары, примусы, керосинки, важнейшие в

те годы заменители печей, выполнял и другие работы. Меня оформили учеником, и я стал получать рабочую продовольственную карточку, стал кормильцем семьи. Работали мы с 10 утра до 10 вечера. Условия были ужасные: холодина, сквозняки, двери всегда были открыты. Но необходимо было держаться, наша мастерская была единственной в городе, купить новые кастрюли, примуса было негде, да и у многих не за что.

Через несколько лет перешел работать на автозавод. Он длинный - 3 километра, корпуса в три ряда. Немецкие асы прилетали обычно в шесть вечера и методично сбрасывали свой смертоносный груз на строения, сначала на одно, потом на другое, третье. Даже спустя лет семь можно было увидеть воронки от бомб, залитые цементом, дыры в стенах, прикрытые новыми кирпичами.

Я видел необходимость в своем труде, не только потому что получал карточку. Своим трудом приносил пользу людям! Все это придавало силу и гордость мне, мальцу. Каждый на своем месте ковал победу над немецкими захватчиками.

Потемкина Зинаида, 1923 г.р. Иркутск.

- Выпускной вечер запомнился нам на все годы. Мы веселились и совсем не думали, что вскоре судьба раскинет нас на тысячи километров, а многие из нашего выпуска никогда не вернуться ни в родной город, ни в учебное заведение, в которой учились 10 лет. Всего пять дней отделяло этот вечер от начала войны.

Мы проводили наших парней на фронт, сами пошли работать, ведь наши отцы тоже были призваны в армию, нужно было их заменить. Папа ушел воевать в сентябре, в этом же месяце я начала работать на заводе горного оборудования, мама была надомницей, шила рукавицы для Красной Армии.

К нам прибыло оборудование и специалисты Ленинградского и Киевского авиационных заводов, которые воссоединились с нашим предприятием и стали выпускать самолеты. Вместе со мной пришли и мои одноклассники Жора Бабаев, Вера

Трухина и другие. Работали и ребята помладше, многие из числа прибывших из оккупированных областей. Некоторые недоставали до супорта станков, им ставили деревянные подмости, ящики.

Работала я в сборочном цехе №. 60. Мастер учил нас слесарному делу. Он постоянно твердил нам: «Гайки закручивайте шибче, чтобы самолеты не рассыпались в воздухе». Мы очень старались, понимая важность нашего труда, гордились. Шутка-ли - работаем над сборкой самолетов! Порой приходилось трудиться сутками, по два-три дня не появляться дома. Хорошо помню, когда мы по очереди уходили наверх в небольшую комнату, где находилась вся арматура, и, положив под голову скрученные провода, засыпали. Через полтора-два часа мы снова работали у верстаков, станков.

В этом цехе проработала до февраля 1942 года. Меня перевели в цех №. 90 учиться на гайконарезчика. Через полтора месяца получила третий разряд, но уже давно выполняла свои задания самостоятельно. Так как я закончила среднюю школу, меня отправили в планово-диспетчерский отдел в бюро оперативного планирования.

К концу каждого месяца подходил срок сдачи очередной партии самолетов. И тогда я возвращалась в механический цех на свое рабочее место или на сборку, чтобы самолеты были изготовлены качественно и вовремя. Работу проверяла Государственная комиссия обороны. Трудились день и ночь, отправляя готовую продукцию на лётно-испытательный полигон.

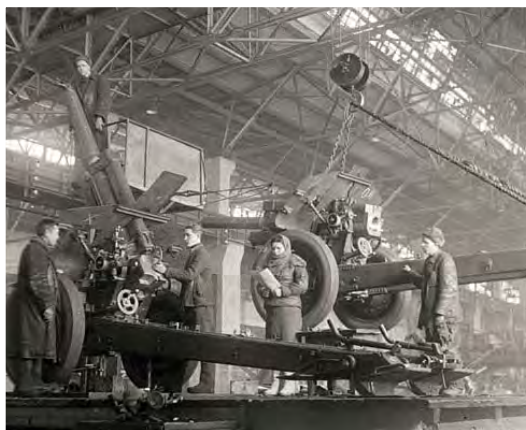
Как-то я заменяла диспетчера. На столе, где стояли телефоны, загорелась лампочка «Директор». Я подняла трубку, ответила, но растерялась, не смогла сразу соединить директора одновременно с несколькими цехами. Через несколько минут он зашел в комнату, спросил, кто еще на смене работает со мной.

- Одна? Не волнуйся, все в порядке, трудись. У тебя в жизни

все получится.

К нам в квартиру подселили пожилую семью беженцев из Киева по фамилии Бялик. Ее звали Ида Соломоновна, имени мужа не помню. Пришли они с одним саквояжем и сумочкой. «Как стояли, так и удрали», - говорили они. Никакой одежды, лишней пары обуви. Конечно, мы старались им помочь.

Наш завод находился на окраине города, а зима в те годы было особенно лютая. Трамвайные пути, железные дороги заносило снегом, приходилось идти на предприятие пешком. Вставали раненко утром, чтобы вовремя попасть на работу. Нас, молодежь частенько посылали расчищать железнодорожные и трамвайные пути. По ним шло вооружение, продовольствие на фронт.

Подготовка артиллерийских орудий
к отправке на фронт

В летнее время, осенью отправляли с завода в подшефные хозяйства на уборку овощей, зерна, заготовку сена. Было непривычно, тяжело, но мы не роптали, не жаловались, не отлынивали, все понимали, что трудимся для армии, для скорейшей победы. Нас переполняла гордость,

что на наших самолетах, в сборке которых мы принимали участие, летает, идет в бой против немецких летчиков наш земляк трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин. У нашего одноклассника Бори Пасечника мать работала в госпитале. Собрав группу ребят мы стали навещать раненых, читали им письма, беседовали, пели песни.

/ Работа Зинаиды Потемкиной (Домерстаг) в то трудное время была оценена руководством страны, она была награждена медалью «За доблестный труд в годы

Отечественной войны». После разгрома фашистской Германии Зинаида закончила институт, многие годы работала главным экономистом производственного объединения. Живет в Израиле, городе Раанана. – Д.Ф. /

Послесловие к главе

Иногда слышу в адрес тех, кто сумел избежать фашистской неволи, такие слова: «В тебя ведь не стреляли». Верно, но сколько сотен тысяч людей погибло в эвакуации – старики, молодежь, дети? Сколько беженцев погибло в дороге? В городе Котельнич Кировской области сооружен мемориальный комплекс в память о захороненных здесь жителей различных городов Советского Союза – около трех тысяч, из них почти тысяча жителей блокадного Ленинграда. Эти люди умерли в эшелонах, когда их везли в первые годы войны по Северной ветке железной дороги на Урал. На узловой станции Котельнич их снимали с поездов и хоронили.

Оставшимся в живых было не так уж сладко. Через невзгоды, нищету, голод, непосильный труд пришлось им пройти. Не всегда их принимали со всей душой. Антиеврейские настроения наблюдались в Чкаловской, Челябинской и других областях, в Башкирии, Казахстане. В сентябре 1941 года на имя главного редактора газеты «Правда» пришло письмо об антисемитизме в Свердловской области.

В документе из Центрального архива Татарии говорится об условиях жизни эвакуированных завода No. 22 в Казани: «В заводских поселках проживает лишь 50% работающих на заводе при плотности 2,4 квадратных метра на человека. Остальные 50% живут на расстоянии от 10 до 20 километров от предприятия. Большая часть из них живет в непригодных для жилья помещениях. Из-за плохой работы транспорта, особенно в зимний период, рабочие вынуждены ходить за 20

километров пешком, не имея совершенно времени на отдых».

И все же люди показали чудеса трудового героизма. Четырежды герой Советского Союза маршал Георгий Жуков сравнивал эвакуацию с величайшей битвой Второй мировой войны. «Это была ни с чем несравнимая трудовая эпопея, без которой была абсолютно невозможной наша победа над сильнейшим врагом». С нетерпением ждали граждане западных областей страны дня Победы, чтобы вернуться домой, в свои пенаты, и нередко заставляли такую картину: дома нет - разбомбили, сожгли, разобрали на дрова, поселили других жильцов... Бывшие соседи порой недружелюбно встречали беженцев. И все же они сумели преодолеть трудности, смогли со временем наладить свой быт, молодежь получить образование. Сегодня сотни тысяч бывших беженцев на своей исторической родине – Израиле.

**Этот день
мы приближали как могли**

Берлин, Рейхстаг. Салют в день Победы
9 мая 1945 года. Фото И. Шагиняна

И горечь поражений, и лавры побед

Шестнадцати-восемнадцатилетние ребята – это еще не взрослые, они не успели почувствовать вкус жизни, родители помогали им делать первые шаги, преодолевать первые трудности, были с ними и в радости, и в горе. Но война сделала их, да и тех, кто помоложе, старше своего возраста, мужественнее, выносливее, мудрее. На их плечи легла нагрузка, о которой до 1941 года и помыслить не могли. Они стали опорой стариков и маленьких детей, как в жизнеобеспечении, так и в моральном плане. Им пришлось выдерживать большие нагрузки на работе в новых местах, осваивать совсем неизвестные для них профессии, а вскоре, кто добровольно, кто по призыву, идти на фронт.

Трудовой народ внес немалый вклад в производство всевозможного вооружения, боеприпасов, необходимой продукции и продовольствия. Но основная задача – уничтожение гитлеровского фашизма – решалась на полях сражений, на фронтах Второй мировой войны. Неоценимый вклад внесла Красная Армия, в том числе воины-евреи. Чтобы отдать должное дважды землякам (СССР и Израиль), поговорим с бывшими солдатами армии освобождения.

И в труде, и в бою

Одним из таких был Евгений Лебенгард. Он успел закончить восемь классов. Фашистские стервятники начали бомбить Бобруйск с первого дня войны. Целились на аэродром, другие военные объекты (в городе были расположены воинские части), предприятия.

- Ну, кому хотелось бросать родные места, работу, налаженную жизнь, - вспоминает Евгений. – Я жил с мамой, она была хорошей портнихой. Отец умер, когда мне было всего два года, старший брат учился в Ленинграде в училище. Но на второй день войны появились беженцы, евреи были

обеспокоены, хотя и говорили, что немцы – люди интеллигентные, в восемнадцатом году давали мыло и керосин. Все же многие начали собираться в дорогу. Во время обстрелов мы бегали прятаться в близлежащие сады, где выкопали щели. Утром 26 июня мы ушли из города. (Бобруйск был занят немецкими войсками 28 июня. – Д.Ф.)

Два дня шли пешком до города Рогачева Гомельской области. Там попалась машина, на которой были же такие беженцы, как и мы. Нашлось место для нас. Путь был нелегким, ехать спокойно не давали немецкие самолеты, потоки машин шли в ту и другую сторону. Нередко приходилось слезать, переждать, иногда прятаться в лесах. Доехали мы до Рославля, где машину нашу реквизировали. Несколько дней мы проторчали в этом городе. Хорошо что здесь готовился к отправке эшелон с людьми, взяли и нас. Ехали на открытой платформе, ветер, никаких вещей мы не смогли взять. Все равно и теперь дорога была тревожной.

Сошли в Ульяновске. Определили нас в совхоз «Беречевский» у одноименного районного центра. Дали небольшой уголок в доме, где жило семь семей. Что мы делали? Навыков-то никаких, мы ведь городские жители. Учились на ходу, сельские умельцы поправляли, подсказывали. Вскоре сам справлялся с работой на току, с веялкой, вспахивал на лошадях землю.

Немец приближался к Волге, оставаться было опасно. Вновь мы трясемся в товарном вагоне, вот и Казахстан, Алма-Ата. Не приняли, повезли в Северный Казахстан, город Акмолинск, колхоз «Вишневка». Здесь было попроще, все таки какой-никакой опыт был. Мать работала в полевой бригаде, меня посылали туда, где нехватало рабочих рук, косил, пахал на быках, справляться с ними было довольно сложно, выполнял другие сельскохозяйственные работы.

5 ноября 1943 года перед праздниками меня призвали в ряды Красной Армии. Нас, новобранцев, отправили в Алма-Ату, где проходили солдатский всеобуч. Через два месяца, в конце

года, мы уже оказались на 2-ом Прибалтийском фронте. Группу более-менее образованных, в том числе и меня – все-таки 8 классов, направили в 52 дивизию, в полк пограничников. Сражения за Литву были жестокими, гитлеровцы бились остервенело, создали на пути армии защитные укрепления. Много солдат, офицеров сложили свои головы, освобождая прибалтийские народы от фашистского порабощения – ценили бы только они это, после войны и сегодня. С боями дошли до города Резекне.

В сентябре 1944 года нашу дивизию сняли и отправили на 1-й Украинский фронт. Воевал в разведывательной роте. Мы занимались визуальной разведкой, так же совершали рейды в ближайший тыл. Несколько раз вместе с разведчиками выполняли задание командования по поимке «языка». Привлекали меня к охране и допросам немцев, перебежчиков. Использовал знание языка идиш. Мне присвоили звание младшего сержанта.

Затем бои в Польше: Катовице, Глейвиц. Наш взвод всегда был на переднем крае. Шел последний год Великой Отечественной войны. Наша 52-я дивизия специального назначения дислоцировалась в районе города Опельн. Командование сформировала оперативно-войсковую группу для захвата важного архива, находившегося в городе Глейвиц. Нельзя было дать вывезти или уничтожить документы, в которых заинтересованы наши спецслужбы. В отряд отобрали около 25 человек. В ходе предварительной разведки стало понятно, что необходимо овладеть трехэтажным зданием, где находился данный архив.

Дождливой ночью мы оказались на окраине города, стали скрытно пробираться по улице. Пройдя с полкилометра оказались у нужного здания. Было темно, тихо, только где-то в стороне были сполохи взрывов, как видно там шла интенсивная перестрелка. Дом, наша цель, был окружен высоким каменным забором, вдоль него росли большие деревья. Командир разделил нас на две группы, одна

расположилась на противоположной стороне фасада, вторая, в ней находился я, зашла с тыловой стороны.

Мне и еще одному сержанту приказали скрытно подняться на дерево и вести наблюдение, что мы и выполнили. Двор освещался одной лампочкой, в нем никого не было, только стояла крытая грузовая машина, впереди ее легковая. Открылась дверь здания, из него вышли четверо немецких солдат, они несли два ящика, погрузили в кузов и снова вернулись в помещение. Я послал сержанта доложить об этом старшему группы. Немцы вновь появились, неся новые ящики с, как видно, тяжелым грузом. К нам подошло пополнение, мы незаметно преодолели забор, подкрались к грузовику и, когда солдаты в третий раз несли ящики, оглушили их прикладами у борта машины, скрутили веревками и уложили на землю. В здание ворвались бойцы находившиеся за фасадом и часть наших.

Боя фактически не было, операция оказалась внезапной, быстрой, сопротивление попытался оказать лишь один из немецких офицеров. Он открыл огонь, но ответным выстрелом был тяжело ранен. Мы перенесли ящики из машины обратно в здание, выставили охрану, доложили по радиации в штаб дивизии об исходе операции. Под утро началось наступление нашей армии. Захваченных гитлеровцев, в том числе несколько офицеров, увезли в штаб дивизии. Работа с архивами некоторое время велась прямо на месте. При разборе хода операции нам сообщили, что мы спасли от уничтожения важные документы одной из немецких спецслужб.

Многие участники этой вылазки были награждены орденами и медалями, мне вручили медаль «За боевые заслуги». Буднями трудно назвать каждый день самой кровопролитной войны, никто не мог предсказать, что ждет его через час-два. Так до окончания войны, до Дня Победы.

В конце мая 1945 года меня вызвали в разведотдел, предложили поехать продолжить учебу в разведшколе,

которая находилась в городе Каменец-Подольский (Украина). В ней проучился полтора года, присвоили звание лейтенанта и направили служить на Дальний Восток в Радековский пограничный отряд. В 1949 году потребовалось укрепить границы с Турцией и Ираном. Обосновался в столице Армении - Ереване. Прошел служебный путь от начальника пограничной заставы до заместителя начальника пограничного округа. Успевал учиться – окончил юридический факультет университета, высшее учебное заведение КГБ. Присвоили звание полковника. С той поры служил на Кавказе, до репатриации в Израиль.

Слева направо: Е. Лебенгард - председатель Комитета ветеранов войны Хайфского округа;
И. Гринзайд - председатель Центрального Совета Союза ветеранов 2 мировой войны; руководитель отделения ветеранов войны района Адар Г. Непомнящий.

...В 1995 году Евгений Лебенгард с женой и детьми сошли с трапа самолета в аэропорту Бен-Гурион. Вскоре он включился в общественную работу ветеранской организации Нешера района Хайфы, ныне отдельный город. Избрали его заместителем председателя комитета ветеранов войны

Хайфского округа, а с 2002 года Евгений возглавляет эту организацию. Одновременно он является заместителем председателя Центрального Совета Союза ветеранов Второй мировой войны.

Зенитчица Песя

Судьбы эвакуировавшихся во многом схожи, но каждый человек, каждая семья по своему переносила выпавшие на их долю трудности. У всех все же были свои нюансы, свои трагедии, да и минуты радости. 300 километров шагала пешком семья Левиных из города Витебска, пока сумела сесть на товарняк. Вместе с родителями, старшей сестрой Галей находилась тринадцатилетняя Песя, маленькая худенькая, она достойно выдержала экзамен. Прохудилась обувь, ноги в кровавых синяках, но она не плакала, не хныкала, Вначале они оказались в городе Бугульма, Татария. Жили в ужасной тесноте, с работой были проблемы, так как прибыло много эвакуированных. Тетя прислала вызов, и они переехали в Саратов, откуда их направили за сотни километров от города в деревню Дергачи.

Здесь в колхозе нашли всем работу. Песю назначили учетчицей, все таки шесть классов за плечами. Условия были не намного лучше, чем в Бугульме. Старший брат Меер был на фронте, от него не было никаких вестей.

- Я пойду воевать, - заявила родителям Песя. – Буду мстить за брата!

Пошла она в сельсовет с требованием, чтобы зачислили ее в Красную Армию.

- Я была одержима мыслью бороться с врагом, который хочет уничтожить мой народ. О зверствах фашистов по отношению к евреям мы уже немного знали, - рассказывает ветеран войны. - Мои походы в сельсовет увенчались успехом. Я радовалась.

На саратовском сборном пункте пришлось пройти все трудности службы новобранца. Суровая зима, температура

до -40 градусов, усиленное обучение, несовершенный быт. Но я их спокойно переносила. Как говорят, тяжело в учении – легко в бою. Хотелось быстрее попасть на фронт. Отправили нас в Химки Московской области на двухмесячные курсы зенитчиков, откуда попала в зенитно-пулеметную часть. Присвоили звание сержанта, назначили командиром отделения, дали в подчинение пять девушек, таких же необстрелянных как я.

...Их зенитная часть охраняла в Химках речной госпиталь и располагалась на трех баржах. На них были установлены зенитные орудия и пулеметы ДШК. Потом это подразделение было направлено под Сталинград. У речного госпиталя был очень важный маршрут Куйбышев – Астрахань. Раненых было много, их нужно было доставить в спокойное место.

- Мне и нашим девушкам приходилось выдерживать большое напряжение, особенно когда проходила «дуэль»

нашего пулемета с немецким самолетом. Мы были ответственны за судьбу раненых, жизнь которых нам доверили. Многие не помещались внизу и находились на открытой палубе. Бывало до десяти налетов за день. В одном из таких сражений с фашистскими летчиками пуля настигла меня. Пришлось лечь в госпиталь тут же на нашем пароходе. Гитлеровцы забрасывали Волгу снарядами, минами, старались не допустить перевод частей через реку в Сталинград. Нередкими были попадания, речные корабли тонули, гибли люди. Спасая пострадавших, девчата из пулеметного взвода

часто становились санинструкторами, медсестрами, на носилках относили раненых на берег, где угроза погибнуть была меньшей, перевязывали им раны.

Это было тяжело. Насколько? Только потом стала понимать, а тогда особо размышлять времени не было. Желание выстоять, победить нас не оставляло, - заявляет Песя Апельсин (Левина). Дружба между нами, девушками-пулеметчицами, крепла и запомнилась навсегда. Такое не забывается.

Исповедь бывалого солдата

- Юде? – немецкий офицер пристально смотрел на меня. – Документы! – его требование тут же перевела украинская женщина..

- Мобилизован был на рытье окопов, паспортов не давали, чтобы не удрали, - ответил я, а самого дрожь пробирает – в сапогах партийный билет и красноармейская книжка. Гимнастерку, правда, обменял на кусок хлеба. Гестаповец махнул рукой конвоирам. Меня вывели. Дошли до края поселка, перед нами какой-то овражек с кустиками. Слышу один у другого спрашивает: «Шиссен?». Второй кивает головой, подтверждая приговор. Понимаю, что если не дать деру, конец. Прыжок и скатываюсь в овраг, тут же на ноги и словно заяц петлять, убегая подальше. Сердце так билось, что не слышал выстрелов, а может их и не было. Остановился только, когда уже совсем выбился из сил. Стал искать выход к нашим частям, - Юда Винокур замолчал. Беседа с одним из старейших ветеранов войны часто прерывалась такими паузами. Ему 97 лет.

...По пути к линии фронта в памяти Юды возникали эпизоды последних месяцев его жизни. ...В восемь часов вечера 22 июня на партийном собрании вынесли решение: «Все коммунисты на оборону города Черновцы».

- А как наши семьи, - спросили люди.

- Мы о семьях позаботимся, - заявил второй секретарь

горкома партии.

Позаботились – остались у Винокура бабушка, мать, сестры, жена с двухмесячным ребенком. Их судьба волновала солдата все дни кровавого сражения с врагом. Но он понимал, что ничем им помочь не может. Батальон, в котором он служил, отбил несколько атак противника, несколько раз менял позицию, чтобы снаряды не уничтожили их. Последовал приказ отступить. Дошагали они до Нового Айдара Луганской области, узнали, что немцы обошли их. Стали выходить из окружения группами.

Юда и не заметил, как остался один. Шел ночами, избегая выходить на дорогу. Но не уберется, нечаянно вышел на немецкий патруль. Слава Б-гу, что смог убежать. Пробирался Юда Винокур в основном по лесным тропам около месяца. Наконец, попал к своим в районе Сталинграда. Радостное возбуждение охватило его, но парня сразу повели в особый отдел на проверку.

- В плену был?

- Нет.

Солдата отпустили в часть. Позже он сам принимал людей, оказавшихся за линией фронта. Через много лет после окончания войны ему принесут газету со статьей Героя Советского Союза, летчика Василия Емельяненко, который писал: «Два года назад я получил письмо от Ю. Винокура из Тернополя. «Хорошо помню, как вы приползли к нам через нейтральную полосу ободранный, только обличье теперь представляю смутно».

Черновцы освободили 17 марта 1944 года. Юда находился не очень далеко от родных мест. Ему дали пять дней отпуска. Попутного транспорта не было, он 27 километров бежал от Томашполя до Черновиц. Соседи сообщили трагическую историю евреев города. Редко кто сумел избежать оккупации, к середине 1941 года в Черновцах находилось около 60 тысяч евреев, порядка 40 процентов от всего населения. Большая часть погибла от рук варваров.

Немцы, румыны отобрали 20 евреев, завели на мост через реку Мурашка и сбросили вниз. Тех, кто выплывал, тут же расстреливали. Многие пытались спрятаться в погребах, в том числе его близкие, но с помощью колобарционистов их находили, уводили в гетто. Когда ребенок в схроне плакал, другие умоляли: «Сделайте что-нибудь, чтобы он замолчал». Раз в неделю проводили регистрацию еврейского населения, на площадь выводили всех и немощных стариков, и маленьких детей. 15 июня 1942 года румыны схватили 900 евреев, среди них немало ребят, и расстреляли. Более 33 тысяч было отправлено в Транснистрию.

Из сел приходили крестьяне, приносили продукты в обмен на вещи, драгоценности. Забирал самое ценное и староста Соболев, за это давал еду. Недалеко было село Боровка, там собрали золото, серебро, но евреев все равно убили.

- Я поклялся, что отомщу за безвинную гибель родных, земляков. Нажимая на спуск пулемета, приговаривал: «Получайте гады!» В июле 1942 года наш батальон занимал оборону у поселка Берестовка Донецкой области. Мне приказали отправиться в шестую стрелковую роту, которая оказалась в трудном положении. Немцы отаковали ее и солдаты, не выдержав натиска, отступили. Очень важно было вернуть захваченный плацдарм. Подбодрив бойцов, я сказал командиру поднимать людей в атаку. Вместе со всеми, что-то крича, ринулся вперед. Это был боевой азарт, остановить могла только пуля. Нас обстрелял пулемет, но было темно, он строчил наугад. Подбежав, мы пустили в ход «карманную артиллерию» - гранаты. Утраченные позиции вновь стали нашими.

В составе 1157-го стрелкового полка я освобождал Северный Кавказ. Очень тяжелые бои шли на Таманском полуострове. Фашисты остервенело отбивались от наших атак. Природные условия тормозили наступление. Вокруг камыш и вода. Одежда высыхала прямо на теле. Здесь каждый фронтовик познал почему фунт лиха. Меня контузило, плюс к этому

заболел малярией – комаров там пропасть. За эти бои получил медаль «За отвагу».

Едва успел вернуться, вызывают в особый отдел. Разные нехорошие мысли в голову полезли. Оказывается посылают на курсы. После окончания направили в Киевский военный округ командиром батальона. Начал проситься на фронт.

- А кто готовить кадры будет?

Был набор в маршевые роты. На подготовку только две недели. Контингент: освобожденные из тюрем, прибывшие из партизанских отрядов, призывники из освобожденных областей. Работа напряженная, люди не хотели понимать, что нужна дисциплина. Но была и радость – наши гнали врага, били его, уничтожая и фрицев, и их боевую технику. Здесь впервые за последние годы поел горячую пищу, здесь дождался и встретил День Победы.

Женщины-медики

Сестричка с сумкою холщевой
И автомат через плечо
В который раз ползет по новой
Туда, где смерть и горячо.
Где голос слышится солдата:
«Сестричка, милая, ко мне...»
Твоя, родная, помощь к ладу,
Не дай случиться тут беде...

Иосиф Каган /Нью-Йорк/

Семья Коровиных бежала из блокадного Ленинграда в городок Вознесение, затем еще дальше в Вытегру, что на берегу Онежского озера. Их было шестеро: бабушка, отец, мать и дети: 15-летняя Галина, 14-летняя Раиса, 6-летний Володя. В Вытегре Галя поступает в педагогическое училище, но ее душа рвалась на фронт, где уже сражались с врагом ее два брата и старшая сестра.

В 1942 году она стала работать в госпитале санитаркой, ухаживала за ранеными, помогала медработникам со стажем,

набиралась опыта. Ленинградский фронт, Карельский. Галина уже медсестра. Работы хватало на всех. Поток раненых не ослабевал, всем нужно было уделить внимание, учитывая как характер ранения, так и характер, настроение человека. Каждый день был трудным, но пришло 9 мая 1945 года.

- Этот день все ждали с огромным нетерпением. Он пришел, мы радовались и думали: неужели наступил конец страданиям людей? Даже одолевали какие-то сомнения. Я в этот светлый день находилась в 30 километрах от Петразаводска в поселке Томицы, - рассказывает Галина Финк (Коровина). - Недалеко от нашего госпиталя был лагерь с пленными немцами. Мы шли мимо колючей проволоки, они стояли возле нее, возбуждено размахивали руками и радостно кричали: «Гитлер капут! Мы вернемся домой!» Можно было подумать, что это они победили.

Для Гали война еще не закончилась. Ее отправили в Спасск-Дальний на Дальний Восток, где шла борьба с японскими милитаристами. После 9 августа стали поступать раненые. Но настроение было совсем другое, гораздо веселее – с Гитлером расправились, японцев тем более одолеем. За заслуги перед Родиной Галина Финк была награждена орденом Отечественной войны II степени.

.....

В рядах сражавшихся было немало женщин. Одна из них Лия Сторожко. Родилась Лия Штейн в городе Лохвица Полтавской области. Она училась в медицинском институте. Два брата и муж сестры ушли воевать. Студенты грузили оборудование своего и железнодорожного института на платформы, вместе и уехали в Ташкент.

- Насколько мы голодали трудно даже представить, готовы были грызть камни, травинку нелегко было найти. Варили суп из редьки, ели пересиливая ее горечь, спасала затируха. Утром шла на занятия, вечером работала ночной медсестрой в госпитале. Наш курс института учебу закончил досрочно, сократили на полгода, и на фронт добровольцами, вначале

на 2-й, затем 3-й Украинский, - сообщает Лия Сторожко (Штейн). Наш медсанбат работал у самой передовой, насмотрелась смертей, крови...

Однажды меня вызвали в штаб батальона. Ехала из санбата на «Вилисе». Колес глубокие, водителю приходилось довольно трудно. Вдруг какие-то удары о борт машины. Откуда взялся фашистский самолет, не знаю. Летчик стал гоняться за нами. Мы чудом уцелели, вернее благодаря опытному водителю машины. Пули летели над самой головой.

...Последний для Лии, тяжелый, кровопролитный бой под Веной. Опять их санитарная часть была на передовой. Медицинский персонал забыл, что такое отдых, сон. Раненые приходили сами, других, кто не был в состоянии дойти, привозили на машинах. Умелые действия военного врача Лии Штейн были отмечены орденом Красной Звезды, позже вручен орден Отечественной войны II степени.

- 9 мая я находилась с тяжелоранеными возле столицы Австрии - Вены. Ночью мы слышали беспорядочную стрельбу, откуда непонятно, вроде бы рядом. Испугаться не успели, вбежал сержант с поднятым автоматом и закричал: «Ребята! Победа!» Повскакивали все, кто в состоянии был это сделать. Кричали, обнимались, все радовались. А я плакала, хотя понимала, что больше убивать не будут, что мы вернемся к мирной жизни. Но знала, что мне не увидеть моих родителей, моих папу и маму, которые погибли в гетто города Лохвица.

В Израиль я приехала с детьми. Сын, внук просили, чтобы вернула себе обратно девичью фамилию, но решила, что слишком поздно, да дело не в фамилии, а в твоих делах.

Капитан медицинской службы

Я долго не мог связаться с жительницей Йокнеама Любовью Каплун. Наконец, на мой звонок ответил приятный мелодичный голос. Перед самой войной Люба закончила Ленинградский медицинский институт, распределили ее на

Турксиб (Туркестано-Сибирская магистраль). Не успела она собрать вещи, как грянула война. Всем выпуском они пошли в военкомат. Их выслушали и отправили домой, сказали, что, когда понадобятся, сообщат. К Ленинграду подступали немецкие войска, вот-вот они сомкнут кольцо вокруг города.

- Со старенькой мамой, двумя детишками сестры семи и трех лет, мне самой еще не исполнилось 23 года, на открытой платформе через всю великую страну. Как добирались до Алма-Аты не передать словами. Сидим мы на вокзале в столице Казахстана, никому дела до нас нет, спрашивают: «Зачем вы приехали?» Чуть позже: «Не волнуйтесь, мы найдем вам работу».

Направили меня детским врачом на станцию Алма-Ата, а жить негде. Ладно я, но ведь со мной малыши. Пошла в райком партии. Спросили национальность. «Еврейка». Дали ордер на двухкомнатную квартиру, куда определили еще одного коллегу. Главным врачом была тоже ленинградка. Поначалу возили на машине, затем меня перевели на другую работу, стала я навещать пациентов на повозке. Сама запрягала лошадку, распрягала. Так мыкалась не я одна, а 40 врачей и фельдшеров алмаатинской станции.

А мы все добивались отправки на фронт. Собрали нас, построили, беременных и тех, у кого дети до трех лет, отправили обратно, остальных в штаб Юго-Западного фронта, город Воронеж. Попала я в роту медицинского резерва на станцию Лиски. Первая бригада медиков, отправленная туда, попала под бомбежку и вся погибла. Все воинские эшелоны проносились мимо нас. Дали мне шинель – она до пят, роста у меня полтора метра, весу - 46 килограммов. Подрезали шинель, гимнастерку ушили по талии, но пришел старшина распорол швы.

Назначили меня военным врачом в Управление воздушных сил. Добиралась разными транспортом, до самой части пришлось топтать 14 километров пешком, потом перевели в батальон аэродромного обслуживания одной из авиационных

частей Юго-Западного фронта. В подразделении 50 мужчин и я – одна женщина. Работы было много, особенно под Курском. Жили в лесах, работали в палатках. Переспешь несколько часов и к раненым. Не раз наблюдала, как восемнадцатилетние девочки – воздушные стрелки гибли на самолетах, они ничем не были прикрыты от фашистских пуль.

...За бои на Курской дуге Любовь Каплун (Нисимович) была удостоена ордена Красной Звезды. Однажды во время налета немецкой авиации ее прикрыл своим телом незнакомый солдат. Затем были Германия, Чехословакия. Праздник Победы был омрачен происшествием на аэродроме - штурмовик с командиром разбился в этот день. Старший врач Любовь Каплун включилась в работу по демобилизации воинов. Работала в Крыму, Джанкое. В 1948 году демобилизовалась, но не распрощалась с армией, так как вышла замуж за майора авиации. С ним и трехмесячным ребенком поехала на Сахалин – место службы мужа, где прожили семь лет. После этого переехали в Воронеж, работала заведующей поликлиникой, получала премии, благодарности, признана «Отличником здравоохранения».

.....

К восемнадцатилетней Рыжик Софии повестка в военкомат пришла в первый день войны. Уже 23 июня поезд уносил молодую медсестру, недавно окончившую медицинский техникум, на Карельский фронт. Два первых месяца войны, работа в госпитале недалеко от Выборга, запомнится Софии на всю жизнь. Нужно было привыкнуть к напряженному многочасовому труду, бреду и стомам раненых, ампутациям конечностей у солдат, бесконечным перевязкам, такого она не видела никогда. Наши армейские части несли серьезные потери.

28 августа 1941 года война для Софии закончилась – она была тяжело ранена, осколок попал в грудную клетку, девушка оказалась в плену у финнов. Там находилась и вся санитарная

часть. Ее, как и других раненых, лечили пленные российские врачи, выхаживали советские медсестры. Был и финский медицинский персонал. Госпиталь находился в Выборге. Почти четыре года София Рыжик оставалась в плену. После освобождения возвращается в Ленинград, узнала, что родители погибли в гетто города Полоцка. Вернулась к своей мирной профессии, более сорока лет работала медсестрой.

София Токарь (Рыжик) награждена орденами Славы III степени и «Отечественной войны» II степени. Живет сейчас в Хайфе.

.....

- Звонок разбудил меня в три часа ночи, в четыре я была в военкомате. Служила по своей специальности – телефонистка, поддерживала связь города и армии. Было страшно и тяжело – город обстреливали, видела много раненых. Нас эвакуировали, когда немцы были у порога Одессы. Наша часть принимала участие в обороне города и отступала последней. Севастополь горел, Новороссийск тоже не принимал, единственным из оставшихся пароходом переправили нас на побережье Кавказа, оттуда в Краснодар, - рассказывает Клара Гоноровская (Лейбман). - Там мы прибились к Кабардино- Балкарской дивизии, с которой отошли до города Грозный, и снова отступление через Северный Кавказ. Работала в морской воинской части при штабе Черноморской дивизии, некоторое время медсестрой в эвакогоспитале – была необходимость, затем снова связисткой.

Отец, мать мои, четыре сестры погибли в Одессе. Младшая 16-летняя Женя Лейбман участвовала в обороне Сталинграда, зенитчицей. Я одна из первых узнала об окончании войны, как раз дежурила на телефоне. Штаб нашей части располагался на улице Морозливская (теперь Тургенева) 16 возле бульвара Шевченко. Вот там мы и собрались. Были слезы, смех, залпы из ружей, беспредельная радость.

С любовью к человеку

- Когда в 1944 году освободили Литву, к нам в медсанчасть попали раненые - местные жители. Как-то утром я зашла в палатку, чтобы выполнить свои обычные процедуры: уколы, перевязки, раздачу лекарств. Вдруг меня хватают за горло и начинают душить. Пытаюсь сопротивляться, но прерывается дыхание. Повезло, что в эти минуты зашел старшина. Я лежала без чувств. Но все же через минут пятнадцать продолжала свой обычный обход. Того литовца увели, что с ним сделали, меня не интересовало, скорее всего отправили на тот свет, - вспоминает Хана Бренер.

Ей одной из всей семьи удалось удрать из литовского города Скуодаса, что совсем недалеко от границы. Уезд Кретинга был захвачен в первый день войны, В Скуодас немцы зашли в половине второго ночи. Мама Лея взяла старшую дочь Хану и повела к ее нянечке Магде Юревичене. По дороге они видели, как бежали двое окровавленных красноармейцев. Няня помогла ей перебраться через речку.

- Дальше сама. Догоняй своих, Ханеле! Беги быстрее! Тебя первой убьют, если поймают.

- Я была в городке энергичной, активной, меня знали многие горожане. Побежала с портфелем в руках. Ехала телега из конторы заготскота, возчик взял меня к себе, я уже совсем запыхалась. Добрались до Вилакей, нас угостили хлебом, каждому отломали по куску. Продолжила путь, встретила шестерых велосипедистов из нашего города, они выбрались раньше из Скуодаса. Это уже было в километрах 50 от границы. Один земляк посадил меня на раму велосипеда.

- Ханеле, мы тебя не бросим.

Из одного дома по нашей группе открыли огонь. Пуля пролетела прямо над ухом, задев кончики волос. Увидели мы группу красноармейцев, которые поинтересовались, куда мы бежим.

- Но там немецкий десант.

...Хана и ребята бежали днем, так как части Красной Армии

передвигались по ночам, дорога была занята. Вблизи Риги остановились передохнуть. В большом сарае собралось человек 200 беженцев. Немецкий самолет стал бомбить их. Одна бомба упала совсем рядом, но хорошо, что не взорвалась. Всякое повидали беженцы, на дорогах лежали тела, оторванные руки, ноги, туловища. Дошли до Пскова. В большом сосновом лесу полно беженцев. К вокзалу посылали старших. Наконец начальник станции объявил, что для них приготовлен специальный эшелон. Толкаясь, бранясь люди атаковали вагоны.

- Навстречу нашему поезду проносились другие, на которых было написано «Все для фронта! Все для Победы!» На остановках люди выкрикивали: «Кипяток!» и бежали за горячей водой. Большинство прибалтийцев, ехавших в эшелоне, не знали русского языка, спрашивали, почему это каждая станция называется Кипяток. Добрались до Ярославля, потом через весь Урал, Сибирь. Оказалась я в Новосибирской области, Тугучинском районе, в колхозе имени Демьяна Бедного. В Новосибирске на вокзале висел портрет Сталина, державшего палец у рта, с надписью: «Молчи!»

...Вначале Хана попала в многосемейную квартиру, где спать было негде - она перебралась к знакомым. Работы было много, девушка вязала снопы, выполняла другие задания бригадира. Голодала. Хоть был август, но было уже холодно, одежды зимней никакой. Подсказали, что в лесу полно ягод, Хана пошла на поиски хоть какой-нибудь еды, за что ей попало. За уход с работы в те времена могли и под суд отдать. Поняла Хана, что не выживет здесь. На рынке районного центра она продала свои часики за 300 рублей, покупает билет до Алма-Аты. Попыталась заснуть на вокзале в ожидании поезда, но милиционеры все время ее будили.

- Наступил еврейский Новый год. В тот день было полное затмение солнца, впервые в моей жизни. Кто-то дал мне затемненное стеклышко. Явление необыкновенное. Три дня прожила в эвакуопункте, направили в колхоз «Красный пахарь»

Талды-Курганского района Алма-Атинской области, в 70 километрах от китайской границы. Трудилась в садовой бригаде. Дали план-задание, чекмень на плечи (верхняя мужская одежда) – работай. Познакомилась с двумя братьями и их сестрой, бежавших с мамой из Варшавы: Фишел, Беньямин и Эндел. Их мама пригласила меня на латкес – был праздник. Нам выдавали буханку хлеба на определенное количество дней, иногда молоко. Но кушать хотелось. Я покупала семечки, более дешевый товар, чтобы забыть о голоде, щелкала их.

Хана Бренер 1942 год

...И тут Хана Бренер услышала о формировании литовской дивизии. Сразу отправила письмо в алма-атинский областной военкомат с просьбой о зачислении ее в число бойцов. Она получила повестку, быстро собралась. Неделя в поезде от Талды-Кургана до Горького, потом пригородным поездом до Балахны. С 10 августа 1942 года по 20 августа 1945 года – служба в рядах Красной Армии. Дали ей обмундирование, учили

военному делу. Когда открыли курсы медсестер, ее оставили в части, после окончания их - поближе к фронту. Прошла Белоруссию, потом передислоцировали их санчасть в Литву. Медперсонал, а их было четверо: врач, медсестра, ею была Хана, аптекарь, санитар, жили в палатках.

Ее беспокоила участь родных. Она пишет письмо в освобожденный Скуодас. Хотя Хана знала, что фашисты и их помощники жестоко расправились с евреями, но искра надежды теплилась в ее душе. Прислали в ответ открытку, в которой говорилось, что в течение месяца после оккупации все евреи городка были убиты. Хане потом показали место,

где их расстреляли, общую могилу. В ней были захоронены мать - Лея Шаф, сестры Гита -15 лет, Мера – 13 лет.

Не лежала ее душа к стране, где убили ее близких, хотя проработала там медицинской сестрой сорок лет. Как только выдалась возможность, Хана Бренер (Шаф) выехала в Израиль. Это был 1972 год. И на исторической родине она трудилась 12 лет в больнице Рамбам в Хайфе.

В квартире Бренер много картин, две из них привлекли мое внимание. На одной из них пригнувшийся еврей с ведром – яркий выразительный портрет. На второй – бойцы в полуразрушенном здании. У них привал. Они присели и отдыхают после трудного боя. Закипает в кастрюле вода, они будут пить чай. Датированы картины 1954 и 1958 годами. Прошло более 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, но память никак не хочет забыть ее трагические дни.

- Картины эти талантливого художника, увы, ныне покойного Семена Гармизе, - рассказывает Хана. Она в свое время беспокоилась о его родных, переживала, помогала. Вообще беспокойство за других в ее натуре. Как-то ей сказали, что в их доме поселилась бедная семья из Эфиопии. Познав много горя, она не могла остаться безучастной к судьбе других. Женщина собрала немного провизии и пошла проведать новоселов. Они очень подружились – еврейка из Литвы Хана и еврейка из другого конца света - Эфиопии, Брурия. Второй мамой стала она для молодой симпатичной женщины. Часто бывали друг у друга в гостях. Теперь правда тяжелее, годы дают знать свое. Когда Хана звонит, подходит один из сыновей Брурии, а их у нее трое, и кричит:

- Има! Савта Хана мецальцелет! (Мама! Бабушка Хана звонит!)

Есть и другие заботы у Ханы. Она председатель Комитета ветеранов войны в районе Нове-Давид в Хайфе. Мало осталось бывших солдат Советской Армии, многие больны, нуждаются в помощи, кому-то нужно просто поговорить по душам. Хана Бренер всегда чутка и внимательна.

Из медсестер в актеры

Ну не могу я не рассказать еще об одной медсестре. Вы ее прекрасно знаете.

Элина с детства мечтала стать актрисой, но родители папа - врач, работа мамы тоже связана с медициной, желали, чтобы дочь стала продолжателем их дела. Когда девушка все же подала документы в театральное училище, отец Авраам пошел с ней, поговорил с режиссером, принимавшем экзамен, постарался, чтобы. ее не приняли. Это было после войны.

Речь идет об Элине Быстрицкой – Народной артистке СССР, РСФСР, Азербайджана, Грузии, Казахстана, кавалере орденов Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, двух орденов «Знака Почета», «За заслуги перед Отечеством» I и II степени. Как ветеран войны награждена орденом Отечественной войны II степени. Она Почетный Президент Федераций художественной гимнастики и бильярда, член Совета по культуре при Президенте России.

Родилась она 4 апреля 1928 года в Киеве, но отцу, военврачу, приходилось не раз менять место жительства, куда армия посылала, он ехал, а вместе с ним и семья. Перед войной он получил назначение в город Нежин (Черниговская область). Там и застала их объявление о нападении гитлеровской армии на Советский Союз.

Элина помогает матери ухаживать за ранеными. Когда немецкие войска прорвали оборону в районе Чернигова, они вместе с госпиталем эвакуировались. Эшелон вез их через Сумы, Харьков, так до Астрахани. Девушка одновременно учится в средней школе, заодно и на курсах медсестер, правда вначале ей отказали в приеме в медучилище. Она была небольшого роста и выглядела моложе своих лет, но настойчивость победила. Успешно сдав экзамены, работает санитаркой, затем лаборанткой в клинической лаборатории. В 1942 году госпиталь перебросили под Сталинград.

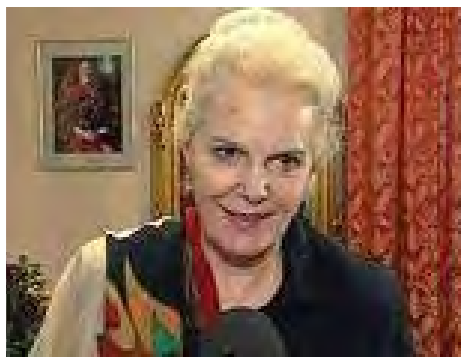
Вернуться в Киев семья не смогла – их дом был разрушен, поэтому оказались вновь в Нежине. Элина поступает в

медицинский техникум, но, как выше было сказано, стремится работать в театре. На пути к Мельпомене ее ждало много трудностей, но она их преодолела.

Вот что говорит сама Элина Быстрицкая:

- Мне было тринадцать лет, когда я стала работать в передвижном госпитале. И хотя потом по настоянию папы окончила медицинский техникум, я не смогла стать врачом – так настрадалась в войну от вида боли, крови и несчастий. Подросток не должен этого видеть...»

В 1953 году она заканчивает Киевский государственный институт театрального искусства, ее принимают в Вильнюсский русский драматический театр а с 1958 года Элина становится актрисой Академического Малого театра в Москве.

Элина Быстрицкая, одна из замечательных советских артисток завоевала симпатии, любовь миллионов зрителей. Ее роли в кино: Аксиньи в «Тихом Доне», Лели в «Добровольцах», Ксении Румянцевой в «Все остается

людям» и других фильмах стали классикой, стали учебным пособием для многих молодых актеров. Элина Быстрицкая – профессор, преподавала на кафедре актерского мастерства в ГИТИСе, в театральном училище имени М.С. Щепкина. Немало прекрасных ролей Элина Быстрицкая сыграла в Малом театре в спектаклях «Любовь Яровая», «Таня», «Порт-Артур», «Дачники», «Маскарад» и т. д.

Награды, звания... Выше всего ей дорого звание «Сын полка», которым называли молоденькую Элину коллеги по госпиталю, раненые.

Праздник со слезами на глазах

С чем сравнить этот неповторимый долгожданный день – 9 мая 1945 года? Его ждали почти четыре года, четыре года страданий, многочисленных жертв, потерь, мук, пролитых слез, надежд. Чем ближе он был, тем больше волновались родители, дети, боясь за своих мужей, сыновей, дочерей, отцов, братьев, вдруг в этих боях вражеская пуля, снаряд убьет их родного человека. Последние дни великой битвы с врагом растягивались надолго, ибо каждая минута становилась часом, днем.

9 мая 1945 год. Еще не совсем рассвело, звездочки на небе немного потускнели, все спали, так как было где-то около пяти утра. В ставни нашего дома постучали, подхватились все, бывало такое, что хулиганье, идя с гулянок, дурачилось.

- Я это, я - Фаня!

Фаня Гольдина, подруга моей сестры Лены, немного позже жена брата Яши. Она дежурила в эту ночь на телефоне в райисполкоме. Отец открыл засов, спросил: «В чем дело?»

Девушка запыхалась, но лицо просто сияло.

- Закончилась! Закончилась!

- Что закончилась?

- Война закончилась! Германия сдалась, ка-пи-ту-лировала! Мне только что сообщили по телефону, позвонила начальству, своих порадовала, - выпалила она.

Мы оделись, вышли на улицу. Из домов выходили люди, возбужденные, радостные. С кем-то обнимались, кому-то жали руки. И отец, и мать украдкой смахивали слезы, ведь на фронте сражались их два сына, а третий пал в Сталинградском сражении, но понимание, что войны больше нет, что остальные их дети, другие солдаты вернутся домой живыми, преодолело их скорбь. Это был праздник всего народа.

На пути к триумфу

- Приготовить орудия к бою! Поднести снаряды! – командовал

лейтенант Анатолий Дуклер. Полк АРГК (артиллерии резерва Главного командования) был направлен на усиление 13-й армии. Дело в том, что части Красной Армии две недели атаковали немецкие позиции, но те, усиленные боевой техникой, танками, успешно отбивали наступления. На подступах к этой деревне гибло много советских солдат.

Его батарея расположилась на опушке леса. Артиллеристы установили орудия. Анатолий в бинокль рассматривал немецкие укрепления, передвижения солдат.

- Огонь! - прозвучала команда. По вражеским оборонительным сооружениям из всех орудий был открыт прицельный огонь. Немцы, как видно, попрятались. Лейтенант Анатолий Дуклер решил воспользоваться этим. Воспользовавшись передышкой, солдаты по его команде продвинулись вперед, а на подступах к позициям врага, взяв автоматы, пошли в атаку. Она была неожиданной для противника, гитлеровцы бежали, высота была взята. Вдруг на их новое месторасположение полетели снаряды со стороны наших войск. Офицер связался с командованием, сообщил, что деревню они захватили, и, понимая, что следует ожидать контратаки, попросил помощи. Ночью прислали только один взвод пехоты. Действительно, рано утром немцы двинулись к деревне. Отбита одна атака, другая, наконец подоспела помощь.

За умелые действия воины были удостоены наград, Анатолий Дуклер за высокие командирские качества ордена Александра Невского, он добавился к ордену Красной Звезды, сверкавшем на его гимнастерке. Но совсем не к боевой славе тянуло парня совсем недавно в мирное время.

...Что должен делать молодой юноша, только что окончивший школу с аттестатом отличника? (Равносилен послевоенной золотой медали.) Анатолий Дуклер поступает в медицинский институт родного города Киева. Учиться дальше не смог – пришла повестка из военкомата. Призывники, где пешком, где на попутке, добрались до города Славянска Сталинской

(Донецкой) области. Проработали полтора месяца в колхозе, затем их погрузили в вагоны и отправили во 2-е Томское артиллерийское училище.

- Нам, южанам, не по нутру был такой холод, морозы, доходившие до 50 градусов, - зябко поводит плечами и сегодня Анатолий. – К тому же мы голодали, продукты, положенные нам по норме, разворовывали, получали в лучшем случае половину порции. Но муштровали сильно.

1 мая 1942 года курсанты закончили училище. Младший лейтенант Дуклер попал в Приволжский военный округ, был направлен в город Балашов Саратовской области, где принял командование взводом. А в нем одни узбеки, казахи, таджики, которые не только не понимают технических терминов, но и простых слов на русском языке. Хорошо, что один из них был более менее грамотный. Он переводил на узбекский, второй с узбекского на казахский и так далее. Вскоре Анатолия отправили в город Меликес Ульяновской области в запасной стрелковый артиллерийский дивизион.

Молодой офицер не мог сидеть в тылу, он рвался воевать, поэтому пишет рапорт начальству о направлении его на фронт. В конце 1943 года вместе с маршевой ротой прибыл в Сумскую область. Затем Анатолия по его просьбе переводят в истребительный противотанковый полк Резерва Главного командования. Резерв создавался для выполнения важных операций, его бросали на наиболее сложные участки фронтов, где его помощь могла оказать существенное влияние на исход той или иной боевой операции.

Бои в Сумской области были жестокими, немецкие части оказывали сильное сопротивление. Самоходные артиллерийские установки СУ-76, которыми командовал лейтенант Дуклер, оказывали действенную помощь пехоте в уничтожении противника. Фашисты сумели вывести из строя три пушки. Но остальные продолжали вести огонь по врагу, не давая немецким солдатам подняться в атаку. Громкое «Ура!» возвестило о захвате вражеских траншей.

В сентябре 1944 года полк влился в состав 7-го гвардейского корпуса 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерала П.С. Рыбалко, в будущем маршала, дважды Героя Советского Союза. Были у Анатолия сражения в Германии, Чехии, взятие Берлина. 5-6 мая 1945 года их часть бросили в сторону Праги. Маршем на чешскую столицу шло более 1000 танков. Где-то за восемнадцать километров до Праги движение машин прекратилось. Раздалась стрельба, которая с каждой минутой усиливалась и приближалась. Встревоженный Дуклер подошел к начальнику штаба дивизиона Балашову, чтобы узнать, в чем дело. Впереди стояли танкисты. Один из них обхватил Анатолия мускулистыми руками, прокричал:

- Победа! Старший лейтенант, Победа! Немцы капитулировали! Ур-а-а -а!

- Я поспешил порадовать своих, тоже стреляя из револьвера. К нам подошли местные жители. Молодая чешка принесла две рюмки, вино «Рудо армада», приглашая выпить за победу. Потом поцеловала меня. 11 мая нас бросили в Корицаны и Одилено-Вода против частей под командованием генерал-полковника Шермера, - добавляет Анатолий.

В армии А. Дуклер прослужил около 30 лет, демобилизовался в конце 1971 года. Служил в разных местах: Германия, Австрия, Киевский военный округ, Заполярье, Печенга, был на целине. К выше названным орденам и двум Отечественной войны I и II степени, медали «За боевые заслуги», прибавился орден «Знак почета» за освоение целины, Анатолию присвоили звание Почетного гражданина города Мамлютка Северо-Казахстанской области. Позже он заканчивает юридический факультет Львовского госуниверситета. После увольнения из рядов Советской Армии Анатолий Дуклер преподает военное дело в школе, по надобности заменяет математика. Сейчас с семьей живет в городе Хайфа.

Неповторимый день

- Уж сколько лет минуло, а этот день передо мною. Мы позабыли о школе, о еде, все хлынули в центр городка. Не знаю, кто-то работал 9 мая или нет, здесь, на площади и ближайших улицах, были и стар, и млад. Такого праздника, такой общности людей я больше никогда не видела, куда там Первомайским или Октябрьским демонстрациям. На лицах людей счастье, они обнимались с незнакомыми, целовались.

Появилось на площади городское начальство, начался митинг, но память мне говорит, что особо их не слушали. Люди спрашивали друг друга, кто у кого сейчас на фронте, хотя война-то закончилась, они все еще переживали за их судьбу. Говорили о своих близких, которых война раскидала за тысячи километров. Других волновала мысль о родственниках, что оказались под оккупацией, многие даже в 1945 году не имели сведений о них.

- Пора собирать монетки, да ехать к своей хатке, - высказала свои мысли пожилая женщина, обращаясь к другой, как видно хорошо знакомой.

Я была с подружкой-одноклассницей, мы с ней ходили среди людей, впитывая в себя эту радостную мысль, прекрасное известие – ПОБЕДА! Потом нас на глассере катал отец подружки, какой-то начальник, а вечером моя мама сделала мороженое. В высокой алюминиевой кастрюльке она долго крутила поварежкой сливки, добавив туда сахара, которые сгустели, стали настоящим сливочным мороженым. Его вкус и сейчас у меня на губах.

...О такой встрече дня 9-го мая 1945 года рассказала Мура Хамрина (Мостовая). Действительно многие люди позабыли в тот день, через что им пришлось пройти. Мура вместе с сестрой и мамой едва убежали из Курска, когда враг подошел к городу. Мать вовсе не собиралась уезжать, думала, что беда обойдет их стороной. Но прибежал отец, забрал все документы и отнес их в эвакуопункт, затем приехал на грузовой машине, на которой уже было две семьи, куда добавилась и семья

Мостовых. Это было 27 августа 1941 года.

Попали они в Коми АССР только в декабре, там находился брат отца, репрессированный как троцкист. Работал на строительстве железной дороги Воркута – Ухта. Беженцы оказались в поселке Усть-Устинский, где не было русской школы. Поэтому Муре пришлось пойти в интернат города Абезь – на границе Северного полярного круга. Понятное дело – жестокие морозы, холод, нехватка пищи, особенно витаминов. Ей повезло – учительницей в школе была воспитанница курсов Смольного, женщина умная, образованная, добрая.

Мать работала телефонисткой. Им пришлось пережить гибель отца, солдата Красной Армии, который был убит 2 февраля 1943 года. Скорее всего они бы вернулись в родной город, но их дом был полностью разрушен варварскими бомбардировками. Поэтому Мура с родными уехала в Гусь-Хрустальный на родину отчима. Школа, институт, работа... 1999 год – вслед за дочерью Мура Хамрина приехала в Израиль.

Семья - ровесница Победы

Иосиф набрал полную грудь воздуха и с силой выдохнул. Радость светилась в глазах, во всем его облике. Начало августа 1945 года было для него поистине счастливым: он встретил мать, трех сестер, с которыми не виделся более четырех лет. Молодой человек вышел во двор и заметил знакомое лицо.

- Софа?!

- Иосиф!

Друг перед другом стояли лейтенант Иосиф Векслер и Софья Плискина в солдатской гимнастерке, но без погонов. Они были знакомы еще с детства, война развела их в разные стороны, одного на фронт, другую в тыл страны.

- Софа, ты почему в форме?

- Перед вами товарищ лейтенант... - старший лейтенант медицинской службы София Плискина. Завтра отправляюсь на Дальневосточный фронт.

Встреча была настолько празднично-радостной, что ребята сразу же зашагали в загс, 6-го августа расписались, 7-го Софья уехала к границе с Японией. Закончился отпуск у Иосифа и он отправился к месту своей службы, по дороге вспоминая свою юность.

Его отец умер в 36 лет, мать осталась с 4 детьми, трое из них были совсем маленькими. Старший Иосиф поступил в Днепропетровский инженерно-строительный институт на факультет промышленного и гражданского строительства.

Три курса этого института позади, летние каникулы, можно на время забросить учебники, отдохнуть. Но не тут-то было – вмешалась война. Пришлось менять мирную профессию на военную. Всех студентов призвали в армию, направили в артиллерийское училище.

В один из дней их подняли по тревоге. Сказали, что немцы высадили десант у Днепра, его нужно уничтожить. У многих не было оружия. Но они заняли позиции на окраине города у строящегося автозавода, выставили боевое охранение.

Вдруг поступил приказ отступить на левый берег Днепра. Ночью переправились по понтонному мосту, остальные были уже взорваны, Оказалось, что гитлеровские солдаты переоделись в форму советских солдат и тоже через этот мост сумели проникнуть на другую сторону реки. Курсанты заняли оборону у металлургического завода имени Коминтерна..

Поступила команда: «Выбить врага с занятой территории».

- Мы по 20-30 человек атаковали позиции немцев. Несли большие потери. Возвращались единицы. Что могли сделать необученные курсанты с засевшими за стенами корпусов завода опытными, хорошо вооруженными солдатами? В одной из атак был убит муж сестры, меня ранило в грудь, и я был отправлен в полевой госпиталь, затем в город Шахты Ростовской области, долечивался в Нальчике. Предоставили мне месячный отпуск. Стал ездить, разыскивать родных. Железноводск, Ташкент, Самарканд..., но никого не нашел. В городе Орджоникидзе познакомился с одним офицером, который предложил пойти учиться в военное училище связи. Оттуда я попал в 361 отдельный батальон связи командиром радиовзвода.

Белоруссия. Операция «Багратион». Страшное зрелище – многие сожженные деревни, разрушенные города. Едва наши части выбивали врага из какого-нибудь селения, из домов, лесов выходили старики, женщины, дети - голодные, со слезами на глазах. Мы отдавали им свой паек, кормили. Я понимал их – у меня погибли бабушка и дедушка в гетто, их расстреляли в 1943 году.

В одном из мест Польши вызвал меня командир корпуса генерал Нуприенко:

- Прервана связь с дивизией. Любым способом нужно найти, есть опасность ее окружения противником.

Мы склонились над картой, генерал показал приблизительное место дислокации соединения. Края эти, естественно, я не знал. Поговорил с местными людьми, выбрал поляка, который

сказал, что знает район, и мы на машине с радиостанцией РСБ начали поиск. Ехали ночью без зажженных фар, чтобы нас не засекали фашисты. Иногда над нами проносились случайные снаряды, может быть фашисты уловили движение автомобиля. Но мы достигли своей цели, нашли наших. Я связался с командиром корпуса, тот переговорил с командиром дивизии. Мне была вручена медаль «За отвагу».

Путь к концу войны был не из легких. После Белоруссии, Польша, Германия, форсирование вместе с передовыми частями Буга, Саны, Одера, участие в штурме Берлина. Длительная артподготовка, свет мощных прожекторов, наступление частей завершилось взятием столицы рейха. В

А. Векслер с внучкой

День Победы Иосиф Векслер был на Эльбе. Здесь встретились с американскими войсками. Ветеран войны рассказывает, что такое запоминается надолго, все было очень трогательно. Американские солдаты и офицеры тепло жали им руки, обнимали, никто не смотрел на ранги, была атмосфера счастья, единства, дружбы. На груди офицера Векслера засияли ордена Красной Звезды,

Отечественной войны I степени, еще одна медаль «За отвагу» и другие.

Теперь Иосиф Векслер и София Плискина живут в Хайфе.

Этот 2010 год юбилейный для них. Главе семьи исполняется в августе 90 лет, в том же месяце 65 лет их совместной жизни и 80 со дня их знакомства. Поздравим их и порадуемся вместе с нашими ветеранами войны.

Первым делом самолеты

Школьный аттестат за 10 классов давал возможность выбрать себе профессию. Не успел Пинхас Кацевман налюбоваться этим документом, как 1 июля пришла повестка в военкомат. Его направили в летную школу в пригороде Гомеля - Ново-Белицу. В конце месяца курсантов погрузили в вагоны и отправили в Казахстан, город Актюбинск. Наступили холода, а у них летняя форма одежды, но тут поступил приказ о переброске их в более теплые места – в Фергану. На новом месте осваивали теорию и технику полетов.

Во время учебы по просьбе председателей колхозов их посылали на уборку урожая: арбузов, дынь и других овощей. Помогали промышленным предприятиям: погрузка в вагоны и разгрузка угля, тюков хлопка по 60 килограммов.

В сентябре 1943 года Пинхас попадает на I Украинский фронт в I гвардейский, который позже именовался киевско-берлинским Краснознаменным, орденов Суворова и Кутузова штурмовой авиакорпус. В нем сражались 8 дважды и 56 Героев Советского Союза.

- В каждом полку были летчики-евреи, - говорит Пинхас Кацевман. Летал я на штурмовике Ил-2, приходилось быть в разных ситуациях. Совершил 41 боевой вылет, трижды был сбит артиллерией немцев, но везло – каждый раз добирался до своих. Один из этих случаев. 20 апреля 1945 года нашему звену поставили задачу: не допустить прорыва кольца блокады города Бреслау танками, пехотой врага. Мы сразу же уничтожили четыре танка и около сотни немецких вояк. Артиллерийский снаряд попал в левую плоскость моего самолета. Пришлось посадить на свой аэродром, так как он был недалеко.

Через некоторое время мы вылетели на подавление вражеских батарей на берлинском направлении. Нами было уничтожено семь артиллерийских батарей с прислугой. Я летел на малой высоте, чувствую сильный удар, самолет закачалось, повреждено шасси. Пришлось садиться на «живот». При падении ударился о приборную доску и потерял сознание. Это было километров в полтора от передовой. Здесь танкисты ремонтировали машины. Они подбежали, открыли фонарь, начали вытаскивать меня. Я и пришел в себя. Накормили меня, напоили немецким ромом (впервые егопил) и на «Вилисе» отвезли в мой полк.

В Силезии есть памятник великому полководцу России Михаилу Кутузову –стелла, а на ней орел. Вроде бы он там умер, тело увезли в Россию, а сердце похоронили в Польше. В этом районе ноябрьским утром 1944 года наш полк бомбил артиллерийские позиции немцев. Мне было за кого мстить, в гетто города Калинковичи погибли мои родители, другие родственники. На фронтах воевали мои братья Израиль и Лейзер. Как-то раз лечу над польской территорией, но не повезло, снаряд угодил в самолет. Снижаюсь до высоты 300 метров, мотор работает. Когда совершил посадку, механики вынули из бомбового люка неразорвавшийся снаряд. Повезло! ...Одним из памятных вылетов Пинхаса было задание бомбить станцию, которая располагалась возле Освенцима. То, что там творилось, что там концентрационный лагерь, никто и не подозревал. Это было 26 января 1945 года. Видимость

всего 200-300 метров. Отбомбился, вернулся.

- Мы взлетали всегда звеном – три самолета. На скорости 120 километров мой самолет немного отклонился от линии взлета. От удара разорвалось одно шасси. Рискнул продолжить выполнение задания. На земле, как обычно, когда группа взлетает, выходят провожать все свободные летчики. Удивились моему решению. Назад лечу, когда пришло время садиться, весь взмок. И тут удача сопутствовала мне. Сел на одно колесо. Самолет цел и невредим. Но назначили комиссию. Сделали вывод: летчик невиновен, наградить.

День Победы застал меня у города Финстервальде, 20 километров восточнее Дрездена. Восьмого мая мы бомбили переправу на Влтаве возле города Мельник, недалеко от Праги. Прилетели, залегли спать. В два часа ночи 9-го проснулись от выстрелов. Схватили пистолеты, выбежали в вестибюль здания, в котором располагались, кто в чем спал. Часовой крикнул: «Победа! Немцы капитулировали». Мы присоединились к салюту. Командир эскадрильи Герой Советского Союза Василий Андрианов побежал к начальнику продовольствия полка. Добыл двух с половиной литров бутылку спирта. Закуски никакой, но посуду опрожнили мы, 10 человек, довольно быстро.

В девять утра посыльной из штаба: капитану Кацевману срочно явиться в штаб корпуса и получить важное задание. Механики втроем одевали на меня парашют, помогли вскарабкаться на плоскость крыла и сесть в кабину. Далее все шло на автомате. Это был последний полет. Вызывали летчиков, чтобы отобрать для учебы в Военную академию имени Фрунзе. Но я не подошел, причина лежала на поверхности – еврей.

...Боевые награды Пинхаса Кацевмана: два ордена Отечественной войны I и II степени, медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина» и другие. С наградами вернулись и его старшие братья Израиль и Лейзер.

Мир - помни!

Сколько судеб, сколько трагедий... Война закружила, разбросало огромное количество людей, загубила, искалечила многих из них. Эвакуация была и спасением, и настоящей трагедией. Их жизнь, их вынужденное переселение на северо-восток, их труд можно назвать подвигом. Некоторые так и не решились рассказать мне о пережитом в годы Великой Отечественной войны. Их ждут новые авторы, новые книги. Пока живы свидетели мужества и героизма воинов и фронтовиков, партизан, узников концлагерей и гетто, тружеников тыла, свидетели жизни и смерти миллионов людей в тяжелые годы Второй мировой войны, тема, поднятая на страницах этой книги, будет востребована. Нельзя оценивать сумму переживаний того или иного человека, у каждого своя судьба, свое горе, свои испытания.

Иногда слышу в адрес тех, кто сумел избежать фашистской неволи, слова: «В тебя же не стреляли». Верно. Но сколько сотен тысяч людей погибло в эвакуации – стариков, молодежи, детей. Какие невзгоды пришлось пройти им, чтобы выжить, выбраться из нищеты, голода, непосильной работы, дожидаться Дня Победы, вернуться домой, а там пепелище. Нужно было начинать жизнь занова.

Встречаясь теперь с людьми пережившими потрясения сороковых лет XX тысячелетия, людьми преклонного возраста, нередко со слабым здоровьем, радуюсь, что многие из них жизнестойки, несмотря на опасности военных лет, трудности послевоенной жизни, не всегда легкую абсорбцию в Израиле.

Я благодарен всем, кто помогал в написании книги, кто делился своими воспоминаниями. Здоровья всем Вам!

Таблица потерь еврейского народа в Холокосте

Страна	Авторы				
	Д.Райтлингер	Р.Хилберт	И. Гутман и Р. Розетт	В. Бенц	Электронная евр. энциклоп.
Польша	2,35-2,6млн.	3млн	2,9-3млн.	2,7-3млн	3млн.
Советский Союз	700-750тыс.	0,9млн.	1,21-1,31млн.	2,1млн.	Союз
Венгрия	180-200тыс.	180тыс.	550-569тыс.	550тыс.	1,565тыс.
Румыния	200-220тыс.	270тыс.	271-287тыс.	211тыс	40тыс. ?
Германия	160-180тыс.	120тыс.	134-141тыс.	160тыс.	125тыс.
Чехословакия	233-243тыс.	260тыс.	146-149тыс.	143тыс	277тыс
Нидерланды	104тыс.	100тыс.	100тыс.	102тыс.	106тыс
Франция	60-65тыс.	75тыс.	60-65тыс.	76,13тыс.	83тыс
Австрия	60тыс.	50тыс.	50тыс.	65,46тыс.	65тыс.
Югославия	58тыс.	60тыс.	56-63тыс.	65,46тыс.	60тыс.
Греция	57,2тыс.	60тыс.	60-67тыс.	59тыс.	65тыс.
Бельгия	25-28тыс.	24тыс.	28,9тыс.	28,9тыс.	24тыс.
Италия	8,5-9,5тыс.	10тыс.	8,5-9,5тыс.	6,5тыс.	7,5тыс.
Люксембург	3тыс.	1тыс.	1,95тыс.	1,2тыс.	0,7тыс.
Норвегия	1тыс.	762чел.	762чел.	758чел.	760чел.
Дания	100чел.	60чел.	60чел.	116чел	----
Итого:	4,579 млн.	5,110млн.	5,860млн.	6,269млн.	5,821млн.

Примечание: Согласно последним исследованиям в Советском Союзе погибло гораздо больше евреев: по Украине называется цифра в 1млн.500 тысяч, по Белоруссии - 800 тысяч, Прибалтика – до 300 тысяч.

Источники

- Российская-еврейская энциклопедия.
- Электронная еврейская энциклопедия.
- Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. 1941-1944. Сборник документов и материалов.
- Н. Мюллер. Вермахт и оккупация. (1941-1944)
- Холокост. Энциклопедия, 2009 г.
- Энциклопедия. Холокост на территории СССР. Москва, Росспэн, 2009 г.
- И. Альтман, А. Гербер, Ю. Полторак. История Холокоста на территории СССР.
- Леонид Смиловицкий. Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941-1944. Тель-Авив, 2000 г.
- Ш. Цейтлин. Документальная история евреев Риги. Израиль, 1989 г.
- Инна Герасимова, Стали мы плечом к плечу. Евреи в партизанском движении Белоруссии. Минск, 2005 г.
- Борис Овецкий. От Бреста и до Бреста. Хайфа, 2008 г.
- Моше-Давид Хаят. Духом не павшие. Иерусалим, 2005г.
- Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. Москва, 1946 г.
- Л. Кантор. Перебазирование промышленности СССР. Ленинград, 1947 г.
- Г. Куманев. Война и эвакуация в СССР.
- Г. Олехнович. Трудящиеся Белоруссии – фронту. Минск, 1972 г.
- С. Швейбиш. Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы. Вестник еврейского университета в Москве, 1995 г. ¹ 2(9).
- Э. Шкурко. Очерки истории евреев Башкирстана. Уфа, 1999 г.
- А. Вольфсон. Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. Екатеринбург, 1998 г.
- Г. Ерусалимчик. Разные судьбы – общая судьба. (Из истории евреев Челябинска), 1999 г.
- Материалы музея «Яд ва-Шем»
- Материалы музея «Лохамей ха-Гетаот»
- Материалы газет «Новости недели», «Вести», интернет.
- «Вести», «THE JERUSALEM POST»

Оглавление

Да разве сердце позабудет

Вступление	5
Мы из гетто	9
Война – день первый	12
Тропую жизни	24
Кавалер орденов Славы	31
Сильнее смерти	42
Еврейское местечко	71
Письма из Кирьят-Шмона	83
Сын полка	93
В катакомбах	104
Русская выдала, немец спас	111
Между жизнью и смертью	121
Нам дороги эти позабыть нельзя	123
Преддверие трагедии	125
Репрессии как спасение	133
Резкий поворот	145
Я твой отец	176
Неуемная	182
Медаль за доблестный труд	201
С добрым сердцем по жизни	206
Москва – 1941	246
Эх, Ладога	257
Этот день мы приближали как могли	275
И в труде, и в бою	277
Женщины – медики	287
На пути к триумфу	299
Семья – ровестница Победы	305
Мир – помни!	311
Источники	313
Оглавление	314